

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ»
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
КАФЕДРА УГОЛОВНОГО ПРАВА,
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ**

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

МАТЕРИАЛЫ

***ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ,
ПОСВЯЩЁННОЙ 95-ЛЕТИЮ ЗАСЛУЖЕННОГО
ЮРИСТА РОССИИ, ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОРА КАФЕДРЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА,
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ
АЛЕКСАНДРА АБРАМОВИЧА ЛЕВИ***

Москва, 12 мая 2017 г.

***Под редакцией доктора юридических наук,
профессора Л.А. Букалеровой***

**Москва
Российский университет дружбы народов
2017**

УДК 343:344.65(063)
ББК 67
У26

Утверждено
РИС Ученого совета
Российского университета
дружбы народов

Под редакцией

доктора юридических наук, профессора *Л.А. Букаловой*

У26 **Уголовное право и процесс: история и современность** : материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой 95-летию заслуженного юриста России, доктора юридических наук, профессора кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики РУДН Александра Абрамовича Леви. Москва, 12 мая 2017 г. / под ред. Л. А. Букаловой. – Москва : РУДН, 2017. – 184 с. : ил.

ISBN 978-5-209-08349-8

В сборнике рассматриваются вопросы исторического и перспективного развития отечественного и зарубежного уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

Издание предназначено для научных работников, преподавателей, практикующих юристов, студентов юридических вузов и факультетов, а также всех тех, кто интересуется вопросами уголовного и уголовно-процессуального правотворчества и правоприменения.

ISBN 978-5-209-08349-8

© Коллектив авторов, 2017
© Российский университет
дружбы народов, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ. О заслуженном юристе России, д.ю.н., профессоре А.А. Леви.....	6
РАЗДЕЛ 1. Уголовный процесс. История и современность.....	8
Леви А.А. Моя солдатская судьба.....	8
Ахпанов А.Н., Тукиев А.С., Казиев З.Г. Уголовное досудебное производство в республике Казахстан: тренд институциональных преобразований.....	11
Шнарбаев Б.К. Ювенальная пробация.....	20
Белозёрова И.И., Осипов Н.П. Оперативно-розыскная деятельность и оперативно-розыскные мероприятия в РФ и ФРГ.....	27
Василенко А.С. О восстановительном правосудии по делам несовершеннолетних в англосаксонских странах.....	31
Виноградова М.М. Судебная экономическая экспертиза в уголовном судопроизводстве.....	35
Голощапова Т.И. Соотношение специальных знаний специалиста и эксперта в доказывании по уголовным делам в отношении этнических преступных сообществ.....	39
Маслов И.В. Проблемные вопросы доказывания субъективной стороны преступлений.....	43
Медведева С.В. Особенности прекращения уголовного дела в стадии назначения судебного разбирательства.....	47
Герасенков В.М., Герасенкова О.А. Формирование новой модели ускоренного досудебного производства в отечественном уголовном процессе.....	51
Самолаева Е.Ю. Актуальные проблемы квалификации и доказывания сбыта наркотических средств и психотропных веществ, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».....	58
Селезнева Н.А. Особенности производства по делам несовершеннолетних в уголовном процессе Королевства Непал.....	61
Букуру Жан-Батист. Практика национальных судов по вопросу сотрудничества государств с Международным уголовным судом: решения Верховного суда ЮАР.....	66
Гасанова У.Н. Механизм обеспечения беспристрастности, объективности и справедливости прокурора при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.....	70
Охлопкова А.С. Кучерков И.А. Особенности изменения правового статуса защитника в Российской Федерации в процессе конвергенции права.....	75
Рыжкова И.А. Сравнительный анализ механизмов реализации принципа уважения чести и достоинства личности в уголовно-процессуальных законах зарубежных государств.....	78
Бердиев Б. Актуальные проблемы защиты потерпевших в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.....	82
Петрова Э.И. Соглашение о сотрудничестве и сделка о признании вины (сравнительный анализ в уголовном процессе Российской Федерации и США)...	85
Сохибов Ф. О некоторых проблемах, возникающих во время ознакомления обвиняемого и защитника с материалами уголовного дела по окончании предварительного следствия.....	89
Союнханов Б. Признаки понятия уголовно-процессуальных доказательств в Туркменистане и Российской Федерации.....	93

РАЗДЕЛ 2. Уголовное право. История и современность.....98

Лапшин В.Ф. Институты административного права в уголовном законодательстве: нонсенс или реальность?.....	98
Клебанов Л.Р. Проблемы Общей части уголовного права и защита художественного рынка.....	102
Бекмагамбетов А.Б. К вопросу о пробельности уголовного законодательства Республики Казахстан в сфере регламентации ответственности за обращение в рабство и использование рабского труда.....	105
Борисова О.В. Описание срока наказания в санкциях статей Особенной части УК РФ.....	109
Исмагулова А.Т. Актуальные проблемы политики противодействия маргинальной преступности в Республике Казахстане.....	111
Руденко А.С. Ряховский В.В. Освобождение от уголовной ответственности за экономические преступления в зарубежном уголовном праве.....	114
Савин П.Т., Вопросы создания первых уголовных законов на Ближнем Востоке и в Европе.....	118
Темиржанова Л.А., Каиржанова Д.К. Совершенствование законодательства Республики Казахстан в борьбе с мошенничеством в сфере недвижимости.....	121
Шуранова О.В. Смертная казнь и пожизненное лишение свободы: вопросы рецепции в российское уголовное и уголовно-исполнительное законодательство.....	124
Воронина Т.В. Вопросы уголовной ответственности в брачном законодательстве эпохи Петра I.....	129
Егорова Т.И. Глобализационная опасность снижения рождаемости: международное понимание и уголовное право Германии.....	132
Остроушко А. В. К вопросу о проблеме противодействия склонению детей к суициду посредством сети «Интернет».....	134
Даурембеков Е.К. Проблемы социальной адаптации лиц, в отношении которых применены меры пресечения в виде содержания под стражей.....	138
Добряков Д.А. Классификация наказаний по уголовному законодательству Российской Федерации и Республики Корея.....	144
Ризаева Д.Э. Манна А.А.К. Условия правомерности крайней необходимости и необходимой обороны по англосаксонскому законодательству.....	147
Чураков Д.Б. Исторические аспекты развития отечественного уголовного законодательства об охране лесов.....	152
Питикин Р.А. Уголовная ответственность за служебные подлоги должна быть реформирована	155
Кумпан А.С. О некоторых аспектах криминологической характеристики женщин, совершающих преступления в сфере экономики.....	158
Горбунов А.В. К вопросу о включении в УК РФ специальной нормы, предусматривающей ответственность за применение насилия в отношении медицинских работников.....	161
Степанов Н.А. Проблема назначения наказания несовершеннолетним.....	164
Алиева Д.Т. Перспективы развития уголовно – правовых норм об ограниченной вменяемости.....	167
Белова Е.В. Концепция межотраслевого регулирования уголовно-правового воздействия к лицам, совершившим общественно опасное деяние в состоянии невменяемости.....	170

Квашнина Е.П. Склонение к самоубийству и доведение до самоубийства: история и современность.....	173
Шабазов У.А. Проблема квалификации медицинских ошибок как уголовно-наказуемых деяний.....	176
Якушев Д.В. Мошенничество в сфере компьютерной информации: юридическая природа и соотношение со смежными составами преступлений.....	180

ВВЕДЕНИЕ.

О заслуженном юристе России, д.ю.н., профессоре А.А. Леви

Леви Александр Абрамович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики РУДН, Заслуженный юрист России, старший советник юстиции, с 1997 года и по настоящее время - профессор кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Российского университета дружбы народов.

А. А. Леви родился 18 апреля 1922 г. в г. Москве, окончил юридический факультет МГУ в 1950 году, после чего работал экспертом в Центральной криминалистической лаборатории МЮ СССР, потом адвокатом, заведующим юридической консультацией, а с 1963 года - научным сотрудником НИИ Генеральной прокуратуры РФ.

Участник Отечественной войны, дважды был тяжело ранен, награжден орденом Отечественной войны 1-ой степени, медалями «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией» и др.

В 1965 году защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Научно-правовые основы и практика криминалистической защиты документов от подделки», а в 1977 году докторскую диссертацию на тему процессуальные и криминалистические проблемы применения научно-технических средств в уголовном судопроизводстве». В 1992 году ему присвоено ученое звание профессора по специальности: «Уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза».

А.А. Леви является автором и соавтором более 100 печатных работ, из них 29 монографий, методических и справочных пособий по вопросам криминалистики, уголовного процесса, и адвокатуры.

Наиболее крупные книги: «Звукозапись в уголовном процессе», «Осмотр места происшествия», «Научно-технические средства в уголовном судопроизводстве», «Обыск», «Особенности предварительного расследования преступлений, осуществляемого с участием адвоката», «Потерпевший в уголовном процессе», «Руководство для следователей».

Сферу научных интересов А.А. Леви составляют проблемы криминалистической техники, процессуальные и тактические вопросы проведения следственных действий, вопросы адвокатской деятельности, в том числе использование защитником данных криминалистики.

А.А. Леви является одним из инициаторов использования при расследовании в судебном разбирательстве звукозаписи и видеозаписи, по его проекту и с непосредственным участием был создан первый в СССР зал судебного заседания (в Московском областном суде), оборудованный всем необходимым для использования разнообразных научно-технических средств, в том числе осуществления звукозаписи при ведении протокола судебного заседания. По результатам функционирования данного зала, а также созданных по его подобию залов судебных заседаний в других городах, А.А. Леви подготовил большое методическое пособие «Научно-технические средства в суде».

А.А. Леви руководил 19-ю аспирантами, успешно защитившими кандидатские диссертации, являлся консультантом по трем докторским диссертациям. Многократно выступал оппонентом по кандидатским и докторским диссертациям, а также был докладчиком на многих международных и отечественных конференциях юристов.

Ряд выступлений А.А. Леви, а также его статей, опубликованы в юридической печати Венгрии, Германии, Польши, Чехословакии и США.

Хорошо зная немецкий язык, неоднократно читал лекции по криминалистике в Университете им. Гумольта (Берлин) и сотрудничал с крупной немецкой адвокатской фирмой «Реш и партнеры» (Берлин).

А.А. Леви - Почётный работник прокуратуры, за боевое и трудовое отличие награждён орденом Отечественной войны 1 степени, медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», в 2003 году награжден Почетной серебряной медалью, учрежденной Советом по общественным наградам ООН «За выдающиеся заслуги в развитии криминалистики и судебной экспертизы», в 2007 году награжден медалью «Ветеран Прокуратуры», в 2008 году - медалью МВД РФ «За заслуги в борьбе с преступностью», в 2010 г. - Почетным знаком Прокуратуры РФ 1-ой степени «За верность закону».

В настоящее время профессор Леви А.А. один из немногих еще активно работающих ученых – криминалистов и процессуалистов, являющихся учениками таких классиков юриспруденции, как профессора Н.Н. Полянский и И.Н. Якимов, идеи которых он успешно реализует.

Научная школа Александра Абрамовича - «Адвокатура и адвокатская деятельность», он является научным руководителем и консультантом пяти аспирантов и одного доктора по темам адвокатуры.

Выступал оппонентом по ряду диссертаций, защищенных по темам адвокатуры, опубликовал 12 статей по темам адвокатуры и монография «Особенности предварительного расследования преступлений, осуществляемого с участием защитника» (два издания 1995 и 2004 г.г.)

Участвовал в разработке Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре».

А.А. Леви активно участвует в работе Диссертационных советов РУДН, помогает молодым ученым.

Кафедра уголовного права, уголовного процесса и криминалистики РУДН гордится Заслуженным юристом России, доктором юридических наук, профессором А.А. Леви.

**Заведующий кафедрой уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики РУДН,
д. ю. н., профессор Л.А. Букалерева**

РАЗДЕЛ 1. Уголовный процесс. История и современность.

Леви А.А.
д.ю.н., профессор РУДН

Моя солдатская судьба

Войну я встретил ранним утром 22 июня 1941 года на границе с занятой немцами территории Польши, недалеко от Бреста.

Сразу же началось наше беспорядочное отступление. Временами оста-навливались, окапывались, потом двигались дальше. Никакой связи между воинскими частями не было, что делать никто толком не знал. Казалось, что планов на случай нападения Германии и перехода ее армий на нашу территорию не существовало. Во всяком случае, на нашем участке границы по реке Бугу никто из командиров не знал, куда двигаться и что делать. Лесами, полями неслись автомашины, тащились повозки, изредка трактора с пушками или пушки на лошадиной тяге, такие к началу войны еще имелись. Неслись и тащились нередко навстречу друг другу, одни к границе, другие от нее. Связи никакой. Так что неразбериха была страшная.

Наши воинские части оказались рассеянными, солдаты небольшими группками пробирались на восток. Шли наобум, по солнцу, так как ни карт, ни компаса не было. Немцы рыскали по лесам в поисках подобных групп, брали их в плен или уничтожали, если встречали сопротивление. Такая команда немцев ранним утром где-то под городом Волковыском наткнулась и на нашу группу. Мы пытались отстреливаться, но противник значительно превосходил нас. И здесь меня тяжело ранило в живот.

Как ни странно, но подбежавшие молодые солдаты меня не добились, а отвезли в расположенный неподалеку еще частично действовавший советский военный госпиталь, весь персонал которого и находившиеся в нем раненые уже находились в плену.

В госпитале меня сочли безнадежным, ничего делать не стали и, даже не сняв с носилок, оставили умирать в какой-то пустой комнате.

Предположения врачей не сбылись и каким-то чудом, со сквозным пуле-вым ранением живота, без операции, которая в таких случаях обязательна, я остался жив. Позднее врачи мне говорили, что такое встречается крайне редко.

Началось страшное для меня время пребывания в плену, а затем, после относительного выздоровления и удачного побега из лагеря, нелегального пребывания на оккупированной территории. Очень помогало мне участие в движении сопротивления на Белосточине, члены которого считали меня своим и нередко давали довольно опасные задания.

Но мысль у меня все время была только одна, как вернуться в Армию. К сожалению, сделать это удалось только летом 1944 года во время наступления наших войск в Белоруссии.

После соответствующей проверки в "Смерше" меня направили в активно действовавший 624-й стрелковый полк 137-ой Бобруйской дивизии. Тогда находившиеся в плену - как и почему не разбирались - должны были кровью искупить свою "вину" на передовой. И я, бывший санинструктор, старшина, начал дальнейшую военную службу в качестве рядового санитаря-носильщика. Это была адская работа, опаснейшая военная специальность, про которую сейчас почти никто ничего не знает.

Главная задача санитаря-носильщика вынести раненого с поля боя или с нейтральной полосы. Существовал приказ Сталина, в котором говорилось, что

если раненый пролежит более трех часов, то командир подразделения, в зоне которого это имело место, идет в штрафной батальон. Но в этом же приказе была шкала наград, за вынос раненых с поля боя, примерно как за боевые вылеты самолетов.

В книжке санитар-носильщика было напечатано, что за вынос пятнадцати человек дают медаль "За отвагу", за двадцать пять человек - орден "Красная звезда", за пятьдесят человек - орден "Боевое Красное знамя" и за восемьдесят человек - орден "Ленина". Уже одно это говорит, сколь опасной считалась работа санитар-носильщика. Потому, когда читаешь, что какая-то санитарка вынесла с поля боя двести человек, то понимаешь, что это очередная журналистская ложь. Женщин санитаров-носильщиков на передовой вообще не было, даже мужчины санитары-носильщики работали, как правило, вдвоем, так как одному вытащить раненого физически очень трудно. И вытаскивали их обычно не на руках, а с помощью носилок с небольшими колесиками с одного конца. Эту носилку-коляску санитары, двигаясь ползком, по-пластунски, притаскивали к раненому, затем перекачивали его на носилку и опять же ползком вывозили в наиболее безопасное место. За войну я видел только одного санитар-носильщика, который «дожил» до ордена Ленина. Обычно они погибали или оказывались ранеными, не успев получить хоть малую часть обещанных наград.

Примерно месяца два я прослужил санитаром-носильщиком. И теперь, иногда задумываясь над тем, что же я сделал в жизни самое главное, прихожу к выводу, - это то, что вынес с поля боя двадцать два тяжело раненых бойца. А это было ох как непросто.

Особенно хорошо помню одного молодого парня, который был совершенно недвижим, но жив, а я в этот раз работал без напарника. Место, где он лежал, простреливалось "кукушкой", так называли немецких солдат, оставляемых в скрытых местах после того, как основные силы отходили. Обычно они сидели на деревьях. Как я тогда остался жив и сохранил раненого, сам удивляюсь, ведь малейшее движение вызывало выстрелы, и пули пролетали где-то рядом. Спасло то, что я сумел затащить раненого на картофельное поле и тащил его между бороздами. Дотащил его до батальонного медпункта живым.

Вскоре меня опять ранило, но в госпиталь я не пошел, а поскольку ранее был санинструктором-старшиной, то меня забрали в санроту, поручив учет и транспортировку поступающих раненых. А когда ранили начальника полковой аптеки, который ведал всем медицинским снабжением, назначали на эту должность меня, используя при поступлении большого количества раненых, и в качестве фельдшера.

Работали на полковом медицинском пункте с большими трудностями. Не хватало самого необходимого, не только крови для переливаний, но и кровозамещающих жидкостей. Помню, как на снеговой воде готовил физиологический раствор, который затем примитивно стерилизовал на костре. Так же готовил раствор новокаина. Сколько потом осложнений, вероятно, наступало, можно только предполагать, но выбора не было. Не хватало шин для фиксации переломов, приходилось использовать подручные средства. Практически не было специального санитарного транспорта. Сколько раненых из-за этого не до-возили до медсанбата!

Много можно написать о времени, проведенном на фронте, а наш полк, очень редко отводили на отдых, во второй эшелон, так что случаев отпра-виться на тот свет было более чем достаточно, но об ужасах войны уже написано много, и потому повторяться не буду.

Всё же, какое самое страшное воспоминание осталось о войне? Это огромное количество трупов. Сначала оставленные на поле боя, а затем

свезенные похоронной командой и складированные штабелями, как дрова. Причем очень часто эти огромные потери оказывались совершенно бессмысленными. Хорошо помню, как наш полк штурмовал разбитый сыроваренный завод в Восточной Пруссии, в подвалах которого засели немцы. Основные части уже давно ушли вперед, а мы окружили этот завод и пытались выбить оттуда противника. После нескольких дней безуспешных атак положили почти весь полк. А срочно брать этот укрепленный пункт и не следовало, так как засевшие там немцы развитию наступления не мешали. Но бесконечно шли приказы: "Взять!" Можно было оставить блокирующую группу, а остальным двигаться дальше.

А какое самое хорошее воспоминание о войне, если вообще может быть хорошее воспоминание об этом ужасе? Но все-таки было такое - это дух товарищества и взаимопомощи! Когда сегодня слышишь про "дедовщину" в армии, то вспоминаешь как раз обратное: "старики" учили молодых, стара-лись их сохранить. Когда я был санитаром-носильщиком, то мой напарник Миша Малащенко все время старался уберечь меня от опасных ситуаций, которые я по неопытности еще не ощущал. Только ему обязан тем, что вовремя окапывался, без нужды не высывался, не лез, сломя голову, а выжидал благоприятного момента. Память о таких соратниках, по-настоящему замечательных людях, вот что хорошее осталось от тех лет.

И, конечно, главное, это то что, несмотря на всё трудности и потери, связанные с войной, мы победили и тем спасли мир от фашизма!

Конец войны застал меня под Кенигсбергом, во взятии которого принимал участие.

Осенью 1945 года меня демобилизовали и совершенно неожиданно признали полностью негодным в военной службе. Сказались ранения, на последствия которых на фронте не обращал внимания.

После демобилизации была только одна мысль - учиться и только на медика, но так сложилось, что стал юристом.

Многое из пережитого кажется невероятным везением. Как-то в воен-комате, когда запоздало вручали мне медаль "За отвагу", военком попросил зайти к нему поговорить. Его интересовало только одно. - "Как ты остался жив?" Честно говоря, сам этому удивляюсь. Видно такова была моя солдатская судьба.

Ахпанов А.Н.

д.ю.н., профессор
ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва,

Тукиев А.С.

к.ю.н.,

Институт законодательства Республики Казахстан,

Казиев З.Г.

к.ю.н., профессор,

Институт законодательства Республики Казахстан,

Уголовное досудебное производство в республике Казахстан: тренд институциональных преобразований.

*«Если не знаешь, куда идти,
вспомни, откуда пришёл».*

Африканская пословица

Правоприменение обновленного уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан свидетельствует как о позитивных решениях многих актуальных вопросов следственной и судебной практики, так и о несистемном, фрагментарном подходе к ряду теоретических и прикладных проблем уголовного процесса.

Представляется необходимым обратить внимание на некоторые ключевые вопросы, требующие своего неотложного разрешения и связанные с ролью оперативно-розыскной информации в расследовании, совершенствованием упрощенного производства. Кроме того, с учетом современного общественного правосознания пришло время для перехода на новый уровень понимания роли и задач досудебного расследования, его построения на основе успешно апробированного зарубежного опыта.

Во всех правовых системах важными, если не центральными задачами оперативно-розыскной деятельности (ОРД) выделялись выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений.

Исключение из Закона РК «Об оперативно-розыскной деятельности» задачи раскрытия преступлений на практике смешало цели, средства их достижения, а также особенности оперативно-розыскного и уголовно-процессуального доказывания (глава 16 УПК РК). Подрываются такие основы ОРД как конспирация деятельности, внезапность и тактика оперативно-розыскных мероприятий, конфиденциальность негласных источников, трансформация результатов ОРД в доказательства в рамках части второй статьи 120 УПК РК.

Исключительно на следователя и дознавателя УПК возложил как основную факультативную для них задачу раскрытия преступлений (следственным путем традиционно раскрывалось не более 2-4% преступлений). С 2015 года органически присущая оперативным подразделениям задача искусственным образом стала не свойственна им.

Наблюдается наделение одних правоохранительных органов несвойственными им функциями с освобождением от них других органов, явно предназначенных для их выполнения. В результате смешения функций остро встанет вопрос об угрозе безопасности и правопорядку в стране в контексте противодействия и борьбы с организованной преступной деятельностью, в т.ч.

коррупцией, религиозным экстремизмом и терроризмом, посягательствами на безопасность государства.

Между тем обязательная и немедленная их регистрация в Едином реестре досудебных расследований делает бессмысленной оперативную работу по раскрытию названных деяний.

Представляется весьма спорным тезис о том, что в соответствии с зарубежным опытом ОРД является неотъемлемой частью уголовного процесса в форме НСД. В европейских странах и США ОРД признается специальным видом служебной деятельности, регламентируемой подзаконными актами и тесно интегрированной, в том числе с задачами уголовного процесса. Весь правоограничительный потенциал ОРД скован судебным контролем.

В этой связи полагаем, что данные вопросы требуют специального изучения в целях восстановления в законе «Об оперативно-розыскной деятельности» ключевой задачи оперативных подразделений – раскрытие преступлений и проработки возможностей более широкого включения ОРД в интересы уголовного судопроизводства.

Как показывает следственная практика институты ускоренного дознания и предварительного следствия (ст. 190 УПК РК), протокольного производства по уголовным проступкам (гл. 55 УПК РК) не дали ожидаемого эффекта. При 3-5 кратной возросшей нагрузке на следователей и дознавателей сроки досудебного расследования в сравнении со старым УПК увеличились в полтора раза. Большинство дел об уголовных проступках прекращаются, поскольку производство по ним усложнено. Каждое пятое уголовное дело возвращается прокурором на дополнительное расследование¹.

Проведенный нами анализ норм статьи 190 и главы 55 УПК РК в сравнении дает основание для вывода о том, что новеллы не упростили, а усложнили процессуальную форму (порядок) досудебного расследования в сравнении с ранее действовавшим институтом ускоренного досудебного производства. Отличие между обычным и ускоренным дознанием и следствием только в сроках расследования, при этом у следователя (дознателя) сохраняется такой же объем работы и количество процессуальных документов.

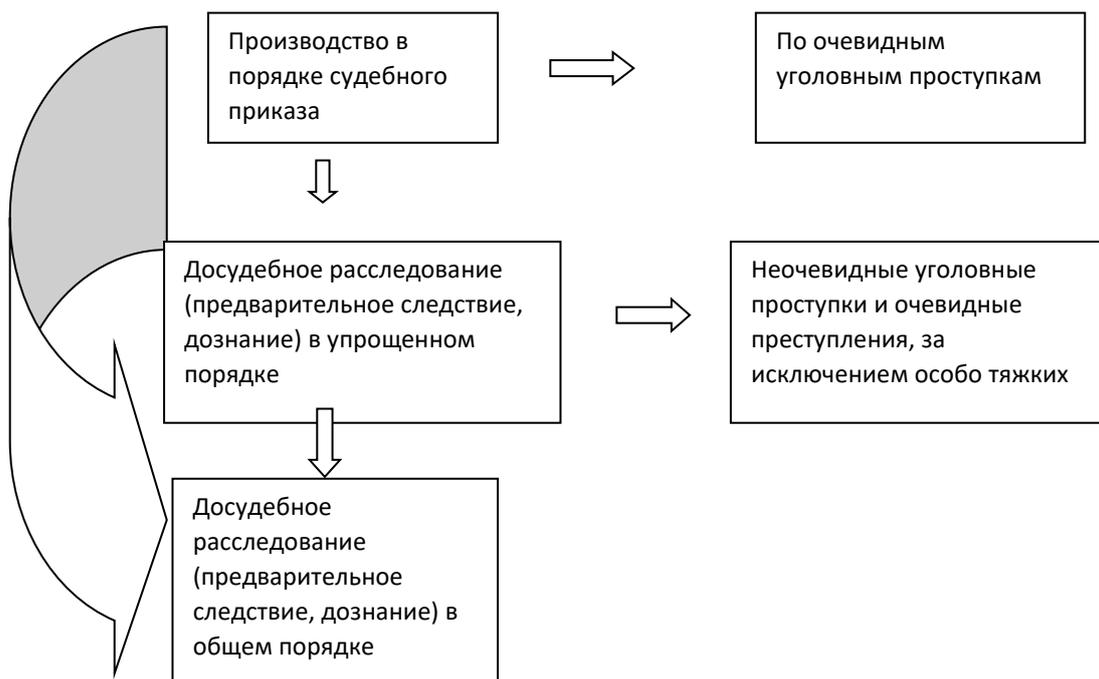
В этой связи предлагается концепция досудебного расследования по уголовным делам в упрощенном порядке и производства в порядке судебного приказа.

Концепция основана на всестороннем анализе законодательства, в том числе зарубежного, правоприменительной практики и данных государственной правовой статистики. Она предусматривает введение в действующий Уголовно-процессуальный кодекс принципиально новой редакции главы 55 «Особенности досудебного расследования в упрощенном порядке» с включением в неё отдельных норм статьи 190 «Ускоренное досудебное расследование», а также дополнение УПК новой главой 55-1 «Производство в порядке судебного приказа». При этом в УПК предлагается сохранить такие формы расследования как следствие и дознание с постановкой на утрату статьи 190 УПК.

Впервые вводятся научно и практически обоснованные критерии очевидности преступления, которые опираются на явные основания уголовно-процессуального задержания (опыт Франции, Германии и других европейских государств).

Предлагается следующая схема досудебного расследования.

¹ Уголовное законодательство без уловок / Выступление министра внутренних дел РК на Парламентских слушаниях 18 ноября 2016 года «Дальнейшая модернизация уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства РК // Казахстанская правда. 2016. 19 ноября. № 223 (28349).

В основу дифференциации форм расследования положены признаки уголовного правонарушения, согласно которым оно признается очевидным:

- лицо застигнуто в момент совершения преступления;
- лицо задержано потерпевшим, очевидцами и иными лицами непосредственно после совершения им преступления;
- лицо застигнуто вблизи от места совершения преступления с предметом посягательства, и/или орудием преступления;
- потерпевшие и очевидцы прямо указывают на данное лицо;
- преступление и совершившее его лицо запечатлено техническими средствами фиксации;
- на подозреваемом или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления, указывающие на совершение им очевидного преступления.

Если имеется хотя бы один из указанных признаков очевидности правонарушения, следователь, дознаватель по своему усмотрению принимает решение о расследовании:

1) очевидных уголовных проступков в порядке производства в форме судебного приказа;

2) неочевидных уголовных проступков, а также очевидных преступлений, за исключением особо тяжких в порядке упрощенного досудебного расследования.

При этом не требуется согласия подозреваемого и потерпевшего, достаточно усмотрения лица, осуществляющего досудебное расследование. За лицом, производящим досудебное расследование, также сохраняется право на переход в режим дознания или предварительного следствия.

1. Досудебное расследование в упрощенном порядке.

Досудебное расследование в упрощенном порядке может применяться следователями и дознавателями по очевидным преступлениям небольшой,

средней тяжести и тяжким преступлениям, а также неочевидным уголовным проступкам при наличии следующих условий:

- если точно установлено лицо, совершившее уголовное правонарушение;
- лицо согласно с выдвинутым против него подозрением;
- оно не оспаривает изобличающие его доказательства;
- согласно с характером и размером заявленного гражданского иска.

По аналогии с ускоренным досудебным расследованием (которое предлагается упразднить) концепцией сохранены случаи, когда досудебное расследование в упрощенном порядке недопустимо.

Досудебное расследование в упрощенном порядке, согласно концепции, состоит в следующем.

В срок до семи суток после регистрации заявления и сообщения об уголовном правонарушении в Едином реестре досудебных расследований следователем (дознавателем) должны быть произведены лишь те неотложные следственные действия, которые направлены на изобличение подозреваемого, и промедление с которыми может привести к утрате доказательств и фактических данных. В ходе досудебного расследования в упрощенном порядке исследование обстоятельств дела ограничивается объемом доказательств, достаточным для установления факта уголовного проступка или преступления и лица, его совершившего.

Одновременно предлагается установить запрет на производство следственных действий, требующих длительного времени: производимых с санкции, негласных, направленных на проверку и уточнение показаний.

Уголовно-процессуальное задержание применимо на общих основаниях, но с ограничением в этом случае срока досудебного расследования в упрощенном порядке. В ходе данного производства допускается применение мер пресечения: подписки о невыезде или личного поручительства, а также иных мер процессуального принуждения: обязательство о явке и наложение ареста на имущество.

По очевидным тяжким преступлениям лицо, осуществляющее досудебное расследование, вправе применить меру пресечения содержание под стражей в порядке статьи 139 УПК на срок до 10 суток.

По завершении данного вида особого производства дознавателем или следователем составляется итоговый процессуальный документ - протокол о досудебном расследовании в упрощенном порядке, содержащий описание деяния, его квалификацию, перечень доказательств, анкетные данные о лице, совершившем уголовное правонарушение.

Протокол суммирует в себе ряд процессуальных актов, составляемых при обычном расследовании уголовного дела. Его содержание не требует вынесения отдельных процессуальных актов: постановления о квалификации деяния подозреваемого, протокола ознакомления сторон с материалами дела, обвинительного акта, постановления прокурора о предании обвиняемого суду.

Досудебное расследование в упрощенном порядке в основном будут применять органы внутренних дел.

Уголовные дела по данному виду производства должны рассматриваться судом первой инстанции в сокращенном порядке по правилам статьи 382 «Судебное разбирательство в упрощенном порядке» УПК РК.

II. «Производство в порядке судебного приказа» (глава 55-1 УПК РК)

Данный вид особого производства может применяться по усмотрению лица, осуществляющего расследование, по очевидным уголовным проступкам, наказание за совершение которых не предусматривает ареста.

Пределы доказывания в досудебной подготовке в порядке судебного приказа ограничены доказательствами, устанавливающими очевидность уголовного проступка и совершение его подозреваемым.

Одновременно с допросом подозреваемого дознавателем, следователем составляется протокол о разъяснении ему права присутствовать на судебном заседании, а в случае его неявки - права принести возражения на приговор, постановление в форме судебного приказа.

Надлежащее поведение подозреваемого обеспечивается теми же мерами, что и при досудебном расследовании в упрощенном порядке, за исключением задержания.

В срок не позднее двух суток с момента регистрации в Едином реестре досудебных расследований заявления или сообщения лицо, осуществляющее досудебное расследование, составляет протокол об очевидном уголовном проступке и направляет дело прокурору.

Суд по ходатайству прокурора может рассмотреть дело по существу в порядке судебного приказа на основании материалов уголовного дела с участием или без участия сторон, но с обязательным участием прокурора в качестве государственного обвинителя.

После получения копии приговора, постановления о прекращении дела в форме судебного приказа осужденный, оправданный и их защитники, потерпевший и его представитель вправе в течение семи суток принести свои возражения.

При наличии возражений акт в форме судебного приказа признается недействительными, дело подлежит новому рассмотрению в ином составе суда по правилам статьи 382 УПК. При их отсутствии приговор, постановление о прекращении дела в форме судебного приказа вступает в законную силу и может быть обжаловано, опротестовано на общих основаниях.

Ожидаемый эффект. Реализация концепции в законопроекте позволит: обеспечить процессуальную экономию; значительно сократить время между моментом совершения деяния и разрешением дела по существу, снизить издержки досудебного и судебного производства по преступлениям небольшой, средней тяжести и тяжким преступлениям, совершенным в условиях очевидности, а также по неочевидным и очевидным уголовным проступкам; сузить предмет и пределы доказывания с его переносом в главное судебное разбирательство; сконцентрировать усилия органов уголовного преследования на расследовании неочевидных и особо тяжких преступлений; повысить роль суда в уголовном судопроизводстве; привести уголовно-процессуальное законодательство в соответствие с международными стандартами и лучшими мировыми практиками упрощенного расследования, а также рецептировать элементы приказного производства по уголовным делам (опыт Германии).

Современное состояние отечественного уголовного процесса неизбежно ставит вопрос о его исторической модели и векторе дальнейшего развития. Уместно подчеркнуть, что казахстанское уголовное судопроизводство как национальная отрасль континентальной системы права является преемником советской, российской, немецкой и французской уголовно-процессуальных доктрин.

Дальнейшее совершенствование организации досудебного расследования, включающего в себя в настоящее время следствие и дознание, должно заключаться в переходе только в одну форму предварительного расследования - в дознание (полицейское дознание).

В целом дознаватель и следователь выполняют единую функцию, имеют одинаковый процессуальный статус и равновеликий объем полномочий.

Процессуальная фигура следователя отличается от дознавателя отдельными вторичными признаками: предметная подследственность уголовных дел, сроки расследования, согласование последним всех процессуальных решений с начальником органа дознания и формальная процессуальная самостоятельность следователя. Его «самостоятельность» унаследована вследствие «институциональных деформаций»¹ вначале следователями советской прокуратуры, а с 6 апреля 1963 года – следователями органов внутренних дел от судебного следователя, который был действительно независимым и правовое положение которого регламентировалось Уставом уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года.

Безусловно, иррационален возврат к архаичному институту судебного следователя. Тогда логично упразднение такого участника уголовного процесса как следователя, как, например, это имело место в Германии в 1974 году². Его статус должен быть преобразован в дознавателя.

Таким образом, процесс доказывания необходимо распределить соответственно функциям и компетенции уполномоченных на то органов согласно теории уголовно-процессуальных функций.

Реализация принципов презумпции невиновности, состязательности и равноправия сторон в досудебном производстве требует концептуального переосмысления канонов казахстанской, наследницы советской теории доказательств.

На основании изложенного, целесообразно отказаться от понятия уголовного преследования (обвинения) на стадии досудебного расследования, в пользу концепции, согласно которой этап досудебного расследования не должен официально констатировать доказанность деяния, его совершение лицом и его виновность. Собранные дознавателем (следователем) фактические данные не должны им же признаваться доказательствами по делу. Как показывает судебная практика, суд не только ограничен собранными доказательствами, но и не склонен пересматривать их статус. Связанность суда с «предварительной» доказанностью обстоятельств дела убедительно подтверждается публичным высказыванием судьи И. Федотовой о том, что мизер оправдательных приговоров обусловлен тем, что «все незаконные обвинения уже были проверены на стадии досудебного расследования и им дана надлежащая оценка»³.

По букве закона следователь обязан руководствоваться требованиями статьи 24 УПК РК о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела, собирая как обвинительные, так и оправдательные доказательства. Но правила не всегда соблюдаются, поскольку теоретически и практически применяется норма о запрете выполнения разных уголовно-процессуальных функций одним и тем же участником процесса. В этой связи следователь объективно ориентирован на поиск обвинительных доказательств,

¹ Головкин Л.В. Архетипы досудебного производства, возможные перспективы развития отечественного предварительного следствия //Сайт Отрасли права [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://xn----7sbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/3378>

² Александров А.С., Поздняков М.Л. Путь институциональной реформы предварительного расследования / Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1 (25). – С. 78-82. – С. 81. - ISSN 2078-5356//Сайт Научной электронной библиотеки открытого доступа КиберЛенинка[Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/put-institutsionalnoy-reformy-predvaritel'nogo-rassledovaniya>

³ .Адвокаты заявляют о снижении стандартов законности при расследовании и судебном производстве / Верховенство права и современные тенденции развития адвокатуры: Международная научно-практическая конференция. - Алматы, 2016 //Сайт zakon.kz [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.zakon.kz/4827317-advokaty-zajavlajut-o-snizhenii.html>

отдавая стороне защиты карт-бланш по выявлению оправдательных либо обнаружению смягчающих ответственность доказательств.

Известно, что действующий УПК (статьи, 55, 70 и др.) по сравнению с предыдущим Кодексом значительно расширил полномочия и возможности адвоката по осуществлению функции защиты подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и функции представительства интересов потерпевшего в досудебном производстве.

Вместе с тем, внесённые новации принципиально не поменяли места и роли адвоката, так как основной формой участия в процессе доказывания для субъектов стороны защиты по-прежнему является заявление ходатайств, а признание (или непризнание) представленного адвокатом объекта или информации источником доказательства остаётся исключительной прерогативой органа досудебного расследования, прокурора и суда. Т.е. осталась старая, уже «законсервированная», схема правовых взаимоотношений адвоката и органов уголовного преследования и суда, декларативность равенства сторон в уголовном процессе.

Существующее фактическое процессуальное неравенство адвоката и следователя (дознателя) в процессе доказывания на стадии досудебного расследования, по нашему мнению, не позволяет в полной мере реализовать принцип состязательности при рассмотрении уголовного дела по существу в суде, превращая его в декларативное требование.

Кроме того, в современной следственной практике по-прежнему наблюдается очевидное превосходство стороны обвинения над стороной защиты. Фактические данные, собранные лицом, ведущим расследование, или представленные ему подозреваемым, его защитником, обретают статус доказательств только после придания им процессуальной формы соответствующего источника (часть вторая статьи 111 УПК РК) исключительно следователем (дознателем). У последнего монопольное право формировать систему доказательств обвинения, оценивать и «отфильтровывать» фактические данные, представленные стороной защиты, которые противоречат или ослабляют версию обвинения.

Таким образом, на сегодня следователь не заинтересован в исследовании и сборе доказательств, оправдывающих субъект преступления, не обладает соответствующим правовым статусом для оценки доказательств. Приходится констатировать, что на этапе досудебного расследования обвинительный уклон неизбежен в силу выполнения обладающих властными полномочиями органов уголовного преследования своей непосредственной функцией, а для стадии судебного производства орган, ведущий уголовный процесс, собирает и представляет доказательства, сформированные с учётом требования допустимости, которые и являются предметом судебного анализа.

В России дискутируется вопрос о «деформализации» расследования в соответствии с европейскими стандартами доказывания и правилами уголовного преследования. Предлагается «постепенно ... привести к снижению судами требований к формальной стороне доказательств и повышению требований к их фактическому качеству» (относимость, достоверность и надёжность фактических данных о виновности лица)¹.

Примечательно, что по УПК ФРГ показания, данные в прокуратуре и полиции, имеют не доказательственное, а ориентирующее значение ... при досудебном

¹ Концепция комплексной организационно-управленческой реформы правоохранительных органов РФ. - Спб, 2013. - 64 с. - С. 51. //Сайт Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге[Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://enforce.spb.ru/images/Issledovanya/IRL_KGI_Reform_final_11.13.pdf

производстве не осуществляется уголовно-процессуальное доказывание, которое является исключительной компетенцией суда.¹

Представляется, что в казахстанском уголовном процессе необходимо закрепить за полицейским дознанием выяснение обстоятельств совершения уголовного правонарушения и собирание подтверждающих фактических данных (обнаружение, закрепление и изъятие), исключив право на их признание в качестве доказательств лицами, ведущими досудебное расследование.

При такой модели прокуратура в соответствии со статьёй 83 Конституции будет осуществлять надзор за законностью оперативно-розыскной деятельности, досудебного производства и соблюдением прав и свобод граждан на этапе предварительного расследования, выступать стороной обвинения в суде. Кроме того, за прокуратурой сохранится право в порядке и в пределах, установленных законом, осуществлять уголовное преследование.

На наш взгляд, всестороннее и объективное исследование собранных органами уголовного преследования и субъектами, осуществляющими защиту от него, фактических данных, а также их оценка (с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а в совокупности достаточности для разрешения уголовного дела) должны быть закреплены за судебными органами и рассмотрены непосредственно в суде.

При таком подходе в досудебном производстве будет достигнута процессуальное равноправие органов уголовного преследования и лиц, выполняющих функцию защиты, что, несомненно, позитивно скажется на реализации принципа состязательности и обеспечения равных возможностей отстаивания своих процессуальных интересов в суде.

Наряду с этим могут быть усилены правовые возможности адвоката в уголовном процессе. Целесообразно усилить гарантии обязательного участия адвоката в производстве следственных и процессуальных действий в отношении третьих лиц, которые ведутся по его ходатайству либо просьбе лица, чьи интересы он представляет. В дополнение пункта 13) части второй статьи 70 УПК РК адвокат должен быть заблаговременно уведомлен о времени и месте производства таких действий. Отступление от этого правила должно влечь признание недействительным результатов указанных действий. В данном случае применяется правило пункта е) части третьей статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, гласящее, что «каждый имеет право при рассмотрении любого предъявляемого ему уголовного обвинения ... на вызов и допрос его свидетелей на тех же условиях, какие существуют для свидетелей, показывающих против него».²

Между тем в пункте 22) статьи 7 УПК РК понятие и момент начала осуществления уголовного преследования (обвинения) ассоциируются с началом досудебного расследования и собиранием обвинительных доказательств на этой стадии. Тогда как в стадии досудебного расследования отсутствует фигура обвиняемого и не выдвигается обвинение.

При этом по правилам Комитета правовой статистики и специальных учетов Генеральной прокуратуры лицо считается привлекавшимся к уголовной ответственности, если в отношении него уголовное дело прекращено в досудебном производстве по нереабилитирующим основаниям.

¹ Маслов И.В. Досудебное производство по Уголовно-процессуальному кодексу Федеративной Республики Германия // Международное уголовное право и международная юстиция. - 2016. - № 3. - С. 21-25.- С. 23, 25. -ISSN 2071-1190.

² Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 года // Сайт ООН[Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml

В то же время с позиции презумпции невиновности официальным началом уголовного преследования (обвинения) в отношении конкретного лица должен считаться момент предания обвиняемого суду прокурором и направление дела в суд с обвинительным актом.

В этой связи можно прибегнуть к аналогии с § 151 УПК ФРГ, которым разграничены расследование и следующее за ним возбуждение уголовного преследования перед судом (публичное обвинение, предъявляемое прокурором).

Изложенное в данной статье свидетельствует о необходимости основательного и комплексного изучения законодательства и правоприменительной практики в сфере уголовной юстиции стран континентальной системы права с целью создания модели отечественного досудебного расследования и судебного производства, отвечающей высокому стандарту правового государства, заданному Конституцией Республики. При этом склоняемся к мнению о том, что целесообразно обратить более пристальное внимание к законодательным процедурам и практике расследования уголовных правонарушений, существующим в ФРГ.

Список использованной литературы.

1. Уголовное законодательство без уловок / Выступление министра внутренних дел РК на Парламентских слушаниях 18 ноября 2016 года «Дальнейшая модернизация уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства РК // Казахстанская правда. 2016. 19 ноября. № 223 (28349).

2. Головки Л.В. Архетипы досудебного производства, возможные перспективы развития отечественного предварительного следствия // Сайт Отрасли права [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/3378>

3. Александров А.С., Поздняков М.Л. Путь институциональной реформы предварительного расследования / Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1 (25). – С. 78-82. – С. 81. - ISSN 2078-5356//Сайт Научной электронной библиотеки открытого доступа КиберЛенинка[Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/put-institutsionalnoy-reformy-predvaritelnogo-rassledovaniya>

4. Адвокаты заявляют о снижении стандартов законности при расследовании и судебном производстве / Верховенство права и современные тенденции развития адвокатуры: Международная научно-практическая конференция. - Алматы, 2016 //Сайт zakon.kz[Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.zakon.kz/4827317-advokaty-zajavlajut-o-snizhenii.html>

5. Концепция комплексной организационно-управленческой реформы правоохранительных органов РФ. - Спб, 2013. – 64 с. – С. 51. //Сайт Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://enforce.spb.ru/images/Issledovaniya/IRL_KGI_Reform_final_11.13.pdf

6. Маслов И.В. Досудебное производство по Уголовно-процессуальному кодексу Федеративной Республики Германия // Международное уголовное право и международная юстиция. - 2016. - № 3. – С. 21-25.– С. 23, 25. -ISSN 2071-1190.

7. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 года // Сайт ООН[Электронный ресурс]. – Режим доступа:http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml

Ювенальная пробация.

Причины совершения преступлений несовершеннолетними заключаются в их незанятости общественно-полезным трудом, отсутствием возможности трудоустройства из-за несовершеннолетнего возраста, невозможности продолжить учебу из-за тяжелого материального положения родителей, а также собственного нежелания работать и учиться. Это свидетельствует о недостаточности родительского внимания к подросткам, либо вообще об устранении родителей от воспитания и содержания своих детей, неудовлетворительной работе органов полиции по профилактике правонарушений среди несовершеннолетних, несвоевременного выявления неблагополучных семей и постановки их на профилактический учет, слабой координация их работы с органами образования, здравоохранения.

Из общего количества рассмотренных уголовных дел большинство родителей несовершеннолетних подсудимых привлечены к административной ответственности в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 127 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях, т.е. за невыполнение обязанностей по воспитанию детей¹.

Актуальность института ювенальной юстиции в Казахстане становится еще более значимой, в связи с принятием ряда нормативных правовых документов, среди которых Закон «О защите прав ребенка», Концепция правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года (с изменениями и дополнениями от 16.01.2014 г.). В этом контексте особую роль сыграла Концепция развития системы ювенальной юстиции в Республике Казахстан на 2009-2011 годы. В Концепции были отражены наиболее существенные вопросы формирования институциональной и нормативной базы ювенальной юстиции. Положения Концепции позволили сформировать ювенальные суды в рамках перспективного развития судебной системы Казахстана. Одним из важнейших направлений Концепции развития института ювенальной юстиции явилась профилактика детской безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, через активизацию функций комиссий по защите прав несовершеннолетних, специализированных учебно-воспитательных учреждений, центров временной изоляции, адаптации и реабилитации несовершеннолетних, инспекторов по делам несовершеннолетних.

Основная цель Концепции – поэтапное внедрение и развитие элементов ювенальной юстиции в Республике Казахстан, позволяющие повысить эффективность и качество отправления правосудия в отношении несовершеннолетних на всех его этапах. Концепция направлена на создание специализированных подразделений по работе с несовершеннолетними: в министерствах юстиции, внутренних дел, образования и науки, в суд, прокуратуре и адвокатуре.

В Казахстане происходит постоянное совершенствование ювенального законодательства, затрагивающее интересы несовершеннолетних, а именно:

¹Керн И.И. Особенности рассмотрения уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних // Человек и закон. Республиканская еженедельная юридическая газета. № 6. 26 февраля 2015 г.

создание ювенальных судов; порядок расследования уголовных дел с участием несовершеннолетних и малолетних лиц; совершенствование системы наказаний для несовершеннолетних, путем увеличения удельного веса наказаний, не связанных с лишением свободы, применение судом мер воспитательного воздействия в отношении малолетних лиц, совершивших общественно опасные деяния и не достигших возраста уголовной ответственности.

Правоохранительные органы в лице участковых инспекторов полиции, специальных профилактических подразделений органов внутренних дел, инспекторов по делам несовершеннолетних при взаимодействии с общественными объединениями в лице комиссии по делам несовершеннолетних, отделов по делам семьи и детей в органах местного управления, комитетов по делам молодежи стремятся к созданию надлежащих условий для развития и воспитания детей, профилактики их поведения, с целью недопущения совершения ими противоправных посягательств, защиты их от влияния преступной среды.

Специализированные воспитательные учреждения уголовно-исполнительной системы, материально-техническая база которых соответствует своему назначению, на основе международного опыта, в условиях постоянного контроля государственных и общественных органов способствуют снижению рецидивной преступности среди несовершеннолетних. Свою деятельность указанные учреждения строят с учетом специфичности действий в отношении несовершеннолетних, в каждой конкретной ситуации.

Понятие «ювенальная юстиция» связывается с центральным ее звеном - правосудием. Суды для несовершеннолетних по своей сути являются противоположностью общему правосудию. Особенностью этих судов является то, что правосудие в судах для несовершеннолетних реализуется по специфической судебной процедуре, в центре которой находятся несовершеннолетний и судья, который не только должен быть юристом, но и предпочтительно психологом и педагогом. Привлекаются неюридические службы, на которые возлагаются вспомогательные функции.

Специализированные суды функционируют во многих странах Европы и Азии. В США действует Координационный совет по вопросам юстиции по делам несовершеннолетних и предупреждению правонарушений, в составе которого представители всех органов, имеющих отношение к вопросам несовершеннолетних.

В Казахстане продолжают работу ювенальные суды, являющиеся судами комплексной юрисдикции, к подсудности которых отнесены не только уголовные дела о преступлениях, совершенных несовершеннолетними и уголовные дела о преступлениях, непосредственно нарушающих права несовершеннолетних, но и гражданские дела об определении места жительства ребенка, о лишении (ограничении) и восстановлении родительских прав, об усыновлении ребенка; по спорам, возникающим из опеки и попечительства (патроната) над несовершеннолетними детьми; дела об административных правонарушениях (посягательство на права несовершеннолетних – невыполнение родителями или лицами, их заменяющими, обязанностей по воспитанию детей, вовлечение несовершеннолетнего в совершение административного правонарушения) и другие.

Возросло количество уголовных дел, рассмотренных ювенальными судами. Большинство несовершеннолетних, совершивших уголовные преступления,

назначается условная мера наказания¹.

Создание специализированных судов способствовало более тщательному исследованию материалов дел в отношении несовершеннолетних и обеспечило ожидаемые подходы при разрешении споров и рассмотрении дел о правонарушениях и преступлениях. Сравнительный анализ статистических данных указывает, что ювенальными судами в большинстве случаев назначались осужденным лицам меры наказания, не связанные с лишением свободы (55,8%). В частности в 2014 году, осуждены к лишению свободы – 15,4% и условное осуждение применено в отношении 13,5% осужденных. За весь период работы ювенального суда г. Астаны, лишением свободы наказаны только 5,5% несовершеннолетних².

Анализ опыта работы по сопровождению несовершеннолетних в процессе судопроизводства показал, что в республике есть варианты решения данных проблем, которые успешно реализовались в концепции «Ювенальная юстиция в Казахстане», данное мероприятие позволило значительно усовершенствовать практику уголовного судопроизводства. В рамках концепции получены положительные результаты, а именно: сократилось количество обвиняемых несовершеннолетних, в отношении которых применялась мера пресечения в виде ареста; увеличилось применение видов наказаний, не связанных с лишением свободы³.

Верховный суд Республики Казахстан обращая внимание на модернизацию отечественной правовой, в частности судебной системы, акцентировал, что в ходе проведенных реформ созданы и эффективно действуют специализированные экономические, финансовые, ювенальные и административные суды. До создания ювенальных судов, 20% несовершеннолетних назначалось наказание в виде лишения свободы, сегодня этот показатель снизился вдвое. Судьи с пониманием относятся к судьбе каждого несовершеннолетнего правонарушителя, используя все законодательно установленные возможности ему помочь, чтобы подросток не оказался за решеткой⁴.

Основной результат этой деятельности недопущение роста рецидива преступлений несовершеннолетних, а тенденция ее среди несовершеннолетних имеет место.

В республике действуют специализированные ювенальные юридические консультации, состоящие из прошедших специальный конкурс адвокатов и социальных работников. Главной задачей ювенальной юстиции становится обеспечение профилактики детской преступности, безнадзорности и беспризорности и уменьшение случаев применения в отношении них уголовных наказаний. Во исполнение Концепции ювенальной юстиции подразделения по организации деятельности участковых инспекторов полиции по делам несовершеннолетних в системе органов внутренних дел преобразованы в подразделения ювенальной полиции (приказ МВД № 281 от 10.06.2011 года «Об организационно-штатных вопросах»).

Ранее с 2008 года на базе органов внутренних дел Бостандыкского района г. Алматы и Алматинского района г. Астаны начала функционировать ювенальная полиция, с июня 2011 года работа по созданию подразделений ювенальной полиции начата на всей территории страны.

¹ Информационно-аналитический Доклад о положении детей в Республике Казахстан по состоянию на 2011 год.

² Ювенальные суды Казахстана доказывают свою эффективность. Закон кз. 9 апреля 2015 г.

³ Керн И.И. Особенности рассмотрения уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних // Человек и закон. Республиканская еженедельная юридическая газета. № 6. 26 февраля 2015 г.

⁴ Бекназаров Б. «Золотая опора» государственности // Казахстанская правда. 28 августа 2013 г.

Постановлением Правительства Республики Казахстан от 31 мая 2010 года № 494 штатная численность уголовно-исполнительных инспекций в 2010 году увеличена на 591 единицу. Из них в штаты районных и городских инспекций дополнительно введены специалисты группы ювенальной юстиции в количестве 241 единица. Введены должности главного специалиста по делам несовершеннолетних группы ювенальной юстиции в Управлении Комитета уголовно-исполнительной системы и 15 должностей специалиста-инспектора по делам несовершеннолетних группы ювенальной юстиции в Департаментах УИС областей и г. Астаны.

Получила законодательное оформление процедура медиации – Законами от 28 января 2011 г. «О медиации» и «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам медиации» регламентированы основы применения процедуры медиации в отношении споров (конфликтов), возникающих из гражданских, трудовых, семейных и иных правоотношений с учетом особенностей по делам, касающимся семьи и детей.

Ювенальная юстиция - термин международный, обозначающий специализированную систему правосудия в отношении несовершеннолетних.

С.Ф. Бычкова на этапе формирования программы развития ювенальной юстиции в Республике Казахстан обращала внимание, что в науке и практике не сформировано единое определение указанного понятия и используется различное толкование термина «ювенальная юстиция». Однако однозначное определение указанного понятия имеет принципиальное значение, т. к. от него зависит форма конструирования соответствующего института.

На сегодняшний день наиболее распространены следующие определения понятия «ювенальная юстиция»:

1) система особого судопроизводства по делам о правонарушениях несовершеннолетних, совершивших уголовно-наказуемые деяния и достигших возраста уголовной ответственности;

2) система норм и институтов, связанных с ребенком как субъектом правонарушений, независимо от его возраста и категории правонарушений;

3) система, включающая не только соответствующее законодательство, но и комплекс государственных и иных органов и организаций, имеющих своим назначением защиту прав и законных интересов несовершеннолетних; осуществление правосудия в отношении несовершеннолетних; реагирование на правонарушения несовершеннолетних.

Оптимальным представляется последнее определение, т. к. в случае принятия его в качестве базового могут быть в максимальной мере реализованы принципы ювенальной юстиции, которые обуславливают выделение ее из общей юстиции: преимущественно охранительная ориентация; воспитуемость; социальная насыщенность; максимальный учет при осуществлении процессуальных действий и принятии процессуальных решений в отношении несовершеннолетних их индивидуальности¹.

Вместе с тем данное определение не отражает в полной мере всю специфичность данного института. Речь не идет только о процедуре рассмотрения уголовных дел в судах, либо обеспечения прав несовершеннолетних на стадии расследования. Ювенальная юстиция должна носить стройный и системный характер действий государственных органов,

¹ Бычкова С.Ф. Ювенальная юстиция в Республике Казахстан: Перспективы развития. Юрист. – 2003. - № 11.

организаций, общественных объединений направленных на защиту прав, свобод и интересов несовершеннолетних, на всех стадиях уголовного процесса, включая реагирование на правонарушения несовершеннолетних, привлечение их к уголовной ответственности, подразумевающее под собой все стадии уголовного процесса – расследование уголовного дела, предание суду, осуществление правосудия, назначение наказания и обеспечение его исполнения сотрудниками специализирующимися только в ювенальной пробации, с акцентом на ресоциализацию несовершеннолетнего осужденного. Обязательным условием является постоянность и комплексность осуществляемых действий.

Совершенствуя законодательство, определяя особенности применения его в отношении несовершеннолетних, мы постепенно приходим к общему пониманию необходимости координации, отдельных положений ювенальной юстиции, в одном постоянном органе, которым могла бы стать ювенальная пробация.

Реализация целей и задач ювенальной пробации должна строиться на принципах ювенальной юстиции, которые обуславливают выделение ее из общей юстиции. Здесь оптимально приемлемы принципы, обозначенные С.Ф.Бычковой.

Создание отечественной модели ювенальной юстиции, предусматривающей участие в судьбе оступившегося несовершеннолетнего, с момента реагирования на его правонарушение и до позитивного результата в период его ресоциализации, требует максимальной адаптации и апробирования передового опыта зарубежных стран. В основе совершенствования модели должны быть действия, направленные на: изучение подростковой преступности, использование адаптированных методов воспитательной работы, дальнейшее совершенствование современного законодательства, по профилактике и предупреждению правонарушений несовершеннолетними, а также подростковой преступности.

Конечная цель - снижение рецидива в среде несовершеннолетних, удержание их в обществе, возможность сделать из них нормальных граждан страны, исключить подпитку для контингента взрослых преступников, жизнь и деятельность которых носит профессиональный характер.

Участники миссии по исполнению уголовных решений в Республике Казахстан отмечали, что хорошо осведомлены об огромных размерах работы, которую нужно выполнить в сфере ювенальной юстиции Республики Казахстан, ЮНИСЕФ открыт для сотрудничества и обмена информацией и документами. Согласно данным ЮНИСЕФ в настоящее время 70 000 детей размещены в различных типах государственных учреждений (сиротских приютах, тюремных колониях для несовершеннолетних...)! Каждый второй ребенок испытывал физическое насилие в рамках своего института. Эти дети имеют очень ограниченный контакт со своими родителями. ЮНИСЕФ описывает это как «бомбу замедленного действия» и является ярким сторонником избегания дальнейшей институциональной опеки, и способствования, по возможности, сохранения детей в семьях. Миссия приветствовала решение Правительства Республики Казахстан открыть ювенальные суды в областях Казахстана. В этом вопросе Казахстан был первым в странах СНГ. ЮНИСЕФ сотрудничает с множеством заинтересованных сторон и ранее предложил 3-4 модели пробации для КУИС (на основе сотрудничества с Министерством Юстиции, Министерством труда и социальной защиты, муниципалитетами и Судами...). Модели были рассмотрены 60 судьями и 70 прокурорами в качестве части их регулярных собраний. Модели обучения преподавателей (ОП) были спланированы академией обучения КУИС.

В сотрудничестве с местными администрациями и в сотрудничестве с местными НПО ЮНИСЕФ организовал первый Центр альтернативных приговоров для несовершеннолетних в Казахстане (центр дневного ухода за детьми, где проводится психологическая и образовательная помощь). До настоящего времени около 60 детей получили пользу от программы.

Для того чтобы координировать усилия и избежать совпадения, ЮНИСЕФ предложил проводить встречи координации доноров и по возможности подписать Меморандум о взаимопонимании со всеми заинтересованными сторонами в сфере ювенальной пробации в Республике Казахстан. Ими был представлен положительный опыт на основе своего опыта работы с местными сторонами. ЮНИСЕФ «готов предоставить техническую и финансовую помощь и поделиться своими моделями» с заинтересованными сторонами. «Пробация взрослых не должна быть отделена от ювенальной пробации». 24% казахстанского населения находятся в возрастной категории ниже 24 лет¹.

Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2016 № 38-VI «О пробации», в статье 18 «Особенности осуществления пробации в отношении несовершеннолетнего» регламентирует осуществление пробации в отношении несовершеннолетнего, которая осуществляется с учетом его индивидуальных и возрастных особенностей; с привлечением семьи; при взаимодействии с органами, осуществляющими функции по опеке или попечительству, и организациями, осуществляющими функции по защите прав ребенка; при взаимодействии с гражданами, общественными объединениями и иными юридическими лицами по вопросам оказания социально-правовой помощи несовершеннолетнему.

Статья 19 «Осуществление пробационного контроля в отношении несовершеннолетнего» регламентирует осуществление службой пробации пробационного контроля в отношении несовершеннолетнего: осужденного к наказанию в виде ограничения свободы; осужденного условно.

В части 2 данной статьи регламентируется осуществление полицией пробационного контроля в отношении несовершеннолетнего: условно-досрочно освобожденного от отбывания наказания в виде лишения свободы; в отношении, которого судом назначена принудительная мера воспитательного воздействия, установленная пунктом 4) части первой статьи 84 Уголовного кодекса Республики Казахстан.

Служба пробации при постановке на учет несовершеннолетнего, в отношении которого установлен пробационный контроль, и определении объема необходимой ему социально-правовой помощи реализует комплекс мер в соответствии со статьями 69, 169 и 174 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан с учетом положений статьи 18 Закона о пробации.

При необходимости индивидуальной программой оказания социально-правовой помощи несовершеннолетнему предусматривается участие педагога и психолога.

В отношении несовершеннолетнего наряду с мерами, указанными в Законе о пробации, служба пробации совместно с представителями органа опеки и попечительства ежеквартально проводит обследование жилищных условий несовершеннолетнего с составлением акта.

¹ Поддержка судебной и правовой реформы в Республике Казахстан. Третий промежуточный отчет 15 февраля 2011 года – 15 августа 2011 года. Приложение «I» – отчет по общей оценке, исполнения уголовных решений. «Лучшая правовая Европейская практика современного исполнения уголовных решений и Службы Пробации» С.76.

Исходя из положений Закона о пробации, определены направления деятельности службы пробации и полиции по осуществлению пробационного контроля в отношении несовершеннолетних, в рамках пенитенциарной и постпенитенциарной пробации.

Частично, положения пробации в отношении несовершеннолетнего определены в Законе о пробации, но надо признать, что это только общие положения, требующие детальной регламентации.

На современном этапе сложилось правильное понимание в судебной и правоохранительной системе в направленности действий. Применяется специализация следователей и оперативных работников по делам несовершеннолетних. Сделан акцент на правах и свободах несовершеннолетних. Обеспечено обязательное участие профессионального защитника в лице адвоката с момента задержания. Происходит участие сотрудников инспекции по делам несовершеннолетних, как наиболее максимально знающих индивидуальные особенности конкретных несовершеннолетних правонарушителей, способных при этом совместно с адвокатом, педагогом, родителями оказать положительное воздействие на несовершеннолетнего в сложившейся ситуации. Обеспечивается закрытое судебное слушание по делам несовершеннолетних, с целью оградить его от негативного воздействия взрослых соучастников преступления, исключить нанесение психологической травмы, а также нежелательного афиширования совершенного им преступления. Отдается приоритет исполнению наказания не связанного с лишением свободы.

Все эти положения вытекают из Концепции развития системы ювенальной юстиции в Республике Казахстан на 2009-2011 годы, направленные на создание специализированных (ювенальных) судов по делам несовершеннолетних, специализированной (ювенальной) прокуратуры, специализированной (ювенальной) полиции, специализированной (ювенальной) адвокатуры, специализированной уголовно-исполнительной инспекции, региональных органов по защите прав детей, системы социального сопровождения несовершеннолетних¹.

Вместе с тем создание в судах и правоохранительных органах специализированных подразделений, не может решить всей проблемы, т.к. действия их происходят разрозненно и преследуют свои ведомственные цели на определенном этапе. Даже при наличии координирующей роли, правоохранительного органа, в лице прокуратуры, невозможно будет обеспечить достижение общей цели.

Создание современной ювенальной юстиции требует и специфичного подхода, в его организации, в основе которого должен лежать принцип комплексности и постоянности.

На наш взгляд это могло быть создание отдельного подразделения «Ювенальная юстиция» под общей юрисдикцией Министерства юстиции, с самостоятельными структурными подразделениями при областных Департаментах юстиции. В структуре такого подразделения предусмотреть функции расследования уголовных дел, исполнения наказания не связанного с лишением свободы, осуществление пробационного контроля органом ювенальной пробации в отношении осужденных к наказанию в виде ограничения свободы; осужденных условно; освобожденных условно-досрочно от отбывания наказания в виде лишения свободы, а также при применении принудительных мер

¹ Концепция развития системы ювенальной юстиции в Республике Казахстан на 2009-2011 годы. Одобрена Указом Президента Республики Казахстан от 19 августа 2008 года № 646.

воспитательного воздействия. Фактически это могло быть началом создания реальной целостной ювенальной юстиции в Казахстане, без использования элемента и термина «ювенальная юстиция, правосудие, пробация, медиация» в разных правоохранительных, государственных и общественных организациях. Ювенальная юстиция должна комплектоваться сотрудниками, имеющими образование больше педагогического профиля, нежели юридического, знающими особенности психологии и педагогики, физиологии несовершеннолетних.

Рассмотрев состояние ювенального законодательства в стране, вполне обосновано можно ставить вопрос о создании ювенальной пробации в рамках развития ювенальной юстиции, на основе международного опыта. Данная структура должна быть намного шире по содержанию целей и задач.

Список использованной литературы.

1. Бекназаров Б. «Золотая опора» государственности // Казахстанская правда. 28 августа 2013 г.
2. Бычкова С.Ф. Ювенальная юстиция в Республике Казахстан: Перспективы развития. Юрист. – 2003. - № 11.
3. Информационно-аналитический Доклад о положении детей в Республике Казахстан по состоянию на 2011 год.
4. Керн И.И. Особенности рассмотрения уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних // Человек и закон. Республиканская еженедельная юридическая газета. № 6. 26 февраля 2015 г.
5. Концепция развития системы ювенальной юстиции в Республике Казахстан на 2009-2011 годы. Одобрена Указом Президента Республики Казахстан от 19 августа 2008 года № 646.
6. Поддержка судебной и правовой реформы в Республике Казахстан. Третий промежуточный отчет 15 февраля 2011 года – 15 августа 2011 года. Приложение «I» – отчет по общей оценке, исполнения уголовных решений. «Лучшая правовая Европейская практика современного исполнения уголовных решений и Службы Пробации» С.76.
7. Ювенальные суды Казахстана доказывают свою эффективность. 9 апреля 2015 г.

Белозерова И.И.

К.ю.н., доцент,
Российский университет дружбы народов.

Осипов Н.П.,

Российский университет дружбы народов.

Оперативно-розыскная деятельность и оперативно-розыскные мероприятия в РФ и ФРГ.

В условиях интенсивного развития нашего общества, происходит усложнения всего того, что давно стало обыденным и непринужденным. Какие-то 10-15 лет назад это не то что выглядело, но даже звучало фантастически: глобальное распространение мобильных сетей, возможность практически мгновенно передавать различные объемы данных всевозможного характера, в том числе, позволяющих получить доступ к закрытым "информационным банкам" и

иным хранилищам конфиденциальных данных, сегодня создает опасность как для отдельно взятого лица, так и для целых государств.

С учетом того, что информационные технологии развиваются столь стремительно, становится очень сложно обнаруживать и вовремя пресекать попытки совершения противоправных деяний, совершаемых при помощи компьютеров, телефонов и иных устройств, используемых для сообщения данных. Институт оперативно-розыскной деятельности (далее - ОРД) стал невероятно актуальным, а его применение на практике имеет огромное значение для обеспечения государственной безопасности. Оперативно-розыскные мероприятия направлены на изобличение информации о готовящихся, совершаемых и уже совершенных преступлениях, преследуют цели предотвращения или минимизации ущерба, если преступное посягательство на охраняемые законом общественные отношения уже совершено, от этих самых противоправных деяний.

На сегодняшний день весьма актуальным представляется провести сравнительно-правовое исследование институтов ОРД и ОРМ на примере Федеративной Республики Германии (далее - ФРГ; Германия) и Российской Федерации (далее - РФ; Россия) посредством анализа положений их нормативно-правовых актов, регламентирующих проведение данных действий.

Право, в своем широком понимании, в странах романо-германской семьи сформировано путем рецепции римского законодательства, где основным источником служит норма права. Вместе с тем, существует и иная точка зрения, на основании которой данную правовую семью принято делить на правовые группы, где ФРГ относится к группе германского права, а РФ - к группе славянского права, которая отличается своим "уникальным и самобытным путем развития".

Однако, данная точка зрения не играет особой роли для нашего исследования, потому что институты ОРД и ОРМ являются общими для обоих государств и их различия заключаются лишь в закреплении регламентирующих норм, их толковании и порядке применения.

Первое различие мы можем заметить уже на этапе рассмотрения системы источников права двух государств: источники права ФРГ, несущие в себе положения о проведении специальных мероприятий, нашли свое отражение в весьма большом количестве нормативно-правовых актов, например, в Конституции ФРГ 1949 года, Уголовном уложении ФРГ 1871 года, Уголовно-процессуальном кодексе ФРГ от 1877 года, специальных федеральных уголовных законах (например, закон "О судопроизводстве по делам несовершеннолетних" от 1974 года, закон "О судьях" от 1961 года) и некоторых других. В Российской Федерации – в Конституции РФ, УПК РФ, различных федеральных законах: ФЗ "Об оперативно-розыскной деятельности", ФЗ «О статусе судей» и других нормативных актах.

Источники российского уголовно-процессуального права менее разнообразны и позволяют максимально быстро получить ответ о способе разрешения той или иной правоприменительной ситуации.

Второе, пожалуй, самое существенное различие можно проследить в системе органов, которые уполномочены проводить ОРД и ОРМ. В Российской Федерации, согласно ст. 13 Федерального Закона №144-ФЗ "Об оперативно-розыскной деятельности" от 12.08.1995, полномочными на проведение оперативно-розыскных мероприятий органами являются:

1. Органы внутренних дел Российской Федерации;
2. Органы федеральной службы безопасности;
3. Федеральный орган исполнительной власти в области государственной охраны;
4. Таможенные органы Российской Федерации;
5. Служб внешней разведки Российской Федерации;

6. Федеральная служба исполнения наказаний;

Также это право имеет оперативное подразделение органа внешней разведки Министерства обороны Российской Федерации, которое проводит оперативно-розыскные мероприятия только в целях обеспечения безопасности указанного органа внешней разведки и в случаях, если проведение этих мероприятий не затрагивает полномочий иных органов, упомянутых в ч. 1 ст. 13 ФЗ "Об оперативно-розыскной деятельности". Стоит отметить, что наделение подобными полномочиями такого количества органов и служб создает проблему: очень часто структуры дублируют друг друга из-за своеобразного "наложения" их компетенций друг на друга.

На территории Федеративной Республики Германии уполномоченными органами являются:

1. Федеральная разведывательная служба ФРГ (Bundesnachrichtendienst, BND);
2. Федеральное ведомство криминальной полиции (Bundeskriminalamt, БКА);
3. Служба военной контрразведки как структурное подразделение Министерства обороны ФРГ (Amt für den militärischen Abschirmdienst, МАД).

На этом список заканчивается, но с учетом строго определенной компетенции, которая обозначена в законодательстве по каждому из органов, и развитой внутренней структуры, определяющей территориальную и предметную сферу работы, немецким коллегам удастся избежать проблемы дублирования, которая встречается у нас. Примером, показывающим «столкновение интересов» и одновременную деятельность по решению одного и того же вопроса, в российской системе, можно привести деятельность ДВКР ФСБ РФ (Департамент военной контрразведки ФСБ РФ) и ГРУ ГШ ВС РФ (Главное разведывательное управление Генерального штаба ВС РФ) в вопросе пресечения незаконной деятельности официальных и неофициальных сотрудников (дипломатических служащих в статусе военных атташе и советников и сотрудников-легенд, осуществляющих свою деятельность полугласно или же абсолютно негласно) иностранных разведок на территории России. На территории Германии этот вопрос входит в исключительную подведомственность МАД.

Различия наблюдаются и в перечни специальных мероприятий. Перечень оперативно-розыскных мероприятий, проводимых органами в Российской Федерации, закреплен в статье 6 ФЗ «Об ОРД», а в Германии они рассредоточены по ряду соответствующих НПА. Так УПК ФРГ содержит в себе только прослушивание телефонных переговоров, контроль почтовых отправлений, а остальные специальные мероприятия нашли свое место в ведомственных актах тех органов, которые их осуществляют. Такое действие, как контроль технических каналов связи, в нашей стране, является ОРМ, для реализации которого необходима санкция судебного органа или же проведение будет санкционировано начальником подразделения с последующим уведомлением суда для получения разрешения на продолжение. В ФРГ внедрение программы-трояна в электронный носитель объекта для получения информации негласным путем не будет являться нарушением УПК ФРГ, так как это действия разрешено БКА на постоянной основе в качестве одной из превентивных мер. Данное мероприятие можно провести не только без санкции суда, несмотря на то, что оно направлено на ограничение конституционного права гражданина и человека, но и без санкции руководства структурного подразделения, а только с дальнейшим указанием в служебной документации, что это имело место быть.

Разница прослеживается и в наименовании мероприятий: "наблюдение"- в РФ является отдельным мероприятием, с помощью которого осуществляется сбор информации (статья 6 ФЗ №-144 ФЗ "Об ОРД"), а в законодательстве ФРГ мы встречаем более широкое понятие под названием "иные меры" (§106h УПК),

которое включает в себя фото-, видео-, аэрофотосъемку, съемку со спутника, использование GPS-трекеров, различные сигнализации в помещениях (объемного типа или датчики движения) и аутентификация местоположения абонента путем отправления сообщения на телефон или определение его места нахождения путем отслеживания перемещения источника радиосигнала с помощью вышек сотовой связи (биллинг).

Существует различия и в порядке инициации проведения оперативно-розыскных мероприятий: в случаях, которые не терпят отлагательства, возможно, начало осуществления ОРМ с санкции руководителя подразделения, но при условии последующего уведомления суда для получения санкции на дальнейшее проведение. В России этот срок составляет 48 часов с момента начала проведения, а в ФРГ - 72 часа. В обоих государствах, когда данная информация в виде запроса на проведение передается в судебный орган, а тот в свою очередь выносит постановление об отказе в проведении уже начатого мероприятия, ограничивающего конституционные права, орган обязан незамедлительно прекратить его осуществление.

Следует остановиться на использовании материалов ОРД, полученных путем проведения специальных мероприятий. У наших германских коллег есть несколько интересных моментов

В начале XX века взгляды немецких процессуалистов изменились в сторону трактовки уголовного процесса как "управляемого государством института за счет усиления властных полномочий, ограничения прав обвиняемого и их гарантий с целью скорейшего постановления приговора и с его последующим исполнением". Данная концепция была сформирована Я. Гольшмидтом (J.Goldschmidt) в работе "Процесс как положение права" ("Der Prozeß als Rechtslage", 1925 год). В своей работе, автор говорил о том, что в германском процессе нельзя использовать понятие равенства сторон по той причине, что прокурор не может быть равен подсудимому, ведь он вправе использовать мощный государственный аппарат принуждения и может пользоваться правом применения норм процессуального обеспечения, что делает подсудимого "неравной" стороной, несмотря на все его права и возможность их защищать.

До нашего времени этот взгляд не претерпел особых изменений, и сейчас немцы характеризуют свой процесс как "обвинительно-следственный", отойдя от инквизиционного и состязательного процессов, хоть он и строится на основе учета общечеловеческих ценностей. Суд в ФРГ занимается установлением реальных обстоятельств произошедшего, где прокуратура выступает лишь помощником, способствующим выяснению реального события.

В НПА можно проследить также упоминания о дальнейшей, если так можно выразиться, "судьбе" материалов, полученных в результате спецмероприятий. Если по российскому законодательству они обязаны храниться в течение года (если служебные интересы или правосудие не требуют иного), а за три месяца до дня уничтожения материалов с результатами ОРМ, проведенных на основании судебного решения, об этом уведомляется соответствующий судья. В Германии дело обстоит иначе: после устранения угрозы нанесения ущерба интересам государства, материалы, полученные в результате осуществления розыскной деятельности, уничтожаются незамедлительно, согласно §101 УПК ФРГ.

Хочется обратить особое внимание на то, что в уголовно-процессуальной сфере Германии есть институт, который абсолютно не присутствует в работе спецслужб РФ - извещение тех лиц, в отношении которых проводился сбор информации. Данное положение регламентировано частями 4,5 §101 УПК ФРГ. Происходит это информирование лишь после того, когда его осуществление не будет представлять угрозу для "достижения целей расследования, жизни, здоровья

и личной свободы лиц и для значительных имущественных ценностей, ... а также не является препятствием для дальнейшего использования штатного сотрудника-легенды". В последней части говорится о мероприятии, которое в российском праве носит название "оперативное внедрение" (ст. 6 ФЗ №-144 ФЗ "Об ОРД"). Можно рассуждать об этом как о еще об одном способе намеренно сообществу на то, что в любой момент времени, когда люди будут вынашивать преступный замысел, за ними будет наблюдать "большой брат", этакая эмоционально-психологическая превенция преступных намерений. Стоит обратить внимание на внедрение действительных сотрудников в преступные организации, с целью сбора информации об их деятельности для дальнейшего ее пресечения: легенда сотрудника, введенного в преступную среду, не позволяет ему открыто контактировать со своим органом и его сотрудниками, что может повлечь угрозу его жизни, поэтому координация действий осуществляется с учетом мер конспирации. Однако, при выполнении поставленной задачи, сотрудник не имеет права на нарушение законодательства, даже если невыполнение каких-либо противозаконных действий может повлечь не только провал операции, но и угрозу жизни агента.

Таким образом, в заключении, можно сделать вывод о том, что несмотря на принадлежность обоих государств к романо-германской правовой семье, в их законодательстве имеется существенная разница, которая несет в себе положительные и отрицательные моменты в том или ином виде при реализации оперативно-розыскной деятельности посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий, направленных на предотвращение планируемых и готовящихся преступлений, а также минимизацию вредных последствий уже совершенных уголовно-наказуемых деяний. Но какой из способов нормативного закрепления наиболее удачен, лаконичен и выгоден в вопросе применения в наше время, сказать очень трудно, так что вопрос будет если не всегда, то еще очень долго открыт для дискуссий, а значит и проектов по улучшению законодательства.

Список использованных источников.

1. Конституции РФ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. ст. 4398.
2. Конституции ФРГ 1949
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001г N 174-ФЗ (ред. от 07.03.2017г).
4. Уголовно-процессуальный Кодекс Федеративной Республики Германии (от 16.11.2012г.)
5. Федеральный закон "Об оперативно-розыскной деятельности 1996г"(с последними изменениями на 10.03.20217)

О восстановительном правосудии по делам несовершеннолетних в англосаксонских странах.

В США еще в конце 19 века задумались о создании судов, предназначенных исключительно для рассмотрения дел несовершеннолетних. Законы, предусматривающие создание отдельных ювенальных судов были приняты в частности в штате Массачусетс в 1874 году и в штате Нью-Йорк в 1892 году. Однако первый американский ювенальный суд был учрежден в штате Иллинойс в 1899 году вследствие принятия закона о суде по делам несовершеннолетних (Juvenile Court Act, 1899).

Закон был основан на английском общем праве¹ и принципе «*parens patriae*», согласно которому ребенку, даже совершившему преступление должно быть обеспечено такое отношение, при котором как забота, опека так и наказание были бы подобны тем, что обычно используются родителями.² Таким образом, в основе раннего ювенального законодательства США (в частности штата Иллинойс) была заложена парадигма, используемая ныне в модели семьи, где лицо, совершившее преступление воспринимается как «блудный сын», который не столько заслуживает наказания, сколько нуждается в ресоциализации.

В настоящее время в штате Иллинойс в отношении несовершеннолетних законодательством (2016 Illinois Compiled Statutes Chapter 705 – COURTS 705 ILCS 405/ - Juvenile Court Act of 1987.) предусмотрены альтернативы уголовному преследованию в целом, а так же альтернативы судебных стадий уголовного процесса.

Если офицер полиции сочтет это целесообразным, он вправе вынести формальное или неформальное предупреждение, предполагающее возможность отказа от уголовного преследования. В этом случае несовершеннолетнему преступнику предписывается совершение определенных действий или наоборот воздержание от каких-то действий. При выборе вида предупреждения офицер должен учитывать ряд факторов, такие как тяжесть совершенного преступления, возраст преступника, форму его вины, способ совершения преступления, использовалось ли при совершении преступления какое-либо орудие, а так же характеристика личности преступника, в частности совершал ли он ранее правонарушения или преступления.

Формальное предупреждение отличается от неформального по срокам и сложности некоторых предписанных действий. Но оба вида предупреждений предполагают направление несовершеннолетних для участия в программах восстановительного правосудия. Таким образом, уголовно-процессуальным законодательством штата Иллинойс предусмотрена возможность использования восстановительных программ (в числе прочих мер) в качестве альтернативы уголовному преследованию.

Последовательный анализ норм уголовно-процессуального законодательства позволяет сделать вывод о том, что программы восстановительного правосудия могут быть использованы и как альтернатива только судебному разбирательству в суде первой инстанции.

¹ HISTORY AND DEVELOPMENT OF THE JUVENILE COURT AND JUSTICE PROCESS. URL: https://us.sagepub.com/sites/default/files/upm-binaries/19434_Section_I.pdf (дата обращения: 22.02.2017)

² William Wesley Patton. HISTORY OF JUVENILE COURTS URL: <http://education.stateuniversity.com/pages/2143/Juvenile-Justice-System.html> (дата обращения: 22.02.2017)

В частности, прокурор штата вправе определить перечень программ посредничества, в которые могут быть направлены несовершеннолетние преступники. Создан и находится под контролем прокурора реестр квалифицированных посредников, которые могут проводить восстановительные программы. Особо отмечено, что среди таких посредников должны быть представители различных социальных, экономических, расовых, этнических и профессиональных групп.

Обязательным условием для участия в восстановительной программе является признание несовершеннолетним своей вины в преступлении.

По результатам проведенной программы может быть принято решение о том, что несовершеннолетний должен принять участие в общинной восстановительной программе (которая направлена на поддержку дальнейшей социализации несовершеннолетнего и надзор за его надлежащим поведением), направить несовершеннолетнего в общественный совет, назначить до 100 часов общественных работ, определить вид и объем реституции, обязать пройти обследование у нарколога, обязать посещать учебное заведение и т.д.

Особенностью законодательства штата Иллинойс является то, что программы восстановительного правосудия не ограничены теми, в которых должны принимать участие потерпевшие. Это обстоятельство способствует существенному повышению эффективности использования таких программ. Исключаются сложности, возникающие при нежелании потерпевших видеться с преступником и участвовать в восстановительных программах.

В результате посреднической программы должно быть заключено соглашение между посредником и преступником, в котором указывается принятое решение о предписанном поведении и срок, в течение которого должны быть выполнены определенные соглашением действия. Однако этот срок ограничен законом и не может превышать 6 месяцев.¹

Все участники программы обязаны соблюдать принцип конфиденциальности, о чем дают клятву до начала программы.

Несоблюдение несовершеннолетним условий заключенного соглашения дает основание для возобновления уголовного судопроизводства. Прокурор наделен правом предъявить обвинение в случае, когда считает, что имеются обоснованные основания полагать, что нарушения имели место.

В Англии материалы собранные после сообщения о преступлении могут быть переданы полицией в службу медиации, которая обычно состоит из членов службы пробации, представителей соответствующих общественных организаций, а иногда и самих полицейских. Сотрудники этой службы по очереди встречаются со сторонами, а затем возможно организуют встречу сторон для обсуждения сложившейся ситуации и поиска консенсуса. Если процедура медиации увенчается успехом, стороны примирятся, и медиативное соглашение будет заключено, полиция откажется от уголовного преследования.²

Программы восстановительного правосудия на этом этапе тесно связаны с возможностью условного предупреждения, применяемого в случаях совершения лицом противоправного деяния, малозначительность которого не позволяет инициировать уголовное преследование этого лица в силу принципа целесообразности.³ Так, часть 3 Закона об уголовном правосудии 2003 (The

¹ Illinois Compiled Statutes / Juvenile Court Act of 1987. URL: <http://law.justia.com/codes/illinois/2016/chapter-705/act-705-ilcs-405/article-v/> (дата обращения: 22.02.2017)

² Головкин Л. В.. Альтернативы уголовному преследованию как форма процессуальной дифференциации (Современные тенденции развития): Дис. д-ра юрид. наук: 12.00.09: Москва, 2003. Стр. – 75-79.

³ Guidance to Police Officers and Crown Prosecutors Issued by the Director of Public Prosecutions under Section 37A of the Police and Criminal Evidence Act 1984. 7th Edition April 2013 // Official website of The Crown

Criminal Justice Act 2003) требует соблюдения следующих условий до назначения условного предупреждения:

- Полиция должна располагать достаточными доказательствами вины преступника, но в то же время должны отсутствовать достаточные доказательства для предъявления обвинения преступнику в совершении арестного преступления;
- Преступник должен быть в возрасте от 18 лет и должен признавать свою вину;
- Сотрудники полиции должны разъяснить преступнику все особенности условного предупреждения и предупредить, что несоблюдение любого из условий может привести к возобновлению уголовного преследования.

После этого преступник должен подписать документ, в котором указаны все детали совершенного преступления, признание вины, согласие на условное предупреждение со всеми его правилами.¹

Итак, программы восстановительного правосудия прошли в странах англосаксонского права многолетнее становление, и в результате получили законодательное закрепление. На сегодняшний день эти программы можно использовать в уголовном процессе, как в целях прекращения уголовного преследования, так и в целях ускорения уголовного процесса и формирования смягчающих обстоятельств. Полагаем целесообразным заимствовать описанный опыт и закрепить возможности проведения подобных восстановительных процедур в уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации и предусмотреть возможность участия в таких программах подозреваемого (обвиняемого или подсудимого) и потерпевшего. На начальном этапе ограничиться производством по делам несовершеннолетних, тем более что в России уже накоплен многолетний опыт осуществления таких программ в рамках пилотных проектов модельных ювенальных судов. При этом для того, что бы не нарушать принцип осуществления правосудия только судом, отчетная документация по итогам программы должна направляться судье, рассматривающему уголовное дело, для принятия итогового решения.

Список использованных источников.

1. Головкин Л. В.. Альтернативы уголовному преследованию как форма процессуальной дифференциации (Современные тенденции развития): Дис. д-ра юрид. наук: 12.00.09: Москва, 2003. Стр. – 75-79.
2. Cautioning and Diversion // Official website of The Crown Prosecution Service. URL: http://www.cps.gov.uk/legal/a_to_c/cautioning_and_diversion/ (дата обращения: 01.05.2017)
3. Guidance to Police Officers and Crown Prosecutors Issued by the Director of Public Prosecutions under Section 37A of the Police and Criminal Evidence Act 1984. 7th Edition April 2013 // Official website of The Crown Prosecution Service. URL: https://www.cps.gov.uk/publications/directors_guidance/adult_conditional_cautions.html#a07The (дата обращения: 01.05.2017)
4. HISTORY AND DEVELOPMENT OF THE JUVENILE COURT AND JUSTICE PROCESS. URL: https://us.sagepub.com/sites/default/files/upm-binaries/19434_Section_1.pdf (дата обращения: 22.02.2017)

Prosecution Service. URL: https://www.cps.gov.uk/publications/directors_guidance/adult_conditional_cautions.html#a07The (дата обращения: 01.05.2017)

¹ Cautioning and Diversion // Official website of The Crown Prosecution Service. URL: http://www.cps.gov.uk/legal/a_to_c/cautioning_and_diversion/ (дата обращения: 01.05.2017)

5. Illinois Compiled Statutes / Juvenile Court Act of 1987. URL: <http://law.justia.com/codes/illinois/2016/chapter-705/act-705-ilcs-405/article-v/> (дата обращения: 22.02.2017)

6. William Wesley Patton. HISTORY OF JUVENILE COURTS URL: <http://education.stateuniversity.com/pages/2143/Juvenile-Justice-System.html> (дата обращения: 22.02.2017)

Виноградова М.М.

к.ю.н., главный государственный судебный эксперт
Российский федеральный центр судебной экспертизы
при Министерстве юстиции Российской Федерации

Судебная экономическая экспертиза в уголовном судопроизводстве.

Основное назначение уголовного судопроизводства, согласно положениям ст. 6 УПК РФ, заключается в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Если защищаемые законом права и интересы лиц и организаций, а также интересы государства лежат в экономической плоскости, то есть рассматриваемое событие имеет признаки общественно опасных деяний, перечисленных в разделе VIII «Преступления в сфере экономики» УК РФ, правоприменитель для правильного, объективного, справедливого разрешения конкретного дела обращается к лицам, обладающим специальными знаниями в области экономики, – судебным экспертам-экономистам. Как правило, это дела, связанные с мошенничеством, присвоением и растратой денежных средств, незаконными предпринимательством, банковской деятельностью, получением кредита, легализацией денежных средств или имущества, полученного преступным путем, фиктивным или преднамеренным банкротством, уклонением от уплаты налогов и сборов, злоупотреблением полномочиями и т.п. Характеризуя экономическую преступность, А.Ф. Волынский отмечал, что «она тесно связана с экономической и политической системами, что априори обуславливает ее исключительную общественную опасность... негативно влияет на... криминализацию нашего общества... подрывает доверие общества к органам власти, формирует... крайне разрушительное для общества и государства настроение граждан»¹. С этим тезисом нельзя не согласиться.

Расследование экономических преступлений – процесс длительный и трудоемкий, он предполагает сбор значительного количества различных видов доказательств. Дополнительные сложности возникают еще и потому, что в большинстве случаев экономические преступления имеют латентный характер, растянуты во времени, а используемые злоумышленниками финансовые схемы и приемы направлены на то, чтобы симитировать легальную, непротивоправную, обычную финансово-хозяйственную деятельность. Одним из способов получения доказательств по таким делам является проведение экспертиз, в том числе экспертиз экономических.

Здесь следует пояснить, что говоря об экономических экспертизах, мы имеем в виду самостоятельный класс судебных экспертиз, существование которого признано в профессиональной среде. Что же касается разделения данного класса экспертиз на роды, то, к сожалению, в настоящее время в этом

¹ Волынский А.Ф. Преступления в сфере экономики: организация и методика расследования // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). – С. 106.

вопросе нет единого подхода, и каждое ведомство, имеющее экспертную службу, например, Минюст России и МВД России, придерживаются своей классификации¹. Тем не менее виды исследований, которые выполняют эксперты-экономисты обоих министерств, по содержанию совпадают.

Надо отметить, что экономические экспертизы не относятся к числу назначаемых в обязательном порядке, однако практика показывает, что без проведения такой экспертизы расследование и судебное следствие часто признается неполным, а потому и следователи до передачи дела в суд прибегают к помощи экспертов, и в ходе судебного разбирательства судьи также обращаются к экспертам-экономистам.

В качестве основных целей проведения судебных экономических экспертиз (далее – СЭЭ) можно обозначить следующие:

исследование информационного отражения фактов хозяйственной жизни, в том числе для определения его полноты, правильности и соответствия требованиям, установленным нормативными актами;

исследование и характеристика событий, фактов экономической деятельности хозяйствующего субъекта;

анализ экономической составляющей какого-либо события.

Характерной особенностью СЭЭ является то, что эксперт проводит исследование значительного информационного массива². В ходе расследования экономического преступления изымаются разного рода документы на традиционных бумажных или электронных носителях информации. Эти документы содержат в основном учетную информацию, но также к ней присоединяется и информация из распорядительных документов, договоров, контрактов и т.п., благодаря этому анализируемые события выстраиваются в логическую цепочку и образуют цельную картину. Необходимость работы с таким объемом информации неизбежно приводит к тому, что подготовка заключения эксперта-экономиста занимает много времени. Вообще же, как отмечают многие авторы, в частности Л.В. Головки и Л.Т. Ульянова, «судебная экспертиза представляет собой, пожалуй, самое затратное по времени, сложное и громоздкое следственное действие»³. Однако это объективно неизбежно.

Для того чтобы минимизировать временные затраты на производство СЭЭ, правоприменитель как минимум должен четко представлять, на какие вопросы он хочет получить ответ (а это тесно связано с пониманием возможности экспертизы и пределов компетенции эксперта-экономиста⁴), какие документы содержат необходимую аналитическую информацию. Поэтому нам представляется, что назначение СЭЭ на этапе проверки сообщения о преступлении не всегда

¹ Так, согласно перечню родов(видов) судебных экспертиз, выполняемых в ФБУ Минюста России, класс экономических экспертиз включает в себя два рода – судебно-бухгалтерскую и судебную финансово-экономическую экспертизы, а приказом МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 закреплено производство бухгалтерской, финансово-аналитической, финансово-кредитной и налоговой экспертиз. Это не означает, что эксперты Минюста России проводят меньше экспертиз, чем эксперты МВД России, просто в состав финансово-экономических исследований эксперты Минюста включают и кредитные, и налоговые исследования.

Кстати, ранее предлагалось выделять в отдельный род инженерно-экономических экспертиз исследования, связанные с вопросами выплаты заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и т.п. Однако на практике данные вопросы практически всегда тесно связаны с вопросами бухгалтерского учета или финансового состояния, поэтому они решаются в ходе бухгалтерских или финансово-экономических экспертиз.

² Так, например, в 2016 году в ходе одной экспертизы нами было проведено исследование 22 000 основных объектов, не считая связанных с ними информационных дополнений. В данном случае под основным объектом мы подразумеваем блок взаимосвязанных документов по одному конкретному эпизоду.

³ Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. – М.: Статут, 2016. – С. 703.

⁴ О возможностях производства судебных экономических экспертиз и применения специальных экономических знаний в судопроизводстве см., например [3, 7].

целесообразно – ведь, во-первых, перед экспертом должна ставиться конкретная задача по исследованию конкретного факта финансово-хозяйственной жизни экономического субъекта, а не указание «найти хоть что-нибудь», имеющее признак противоправного деяния; а во-вторых, на исследование должны передаваться только документы, относящиеся к конкретному событию, а не всё, что изъято (это, в свою очередь, предполагает серьезную предварительную работу с материалами дела).

Далее следует уделить внимание такому актуальному вопросу, как спор о возможности производства так называемых альтернативных экспертиз, о необходимости получения двух разных заключений по сложным и неоднозначным экономическим вопросам.

Традиционно в российском уголовном процессе правом назначения экспертиз обладает правоприменитель – следователь и судья. Иными словами, как указывает профессор Л.В. Головкин, российская модель такого вида следственного действия, как производство экспертизы, относится к континентальной, т.е. характеризуется тем, что лица, обладающие специальными знаниями, наделяются специальным процессуальным статусом эксперта и представляют свои выводы о расследуемых фактах, а значит, является «несостязательной». Но с принятием УПК РФ 2003 года и закреплением в процессе принципа состязательности высказываются мнения о том, что такое положение дел следует изменить. Так, о возможности введения в процессуальное законодательство норм о проведении экспертизы стороной защиты пишут многие авторы, в частности Л.В. Лазарева указывает, что такие экспертизы должны назначаться защитником вне зависимости от усмотрения следователя или суда; на необходимости состязательности настаивает Е.Р. Россинская, поясняя, что реальная состязательность экспертов является гарантией научной обоснованности и достоверности экспертного заключения; это мнение поддерживает и А.А. Тарасов [6, 9, 8].

Мы не разделяем позицию двух последних ученых, полагая, что состязательность экспертов, свойственная англосаксонской системе, в данном случае неуместна. Во-первых, в отличие от англосаксонской модели судопроизводства, где каждая из сторон (и обвинение, и защита) приглашает своего эксперта (и получается, что в процессе участвуют эксперт обвинения и эксперт защиты), в российском судопроизводстве эксперт является (должен являться) фигурой независимой и незаинтересованной в результатах рассмотрения дела. Во-вторых, понятно, что сторона защиты и сторона обвинения будет представлять только выгодные для их позиции заключения экспертов, а представленные в материалах дела два противоположных в плане содержащихся в них выводов заключения просто нейтрализуют друг друга, что в свою очередь обесценивает применение специальных знаний для нужд правосудия. Кроме того, не ясно, какому заключению суд должен отдать предпочтение, ведь они оба могут быть составлены именитыми учеными, основываться на весомых доводах и совпадать с определенной совокупностью иных доказательств¹. В-третьих, особую сложность, в том числе и для производства СЭЭ, представляет обеспечение полноты и достоверности материалов, передаваемых экспертам для исследования – вряд ли одна из сторон захочет передать другой те документы, которые свидетельствуют не в ее пользу². Потому нам представляется

¹ Такая ситуация часто складывается, например, при наличии двух заключений о рыночной стоимости некоего имущества, которое явилось объектом преступных посягательств.

² Сложности с криминалистическими экспертизами заключаются еще и в том, что они могут применять разрушающие методы исследования; в экономических экспертизах таких методов нет, но эксперту важно иметь доступ ко всем документам, содержащим экономически значимую информацию о конкретном событии.

нецелесообразным введение понятия состязательности экспертов. Мы полагаем, что в случае возникновения объективных сомнений в правильности выводов эксперта правоприменитель или сторона защиты может прибегнуть к его допросу или инициировать проведение повторной экспертизы. Существенную помощь в этом может оказать другая процессуальная фигура, – специалист, который оказывает помощь сторонам и суду в разъяснении вопросов, входящих в его компетенцию.

Как известно, судебная экспертиза является главной, но не единственной формой применения специальных, в том числе экономических, знаний в уголовном процессе. Кроме эксперта носителем таких знаний является еще и специалист. Конечно, нельзя исключить того, что и следователь, и судья в силу полученного образования, самообразования, обширного опыта весьма сведущи в вопросах экономики, однако данные лица не имеют права создавать доказательства. Такая возможность предусмотрена процессуальным кодексом только для эксперта и специалиста, которые по заданию правоприменителя составляют процессуальный документ – заключение, а кроме того в ходе их допроса сообщают определенные сведения. Заключение эксперта и специалиста и их показания предусмотрены в качестве доказательств ст. 74 УПК РФ.

Здесь хотелось бы обратить внимание на следующую негативную, на наш взгляд, тенденцию, которая сложилась на сегодняшний момент, а именно, когда сторона защиты приглашает специалиста только с одной целью – «опорочить» заключение эксперта. При этом квалификация специалиста может быть невысокой и претензии, которые он предъявляет к заключению эксперта, некорректными, но в ряде случаев суд, даже не выслушав возражения эксперта, выносит решение о признании его заключения недопустимым доказательством. Такой подход представляется в корне неверным, поскольку, как мы полагаем, он не служит цели установления истины и не решает задачи уголовного процесса.

В заключение отметим, что СЭЭ, поскольку ее базой являются общественные науки, развивается и меняется вместе с обществом, и основная задача ученых и практиков – обращать достижения экономической науки и теории судебной экспертизы на пользу правосудия.

Список использованных источников.

1. Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 // URL:<http://base.consultant.ru/>

2. Перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России: приказ Минюста России от 27.12.2012 № 237 // URL:<http://base.consultant.ru/>

3. Виноградова М.М. Проблемы установления границ компетенции судебных экспертов-экономистов и применения специальных экономических знаний//Теория и практика судебной экспертизы: Научно-практический журнал.– Москва, РФЦСЭ, № 3 (19), 2010.

4. Волынский А.Ф. Преступления в сфере экономики: организация и методика расследования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). – С. 105 – 110.

5. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. – М.: Статут, 2016. – 1278 с.

6. Лазарева Л.В. Об использовании специальных знаний стороной защиты при производстве по уголовным делам //Материалы V МНПК «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». – Москва, 2015. – С. 279 – 282.

7. Нерсесян М.Г., Виноградова М.М. Финансово-экономическая экспертиза и бухгалтерская экспертиза // Возможности производства судебных экспертиз в учреждениях Минюста России. Научное издание. – М.: АНТИДОР, 2004.

8. Тарасов А.А. Эксперт и специалист в уголовном процессе: Монография. – М.: Проспект, 2017. – 170 с.

9. Экспертиза в судопроизводстве: учебник / Под ред. д.ю.н., проф. Е.Р. Россинской. – М.: Проспект, 2016. – 336 с.

Голощапова Т.И.

к.ф.н.

Российский университет дружбы народов

Соотношение специальных знаний специалиста и эксперта в доказывании по уголовным делам в отношении этнических преступных сообществ.

Парадоксальная ситуация сложилась в современном российском уголовно-процессуальном праве. Есть 2 иных участника уголовного судопроизводства (глава 8 УПК), обладающих специальными знаниями, эксперт и специалист. Базовые различия между этими процессуальными лицами, закреплённые в УПК, понятны. Эксперт – это лицо, назначенное для производства судебной экспертизы и дачи заключения (статья 57 УПК РФ). Специалист – лицо, привлекаемое к участию в процессуальных действиях (прежде всего, осмотр места происшествия, в качестве технического специалиста участвует в следственных действиях и т.д. – статья 58 УПК РФ). Однако, в судебной практике нередки случаи, когда заключение специалиста по форме и по сути подменяет собой заключение эксперта. Попробуем разобраться, почему такие казусы встречаются.

Прежде всего, следует обратиться к статье 74 УПК «Доказательства», в которую Федеральным законом от 04.07.2003 № 92-ФЗ введен пункт «3.1) заключение и показание специалиста». Безусловно, законодатель преследовал благие цели, уравнивая доказательственную силу «заключения эксперта» и «заключения специалиста». Однако, границы «специальных знаний» одного и второго ни в одном нормативном документе не закреплены. Безнаказанной подмене заключения эксперта на заключение специалиста способствует и то, что «за дачу заведомо ложного заключения эксперт несет ответственность в соответствии со статьей 307 Уголовного кодекса Российской Федерации» (пункт 5 статьи 57 УПК РФ), а специалист за своё заключение абсолютно никакой ответственности не несет. Следует оговориться, что в названии статьи 307 УК РФ «Заведомо ложные показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод» наказание как за заключение эксперта, так и за заключение специалиста заложено, а в диспозиции статьи его нет. Но это уже юридико-лингвистический парадокс, который неразрешим в рамках данной статьи.

Может быть, обращение к специальным законам, предъявляющим квалификационные требования к профессиональным знаниям эксперта и специалиста, даст нам искомый ответ. В статье 13 «Профессиональные и квалификационные требования, предъявляемые к эксперту» Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ "О государственной судебно-экспертной деятельности

в Российской Федерации" читаем: «Должность эксперта в государственных судебно-экспертных учреждениях может занимать гражданин Российской Федерации, имеющий высшее образование и получивший дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти» (изменения внесены федеральным законом от 2 июля 2013 года № 185-ФЗ и вступили в силу с 1 сентября того же года). Далее в этой же статье читаем: «Определение уровня квалификации экспертов и аттестация их на право самостоятельного производства судебной экспертизы осуществляются экспертно-квалификационными комиссиями в порядке, установленном нормативными правовыми актами соответствующих федеральных органов исполнительной власти. Уровень квалификации экспертов подлежит пересмотру указанными комиссиями каждые пять лет». Резюмируя статью 13, мы можем уверенно утверждать, что эксперт государственного экспертного учреждения (Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ регулирует исключительно государственную экспертную деятельность в Российской Федерации) – это лицо, обладающее специальными знаниями, которые подтверждаются дипломом о высшем образовании, дипломом о дополнительном профессиональном образовании по конкретной экспертной специальности, действующим свидетельством на право самостоятельного производства судебной экспертизы (каждые пять лет подлежит пересмотру). Ни в одном нормативно-правовом акте не закреплены профессиональные требования к специалистам, а также к экспертам из негосударственных экспертных учреждений и экспертам, не входящим в экспертные организации.

Эти пробелы в законодательстве призван был устранить новый федеральный закон «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», проект которого разработан профессиональным экспертным сообществом (авторский коллектив включал руководителей государственных и негосударственных экспертных учреждений, а также научную общественность). Принятый в первом чтении, законопроект № 306504-6 более трёх лет находится на рассмотрении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

Чем чревата для государства и граждан подобная законодательная лояльность? Фактически сегодня любой гражданин Российской Федерации, имеющий высшее образование, может назвать себя как «экспертом», так и «специалистом». И если «заключение эксперта» всё же бояться представлять в суд по причине уголовной ответственности за заведомо ложное заключение в порядке статьи 307 УК РФ, то «заключение специалиста» представляется и довольно часто. Суд обязан его принять и рассматривать такое заключение наряду с другими доказательствами.

По роду своей профессиональной деятельности мне приходилось выступать в судах разных инстанций в качестве специалиста для разъяснения сторонам и суду отдельных положений «заключений эксперта» и «заключений специалиста» по фонограммам на этнических языках, которые приобщались в качестве вещественных доказательств по уголовным делам в отношении организованных преступных сообществ.

Если кратко охарактеризовать этническое преступное сообщество, то доминирующими характеристиками будут следующие: сплоченность, строгая иерархичность, незыблемый авторитет лидера и конспирация. Последнее очень легко исполняется. Переговоры между членами группы ведутся на родном языке (таджикском, узбекском, азербайджанском и др.), что существенно усложняет, во-

первых, оперативное внедрение русскоговорящих сотрудников и, во-вторых, идентификацию голосов всех членов преступной цепочки снизу доверху. Как правило, взять лидера преступного сообщества с поличным (с запрещенным к обороту веществом, оружием и т.д.) не удаётся, низовые члены преступной группы охотно берут на себя роль главаря (с учетом национального менталитета это очень почетно, и на всё время пребывания в заключении будет обеспечена многочисленная семья), поэтому единственным и надежным доказательством остаются результаты оперативно-разыскного мероприятия «Прослушивание телефонных переговоров» (далее – ОРМ «ПТП»). Актуальность фонограмм повышается, если речь идет о международном преступлении, когда координация многочисленных преступных цепочек на территории Российской Федерации осуществляется из другого государства.

Фоноскопическая экспертиза (частный вопрос – идентификация человека по голосу) стала активно внедряться в практику правоохранительных органов в 90-е годы прошлого столетия. С 1993 года внесена в реестр экспертных специальностей органов внутренних дел, в 1996 году утверждена на Федеральном межведомственном координационно-методическом совете типовая методика идентификации на русском языке «Диалект», что позволило внедрить её в практику всех ведомств и тем самым обеспечить единый методический подход к решению задач. Кардинальным образом ситуация поменялась в начале нулевых: неконтролируемая миграция, общий рост преступности и другие негативные процессы способствовали появлению устойчивых организованных групп разного масштаба, которые формировалась на принципах этнической общности, и стали постепенно монополизировать незаконные рынки по торговле наркотиками и другими запрещенными к обороту веществами. По официальной статистике ведомства, пресекавшего ввоз наркотиков в нашу страну, вес одной изъятой партии мог составлять более 150 кг неразбавленного героина (2003-2004гг.).

После 2005 года со стороны правоохранительных органов официальной информации о таких крупных изъятиях практически не поступало. Пресечению деятельности как минимум 8 организованных групп способствовало внедрение новейших методов доказывания, а именно методики идентификации дикторов на таджикском (2005 год), узбекском (2006 год), азербайджанском, включая талышский диалект (2007 год) и других языках. Наверное, даже спустя десятилетие не всем специалистам до конца удалось оценить тот технологический прорыв, который удалось совершить при разработке новой методики.

Как уже упоминалось ранее в этой статье, к 1996 году – моменту утверждения единой методики идентификации по голосу и речи на русском языке – ничего подобного в мире не было. В США, в стране, где впервые в 1967 году был идентифицирован человек по отпечатку голоса (voice print), была доказана экспертная ошибка, и до сих пор ни в одном штате США не применяется идентификация для доказательства. Фонограммы прикладываются как вещественные доказательства с протоколом дословного содержания разговора (точно установленным каждым словом) и техническим исследованием на предмет отсутствия признаков монтажа. То есть фактически судом в США оценивается только смысл сказанного на фонограмме. А принадлежность голоса и речи оценивается только со слов: признает человек речь как свою либо не признает. В Великобритании единичные частные эксперты в судебном заседании прослушивают фонограмму и по отдельным особенностям произношения делают вывод о принадлежности голоса. Как правило, таких судебных заседаний бывает до трёх десятков в год. В странах континентального права (Франции, Германии, Нидерландах и др.) использование результатов фоноскопических экспертиз в

качестве доказательств достаточно распространено, но до 1996 года, так же, как и в России, идентификация по голосу не имела научно обоснованной методической базы. В силу территориальной компактности каждой страны и минимальных диалектных различий удавалось преодолевать проблемы отсутствия методики. Единичные задачи по идентификации на языке, которым эксперт не владеет, например русскоговорящих в Германии, решались в рамках международного экспертного сотрудничества.

Впервые проблема идентификации на языке, незнакомом эксперту, особенно остро встала в связи с работой Международного трибунала по расследованию военных преступлений в бывшей Югославии. Международной площадкой для научных дискуссий судебных лингвистов, судебных психолингвистов, речеведов стал журнал *Speech and Law*, но, как это часто бывает в научной среде, проблема, которая быстро не решается, выходит из сферы активного интереса. Тем более, что апробация любой экспертной методики требует значительных временных затрат и привлечения материальных ресурсов. У российских ученых разработка методики идентификации на этническом языке была не просто предметом реализации научных амбиций, но и задачей, поставленной государством. Проведение научных исследований (НИР и ОКР) в рамках федеральной целевой программы "Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту на 2005 - 2009 годы", утвержденной Постановлением Правительства РФ от 13 сентября 2005 г. № 561, помогли правильно определить приоритеты по поиску новых языконезависимых автоматических и автоматизированных методов исследования речевого сигнала¹

Авторскому коллективу, работавшему над созданием уникального интеллектуального продукта, было очевидно, что каждый метод, заложенный как компонент в систему, должен быть воспроизводим, надёжен и устойчив. Именно поэтому с выездом в Таджикистан, Узбекистан, Азербайджан собирались не имеющие аналогов речевые базы диалектных особенностей различных регионов каждой страны. В дальнейшем этот материал послужил основой для разработки экспериментальных матриц признаков для каждого языка в отдельности и универсальных признаков разных языков.

Внедрение инновационных разработок в судебное речеведение позволило накопить достаточное количество эмпирических данных для создания в 2015 году новой типовой методики идентификации говорящего по голосу и речи². Научная ценность этой методики впервые проверена по международным стандартам к экспертным судебным методикам в ходе предварительной валидации (термин впервые введен в проекте федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»).

Такая методическая база применяется аттестованными государственными и негосударственными экспертами при составлении заключения при идентификации говорящего на фонограммах на этнических языках. «Заключение специалиста», которое, как правило, противопоставляется в суде экспертному заключению, не основано ни на инструментальных исследованиях, ни на анализе лингвистических особенностей конкретного диалекта, не имеет под собой никакой методической базы. И хотя статья 80 УПК РФ однозначно противопоставила эти процессуальные документы как «представленные в письменном виде *содержание*

¹ Голощапова Т. И. Идентификация иноязычных дикторов автоматическими методами // Мат-лы междунар. конф. «Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов» / отв. ред. В. И. Кирин. – М.: Академия управления МВД России, 2010. – С. 373.

² Голощапова Т.И. и др. Типовая идентификация по голосу и речи/ шифр «ТИГР»: методические рекомендации/ под общей редакцией к. филол. н. Т.И. Голощаповой. – М., 2015 г. – 27 с.

исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами» (заключение эксперта) и как «представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами» (заключение специалиста), эти два совершенно несопоставимых по сути документа постоянно «состязаются» в суде. Эта мнимая состязательность недёшево обходится и обвиняемым, и государству.

Только после того, как будет принят новый федеральный закон, регулирующий судебно-экспертную деятельность, можно будет на государственном уровне пресекать деятельность псевдоспециалистов.

Список использованных источников.

1. Голощапова Т.И. и др. Идентификация по голосу и речи лиц, говорящих на таджикском, узбекском и цыганском языках, с применением АПК «Этнос»: методические рекомендации для экспертов. Изд. третье, перераб. и доп. М., 2011.

2. Голощапова Т.И. Идентификация иноязычных дикторов автоматическими методами // Мат-лы междунар. конф. «Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов» / отв. ред. В. И. Кирин. – М.: Академия управления МВД России, 2010. – С. 372-377.

3. Голощапова Т.И. и др. Типовая идентификация по голосу и речи/ шифр «ТИГР»: методические рекомендации/ под общей редакцией к. филол. н. Т.И. Голощаповой. – М., 2015 г.

Маслов И.В.

к.ю.н., доцент

Российский университет дружбы народов

Проблемные вопросы доказывания субъективной стороны преступлений.

Вопрос о доказывании субъективной стороны преступления и доказательственном значении показаний обвиняемого затронут в связи с тем, что его место в уголовном судопроизводстве и роль в осуществлении доказывания являются важнейшими критериями разграничения англосаксонской и континентальной процессуальных типологий. Отдельными из критериев разграничения типологий являются:

1. Основания применения к виновному норм материального права:
 - 1.1. немотивированное решение судей факта или договоренность сторон;
 - 1.2. применение уголовной санкции обуславливается получением достоверных знаний об обстоятельствах совершенного деяния.

Процесс «без истины» и «процесс с истиной».

2. Месту и роли обвиняемого:
 - 2.1. В «процессе без истины» «никакого допроса обвиняемого обвинителем или судьей не происходит» – обвиняемый субъект разбирательства равный обвинителю. Соответственно в данной процессуальной типологии говорить о достоверном установлении субъективной стороны преступления излишне.

2.2. В «процессе с истиной» обвиняемый и субъект, и объект исследования и весь процесс сконцентрирован вокруг его показаний¹, «учитываемых при определении пределов доказывания»².

Значение и оценка показаний обвиняемого, наделение его совокупностью прав и обязанностей в качестве типологического критерия относит уголовный процесс к англосаксонской либо континентальной модели³.

В отечественной процессуальной типологии обвиняемый одновременно и сторона в процессе, причем в наибольшей степени заинтересованная в его исходе, и источник получения доказательств. При условии виновности обвиняемого его правдивые признательные показания следует признать важнейшим источником доказательств, откуда можно почерпнуть *практически* все сведения, входящие в предмет доказывания⁴.

Вместе с тем показания обвиняемого – это особый источник доказательств. С одной стороны, это сообщенные им сведения, а с другой оценка иных собранных по делу доказательств и «суждения относительно обстоятельств, составляющих содержание обвинения»⁵.

Несмотря на то, что современная отечественная процессуалистика придает показаниям обвиняемого значение равное иным доказательствам, но практика, как представляется, идет несколько по иному пути.

Так, первый вопрос задаваемый обвиняемому после предъявления ему обвинения (ч.2 ст. 173 УПК РФ) и подсудимому после изложения государственным обвинителем предъявленного обвинения (ч. 2 ст. 273 УПК РФ) о признании вины, что связано с пределами доказывания.

«Ж. Дюамель, характеризуя целенаправленность действий французской полиции, пишет: «На нас смотрят как на ничтожество, если мы не представляем следственному судье дело, полностью законченное расследованием и увенчанное сознанием... Как же вы хотите, чтобы в этих условиях полиция не пыталась бы иногда любой ценой добиться сознания в течение 24 часов»⁶.

Несмотря на то, что это сказано давно мы, умышленно не приводим современных примеров совершения должностных преступлений, целью которых являлось получение признания у предполагаемого виновного, но их не сложно найти в паутине Интернета, включая случаи «татарского шампанского» и «эссентукской швабры».

Позиция советских процессуалистов о том, что мотив совершения преступления подлежит обязательному установлению, и данная часть предмета доказывания не может основываться на *вероятности*, критике не подвергалась.

На данное обстоятельство указывал М.С. Строгович⁷. Г.М. Миньковский по данному поводу писал, что трудности установления субъективной стороны преступления «преодолимы, так как характер и способ действия лица, его предшествующее и последующее за совершением преступления поведение,

¹ Чельцов-Бебутов М.А. Обвиняемый и его показания в советском уголовном процессе. Юридическое издательство Министерства юстиции СССР. М., 1947. С. 7-8.

² Миньковский Г.М. Пределы доказывания в советском уголовном процессе. М., Госюриздат. 1956. С. 18.

³ См.: Головкин Л.В. Российский уголовный процесс и объективная истина: в сб. Обвинение и защита по уголовным делам исторический опыт и современность // под ред. Н.Г. Стойко. СПб., 2015. С. 60-68.

⁴ См.: Каминская В.И. Показания обвиняемого в советском уголовном процессе. М., Изд. Академии наук СССР. М., 1960. С. 3, 23-24.

⁵ Теория доказательств в советском уголовном процессе, изд. 2 испр. и доп. // отв. ред. Н.В. Жогин. М., Юридическая литература. 1973 С. 599.

⁶ Цит. по Лубенский А.И. Свобода личности в буржуазной Франции // Вестник Ленинградского университета, № 5 вып. 1 Л., 1962. С. 153.

⁷ Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. Изд. Академии наук СССР. М., 1955. С. 273.

особенности личности и другие обстоятельства, входящие в предмет доказывания, позволяют в конечном счете выявить и мотивы преступного действия. Именно ссылки на объективно существующие обстоятельства, связанные с событием (а не только на показания обвиняемого), должен обосновываться вывод о мотивах – как и о субъективной стороне деяния в целом»¹.

Если детально вчитаться и подробно вдуматься в сказанное, то следует говорить не о достоверном установлении мотива преступления, а только о вероятном. Так как наши знания будут основаны не на основании непосредственного или опосредованного восприятия следа оставленного субъективной стороной или волей обвиняемого, а на основе логического метода познания. Построении логического силлогизма посылка-рассуждение-умозаключение. Неверное рассуждение может основываться на верной посылке, равно как неверное заключение можно сделать на верном рассуждении.

Несколько перефразировав Макса Вебера, но сохранив общий смысл объективно рациональное действие в действительности субъективно иррационально, так же как, и объективно иррациональное может иметь субъективно рациональный мотив².

О достоверно установленной субъективной стороне преступления можно говорить лишь после сравнительного анализа:

- объективно установленных «характера и способов действий» виновного, «его предшествующее и последующее за совершением преступления поведение, особенности личности»;

- с его объяснениями о предполагаемой цели действий и избрания именно этого способа ее достижения³.

Но опять же с оговоркой, если объяснения обвиняемого «согласуются» с установленным «характером и способам действия и признаются субъектом принятия процессуального решения (следователем, прокурором, судом) приемлемыми. Фактически сторонами нет спора в этой части.

Возникает вопрос о возможности применения к виновному лицу норм материального права, когда доказано, что им выполнена объективная сторона преступления, но субъективная сторона – «психическое отношение виновного к совершенному им общественно-опасному деянию»⁴; «психическая деятельность лица в момент совершения преступления или связанной непосредственно с преступлением»⁵, указывающая на то, что оно хотело или желало, какими мотивами руководствовалось? какую цель преследовало?; не доказана, а наши знания об этом имеют вероятностный характер?

Возможные варианты ответов и моделирование последующей ситуации:

Вариант «Да» допустимо, потому как субъективная сторона преступления в любом случае устанавливается только с определенной степенью вероятности, но никогда не может быть установлена достоверно, как представляется не найдет

¹ Теория доказательств в советском уголовном процессе, изд. 2 испр. и доп. // отв. ред. Н.В. Жогин. М., Юрид. лит. 1973. С.173-174. (автор раздела Г.М. Миньковский).

² Вебер Макс. О некоторых категориях понимающей социологии // Электронный ресурс URL: http://www.royallib.com/book/veber_maks/o_nekotoryh_kategoriyah_ponimayushchey_sotsiologii.html. Дата обращения 23.04.2016. Действительная цитата: «Субъективно целерационально ориентированное действие и действие «правильно» ориентированное на то, что объективно значимо (рационально правильно), – в корне различные понятия».

³ О том, что установление мотива совершения преступления без показаний виновного невозможно косвенно указывает И.И. Карпец, См.: Сыск: записки начальника уголовного розыска. М., 1994. С. 119. В.И. Каминская, использует термин «затруднительно», См.: Показания обвиняемого в советском уголовном процессе. М., Изд. Академии наук СССР. 1960. С. 24-25.

⁴ Уголовное право России: учеб. (общая часть) / под ред. В.П. Ревина. М., 2009. СПС Консультант Плюс.

⁵ Ермакова Л.Д. Уголовное право Российской Федерации: учеб. (общая часть). М., 1996. С. 92.

много сторонников. В первую очередь в опровержение данного варианта можно привести аргумент, что это, по сути, объективное вменение. Хотя речь идет о нескольких разных вещах.

Несмотря на то, что в практике не редки случаи, когда виновное лицо дает признательные показания, «но не может и/или не в состоянии объяснить и сформулировать»: для чего совершено, то или иное действие? Почему избран именно этот способ? К чему направлялись его устремления и какой результат предполагался?¹. В парадигме приоритета прав обвиняемого частичное перенесение на него бремени доказывания затея бесперспективная. Опять же, несмотря на тезис, что истина в состязательном процессе «достигается в итоге состязательного судебного разбирательства»².

Поэтому остановимся подробнее на рассмотрении второго варианта. «Нет» не допустимо, а субъективная сторона преступления должна достоверно устанавливаться. Однако в практическом воплощении это означает не более чем:

а) уклонение суда и прокурора от осуществления возложенных на них функций и переброске дел следователю (дознавателю) для установления мотива и цели преступления, который в свою очередь будет стремиться получить признание любой ценой. В конечном счете, доказательство – это информация, отраженная в материалах дела;

б) использование в доказывании весьма сомнительных методов познания и исследования для объективного «подтверждения» предположения о мотивах и целях существовавших в сознании виновного в момент совершения инкриминируемого деяния.

Говоря о сомнительных методах, речь идет:

- о производстве «экспертиз», где отсутствует исследовательская часть либо имеется ее суррогат, так как выводы «эксперт» строит не на проведенных исследованиях, а исключительно на собственных представлениях, руководствуясь принципом: «рассмотрев представленные объекты, прихожу к выводу...».

- о производстве графологических исследований, делающих категорические выводы, что в явке с повинной изложены достоверные сведения, а в заявлении о применении принуждения при ее получении и написании ее «под диктовку» недостоверные.

- о повсеместном применении полиграфа и признания заключения психофизиологической «экспертизы» ключевым, а иногда и единственным доказательством не только субъективной, но и объективной стороны преступления.

Подчеркнем, что нейробиологии и нейрофизиологии до настоящего времени не нашли способов объективного выявления следов мыслительной и психологической деятельности, указывая что использование полиграфа (детектора лжи) «печально известной своей недостоверностью проверки, которая сегодня разрешена только в судах штата Нью-Мексико и больше нигде в США»³.

Таким образом, в завершении следует отметить, что типология российского уголовного судопроизводства континентальная – «процесс с истиной», где обвиняемый должен быть и субъектом и объектом исследования, однако его правомочия позволяют ему сбросить с себя обязанности объекта. Сторона

¹ См.: Мешков М., Гайфуллин А. Проблемы доказывания мотива преступления // Законность. 2013. № 9. С. 56-58.

² Лазарева В.А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе. Самара, 1999. С. 120.

³ Газзанига Майкл. Кто за главного? Свобода воли с точки зрения нейробиологии: пер. с англ. / под ред. А. Якименко. М., АСТ. 2017 // Электронный ресурс URL: <https://www.livelib.ru/book/1002071901-kto-za-glavnogo-svoboda-voli-s-tochki-zreniya-nejrobiologii-majkl-gazzaniga>. Дата обращения 12.03.2017. (книга вышла в США в 2010 году).

защиты не обязана занимать конструктивную позицию по доказыванию и вообще участвовать в доказывании.

Получается, что в континентальном российском судопроизводстве существует англосаксонская фигура обвиняемого.

Медведева С.В.

к.ю.н., доцент

Тамбовский государственный технический университет

Особенности прекращения уголовного дела в стадии назначения судебного разбирательства.

Судебное разбирательство по уголовному делу имеет свое начало со стадии подготовки и назначения судебного заседания, которая состоит из общего порядка подготовки и предварительного слушания. Цель стадии назначения судебного разбирательства по уголовному делу - проверить не допущены ли существенные нарушения уголовно-процессуального закона, препятствующие рассмотрению и разрешению по существу уголовного дела в ходе предварительного расследования, для того, чтобы в дальнейшем вынести законное, обоснованное и справедливое решение, и если допущены, то их устранить.

Несмотря на то, что в стадии назначения судебного разбирательства, не разрешается вопрос о виновности или невиновности обвиняемого, суд, в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством, «имеет право на прекращение уголовного дела, осуществляемое по основаниям и в порядке, изложенном в ст. 239 УПК РФ»¹.

В стадии назначения судебного разбирательства основания прекращения уголовного дела аналогичны основаниям, предусмотренным УПК РФ и для предварительного расследования, однако, их реализация имеет свои особенности. В соответствии с ч.1 ст. 239 УПК РФ «судья обязан прекратить уголовное дело или уголовное преследование, при наличии следующих оснований: -истечения сроков давности уголовного преследования; -смерти подозреваемого или обвиняемого, за исключением случаев, когда производство по уголовному делу необходимо для реабилитации умершего; -отсутствия заявления потерпевшего, если уголовное дело может быть возбуждено не иначе как по его заявлению, за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 ст. 20 УПК РФ; -отсутствия заключения суда о наличии признаков преступления в действиях Генерального прокурора Российской Федерации, Председателя Следственного комитета Российской Федерации, либо отсутствие согласия соответственно Совета Федерации, Государственной Думы, Конституционного Суда Российской Федерации, квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела или привлечение в качестве обвиняемого члена Совета Федерации и депутата Государственной Думы, судьи Конституционного Суда Российской Федерации, судьи Верховного Суда Российской Федерации; -в случае отсутствия в деянии состава преступления, когда до вступления приговора в законную силу преступность и наказуемость этого деяния были устранены новым уголовным законом;- вследствие акта об амнистии; наличия в отношении подозреваемого или обвиняемого вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению

¹ Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации от 22.11.2001 № 174-ФЗ [Электронный ресурс]: Гарант. Информационно-правовой портал. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/>

либо определения суда или постановления судьи о прекращении уголовного дела по тому же обвинению;- наличия в отношении подозреваемого или обвиняемого неотмененного постановления органа дознания, следователя или прокурора о прекращении уголовного дела по тому же обвинению либо об отказе в возбуждении уголовного дела; отказа Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации в даче согласия на лишение неприкосновенности Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, и (или) отказ Совета Федерации в лишении неприкосновенности данного лица»¹.

В соответствии с ч. 2 ст. 27 УПК РФ прекращение уголовного дела не допускается, если обвиняемый против этого возражает. Кроме этого, часть вторая статьи 24 УПК, предусматривающая прекращение уголовного дела вследствие декриминализации преступления, по Определению Конституционного Суда РФ от 05.11.2004 г. № 361 «не лишает обвиняемого права на доступ к правосудию»². Поэтому в указанных случаях при определенной позиции обвиняемого не исключается рассмотрение уголовного дела судом по существу. В этом случае в ходе предварительного слушания, судья отказывает в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела и назначает судебное разбирательство по уголовному делу. В судебной практике, чаще всего, это происходит в том случае, если обвиняемый считает себя не виновным, поэтому он возражает против прекращения уголовного дела (например, за примерением сторон) и соответственно в дальнейшем (непосредственно в судебном заседании) имеет возможность доказать это.

Следует отметить, что ч. 2 ст. 239 УПК РФ предусмотрены и дискреционные основания, дающие суду право прекратить уголовное дело – примирение сторон и деятельное раскаяние. В целом же, редакция ст. 239 УПК РФ, закрепляющая исчерпывающий перечень оснований прекращения уголовного дела или уголовного преследования на предварительном слушании, не учитывает положения ст. 28.1 УПК и ст. 76.1 УК РФ, которые предписывают суду прекратить уголовное преследование и освободить от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в сфере экономической деятельности.

В случаях, когда будут установлены основания, предусмотренные пунктами 1 и 2 части первой ст. 24 (отсутствие события преступления и состава преступления) и пунктом 1 части первой ст. 27 УПК РФ (непричастность лица к совершению преступления) прекращение уголовного дела (уголовного преследования) судьей не допускается. И это, по нашему мнению, вполне справедливо, поскольку, не исследуя всех материалов уголовного дела с соблюдением требований устности, непосредственности, состязательности сторон невозможно решить основной вопрос уголовного судопроизводства: виновен обвиняемый в совершении преступления или нет. Законодатель принципиально не допускает этого, во многом в силу презумпции невиновности, согласно которой вопрос о виновности обвиняемого может быть решен исключительно по итогам судебного разбирательства и лишь приговором суда.

По мнению В.М. Лебедева, «в ч. 1 ст. 239 УПК РФ приведены такие основания к прекращению производства по уголовному делу, которые не требуют назначения судебного заседания для доказывания тех или иных фактов и

¹ Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации от 22.11.2001 № 174-ФЗ [Электронный ресурс]: Гарант. Информационно-правовой портал. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/>

² Определение Конституционного Суда РФ от 05 ноября 2004 г. № 361-О «По жалобе гражданина Филиппова Владимира Тимофеевича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 24, частью 4 статьи 133, статьей 239 и пунктом 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 2

обстоятельств. Эти основания, исключающие дальнейшее производство по уголовному делу, еще на предварительном слушании могут стать явными для суда, не требующими исследования и оценки совокупности доказательств, представленных сторонами обвинения и защиты»¹.

Тем не менее, закон предусматривает возможность прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям, в тех случаях, когда прокурор отказался от обвинения в порядке, установленном ч. 7 ст. 246 УПК РФ. Данная норма посвящена отказу государственного обвинителя от обвинения в судебном разбирательстве, когда он придет к убеждению, что исследованные в суде доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение. Рассматривая вопрос о конституционности ч. 7 ст. 246 УПК РФ, Конституционный Суд РФ в Постановлении от 8 декабря 2003 года № 18-П указал, что «полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения, влекущий прекращение уголовного дела, равно как и изменение государственным обвинителем обвинения в сторону смягчения должны быть мотивированы со ссылкой на предусмотренные законом основания, а вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты»². Конституционный Суд РФ напрямую указывает, что «прекращение уголовного дела при отказе государственного обвинителя от обвинения допустимо лишь по завершении исследования материалов уголовного дела, но в стадии подготовки судебного заседания не исследуются материалы уголовного дела по правилам суда первой инстанции, независимо от формы ее проведения»³.

Л.В. Никитина по этому поводу пишет, что «в условиях ограниченности процесса доказывания, без производства следственных действий, с целью установления виновности обвиняемого, весьма проблематичным выглядит заложенная в ст. 239 УПК РФ возможность прекращения уголовного дела в связи с отказом прокурора от обвинения. Свидетельством правильности этого вывода является отсутствие в ст. 239 УПК РФ нормы, предусматривающей прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям в стадии подготовки судебного заседания»⁴.

Представляется, что различные подходы к проблеме отказа прокурора от обвинения как в стадии подготовки и назначения судебного разбирательства, так и при рассмотрении дела по существу вызваны неоднозначностью в определении типологической направленности развития уголовно-процессуального законодательства. К примеру, состязательный процесс англо-саксонских стран предоставляет государственному обвинителю возможность беспрепятственно реализовать полномочия по отказу от обвинения, что влечет за собой полное и окончательное прекращение производства по делу. Такой подход исторически вытекает из гражданско-процессуальной идеи диспозитивности, внедренной в уголовное судопроизводство.

¹ Научно-практическое пособие по применению УК РФ / Верин В.П., Ворожцов С.А., Демидов В.В., Журавлев В.А., и др.; Под ред.: Лебедев В.М. - М.: Норма, 2005. - С. 66.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Российская газета. 2003. 23 декабря.

³ Там же.

⁴ Никитина Л.В. Особенности процесса доказывания в стадии подготовки и назначения судебного заседания / Очерки теории Российского законодательства / под ред. В.А. Летаева, И.Н. Сенякина. Волгоград. 2011. Ч. 3. С. 299

В странах с романо-германской правовой системой прокурор, как правило, либо вообще лишен права отказываться от обвинения, как, например, во Франции, либо он располагает такой возможностью, но законодатель устанавливает в отношении него определенные препятствия и барьеры. Российский уголовный процесс, ориентированный на континентальное право, тем не менее, провозглашается состязательным, и, как следствие, должен сочетать в себе отдельные элементы двух правовых систем, которые найдут проявление в его правовых институтах.

В заключении отметим, что изучение теоретических и практических вопросов применения института прекращения уголовного дела в стадии назначения судебного разбирательства, показывает динамику снижения количества прекращенных дел. Однако, несмотря на низкий процент прекращенных уголовных дел от общего числа окончанных производством, количество лиц, в отношении которых принимаются такие решения, выглядит весьма внушительным. За каждым решением о прекращении уголовного дела стоит судьба конкретного, поэтому и велико значение этого института.

В целом, значение стадии судебного разбирательства при разрешении вопроса о прекращении уголовного дела, заключается в упрощении процессуального порядка до такой степени, чтобы минимизировать процессуальные издержки по уголовному делу.

Список использованных источников.

1. Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации от 22.11.2001 № 174-ФЗ [Электронный ресурс]: Гарант. Информационно-правовой портал. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/>

2. Научно-практическое пособие по применению УК РФ / Верин В.П., Ворожцов С.А., Демидов В.В., Журавлев В.А., и др.; Под ред.: Лебедев В.М. - М.: Норма, 2005. - 928 с.

3. Никитина Л.В. Особенности процесса доказывания в стадии подготовки и назначения судебного заседания / Очерки теории Российского законодательства / под ред. В.А. Летаева, И.Н. Сенякина. Волгоград. 2011. Ч. 3. С. 299

4. Определение Конституционного Суда РФ от 05 ноября 2004 г. № 361-О «По жалобе гражданина Филиппова Владимира Тимофеевича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 24, частью 4 статьи 133, статьей 239 и пунктом 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 2

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» // Российская газета. 2003. 23 декабря.

Герасенков В.М.
Ст. преподаватель кафедры уголовного права,
Брянский институт управления и бизнеса
Герасенкова О.А.
Научный сотрудник
Брянский институт управления и бизнеса

Формирование новой модели ускоренного досудебного производства в отечественном уголовном процессе.

В современном обществе вопрос о повышении эффективности уголовного судопроизводства приобретает все большую актуальность, в связи с объективной необходимостью добиваться целей уголовной юстиции с наименьшей затратой финансовых, организационных, кадровых и процессуальных ресурсов, то есть исключения нерационального использования сил и средств правоохранительных органов государства в процессе уголовного судопроизводства. В частности, указанный вопрос, относится и к созданию эффективной модели ускоренного досудебного производства по уголовным делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности, так как от ее существования зависит и эффективность уголовного судопроизводства в целом при производстве по уголовным делам указанной выше категории.

Необходимость создания такой модели вызвана объективной потребностью, связанной с возросшей служебной нагрузкой на органы дознания, характеризующейся значительным увеличением преступлений небольшой и средней тяжести, что наглядно показывают статистические данные, согласно которым, удельный вес зарегистрированных преступлений небольшой и средней тяжести в Российской Федерации от общего числа зарегистрированных преступлений в 2002 г. составил 47,7 %, в 2003 г. – 60,8 %¹, в 2005 г. – 69,7 %², в 2010 г. – 74 %³, а в 2015 г. этот показатель уже составил 78,2 %⁴.

Прежде чем перейти к рассмотрению модели ускоренных досудебных производств, необходимо определиться с тем, является ли дознание в общем порядке ускоренной формой досудебного производства либо нет, так как у ученого сообщества отсутствует однозначная точка зрения по указанному вопросу.

Некоторые ученые считают обычное дознание ускоренной формой расследования⁵.

Отдельные авторы рассматривают дознание, как ускоренную форму расследования за счет сокращения, в первую очередь, срока расследования, а также относят к мере по упрощению, а значит ускорению производства дознания

¹ Состояние преступности – январь – декабрь 2003 г. [Электронный ресурс] – URL:<https://мвд.рф/folder/101762/item/209710/> (Дата обращения 07.09.2016).

² Состояние преступности – январь – декабрь 2005 г. [Электронный ресурс] – URL:<https://мвд.рф/folder/101762/item/209686/> (Дата обращения 07.09.2016).

³ Состояние преступности – январь – декабрь 2010 г. [Электронный ресурс] – URL:<https://мвд.рф/folder/101762/item/209732/> (Дата обращения 07.09.2016).

⁴ Состояние преступности – январь – декабрь 2015 г. [Электронный ресурс] – URL:<https://мвд.рф/folder/101762/item/7087734/> (Дата обращения 07.09.2016).

⁵ Головкин А.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. – СПб: Юридический центр Пресс, 2002, С. 38; Клешина Е.Н. Тенденции и перспективы развития уголовно-процессуальной формы// Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2015. - № 2 (34). – С. 41 – 43.

исключение института предъявления обвинения¹, а отдельные ученые считают, что ускоренность дознания достигается за счет изъятия процессуальных прав либо отдельных процедур².

То есть, согласно позиции указанных ученых, ускорение (упрощение) формы досудебного производства можно достичь посредством сокращения срока расследования либо за счет исключения отдельных процессуальных институтов, применительно для дознания – процедуры предъявления обвинения.

С данной позицией авторов представляется возможным не согласиться, по причине того, что ускоренные досудебные производства должны обладать определенными свойствами, отражающими их правовую природу и позволяющие их детерминировать от обычных форм расследования, которые отсутствуют у обычного дознания, в связи с тем, что дознание, предусмотренное главой 32 УПК РФ по процессуальному порядку производства практически ничем не отличается от предварительного следствия, за исключением некоторых, несущественных с точки зрения ускорения процессуальной формы особенностей. А более меньший срок производства дознания, по сравнению с предварительным следствием, а также отсутствие института предъявления обвинения, по общему правилу, в качестве критериев ускоренных досудебных производств рассматриваться не могут и как справедливо указывает О.В. Качалова, что «Подобного рода механистический подход ведет к искажению процессуальной логики и отнесению к сокращенным производствам процессуальных форм, которые по сути, таковыми не являются. Именно в силу этих причин к ускоренным формам производства по уголовным делам не может быть отнесено дознание, поскольку оно является не более чем разновидностью общего порядка досудебного производства, в основе своей имеет материально-правовой критерий и не имеет иных концептуальных особенностей»³.

Наиболее точной и научно обоснованной, отражающей в полной мере сущность и правовую природу ускоренных процессуальных производств в уголовном процессе, по мнению авторов, является позиция О.В. Качаловой, основанной на том, что только сокращение процесса доказывания может рассматриваться в качестве критерия уголовно-процессуального характера, позволяющего отнести то, либо иное процессуальное производство к числу ускоренных⁴. Также О.В. Качалова в своей позиции по данному вопросу излагает, что в само сокращение процесса доказывания в том или ином ускоренном процессуальном производстве могут структурно входить элементы по сокращению предмета доказывания, то есть обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ; редукции обязанности доказывания, заключающейся в обязанности производства только тех следственных действий, не производство которых может повлечь за собой невозможную утрату следов преступления и нивелирование этапа проверки доказательств, характеризующееся тем, что должностное лицо, в производстве которого находится уголовное дело может не проверять

¹ Османова Н.В. Институт обвинения и формы расследования в досудебном производстве//Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексева. – Санкт-Петербургский гос. ун-т; под ред. Н.Г. Стойко. 2015. С. 265 – 276.

² Мельников В.Ю. Новая роль института дознания в уголовном процессе России//Северо-Кавказский юридический вестник. 2014. № 1. С. 118 – 125.

³ Качалова О.В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: дис. ...докт. юрид. наук: 12.00.09. М., 2016. С. 38.

⁴ Качалова О.В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: дис. ...докт. юрид. наук: 12.00.09 М., 2016. С. 40.

доказательства, если они не оспариваются участниками уголовного судопроизводства¹.

Из этого следует, что принудительно сократив сроки производства расследования, оставляя неизменным процесс доказывания, получить ускоренную форму процессуального производства является невозможным, в связи с необходимостью в данном случае производства того же объема следственных действий, что и в обычной форме расследования и только сократив процесс доказывания в процессуальной форме, она приобретает свойства ускоренного производства.

Таким образом, обычное дознание в качестве ускоренной процессуальной формы рассматриваться ни при каких обстоятельствах не может, а, следовательно, не является составляющей модели ускоренных досудебных производств.

Единственным ускоренным досудебным производством в виде формы предварительного расследования, существующей на данный момент в российском уголовном судопроизводстве является дознание в сокращенной форме, предусмотренное главой 32.1. УПК РФ, в процесс сокращения доказывания при производстве, которого входят все три элемента, то есть сужение предмета доказывания, редукция обязанности доказывания и нивелирование этапа проверки доказательств.

Однако несмотря на то, что по своей сущности и правовой природе дознание в сокращенной форме должно быть выгодно, как для дознавателей, заинтересованных в скорейшем окончании расследования, так и для лица, совершившего преступление в контексте получения значительно более мягкого наказания, указанный уголовно-процессуальный институт так и не получил ожидаемой эффективной практики применения. Так, в 2013 г. в форме сокращенного дознания расследовано 2 % дел от общего количества уголовных дел, расследовавшихся в форме дознания, а в 2014 г. этот показатель составил 8,9 %.

Причины неэффективной практики применения сокращенного дознания носят комплексный характер и как справедливо отмечает О.В. Качалова, что «Причины этого носят разноплановый характер и кроются не только в несовершенстве правового регулирования данной разновидности предварительного расследования, но и в организационной сфере (межведомственная несогласованность, особенности статистической отчетности и т.п.)»².

Одним из таких факторов организационного характера являлось несовершенство статистической отчетности, которое выражалось тем, что возвращение судами уголовных дел, расследование по которым проводилось в форме сокращенного дознания прокурору согласно ч. 1.1. ст. 237 УПК РФ, в связи с отказом обвиняемого, потерпевшего либо его представителя от особого порядка судебного разбирательства, приравнивалось к нарушению законности, что негативным образом отражалось на статистических показателях деятельности, как прокуратуры, так и органов предварительного расследования. Но с изданием приказа Генеральной прокуратуры РФ от 20 февраля 2015 г. № 83³, указанный

¹ Качалова О.В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: дис. ...докт. юрид. наук: 12.00.09. М., 2016. С. 41-42.

² Качалова О.В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: дис. ...докт. юрид. наук: 12.00.09 М., 2016. С. 278.

³ Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 20 февраля 2015 г. № 83 «Об утверждении и введении в действие форм федерального статистического наблюдения № 1-Е «сведения о следственной работе и дознании» и № 1-ЕМ «сведения об основных показателях следственной работы и дознания», а также инструкции по составлению отчетности по формам федерального статистического наблюдения № 1-Е, 1-ЕМ» [Электронный ресурс] – URL: <http://rulaws.ru/acts/Prikaz-Genprokuratury-Rossii-ot-20.02.2015-N-83/> (Дата обращения 10.10.2016).

негативный фактор был исключен, что сразу же отразилось и на статистических данных. В частности, за период с января по март 2015 г. количество дел, по которым расследование производилось в форме сокращенного дознания в органах внутренних дел увеличилось на 131,9 % (с 5458 до 12657) по сравнению с АППГ¹, а в отдельно взятых регионах, можно говорить о существенном повышении правоприменительной практики дознания в сокращенной форме, например, в Оренбургской области за 2015 г. удельный вес уголовных дел, расследованных в форме сокращенного дознания от общего количества, находившихся в производстве дознавателей дел составил 24 %, а за 4 месяца 2016 г. почти 50 %².

Что касается факторов правовой регламентации дознания в сокращенной форме, негативно сказывающихся на его правоприменительной практике, то здесь, в первую очередь, стоит отметить положение, закрепленное в ч. 3 ст. 226.3. УПК РФ, предоставляющее право подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему или его представителю в любой момент уголовного судопроизводства до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора заявить ходатайство об отказе от сокращенной формы дознания, которое подлежит безусловному удовлетворению, что необоснованно будет приводить к затягиванию производства по уголовному делу, что еще сильнее будет сказываться, если указанное ходатайство будет заявлено в суде и как отмечает О.В. Качалова, что «...если такое ходатайство будет заявлено на более поздних этапах производства по делу, то вместо процессуальной экономии мы получаем обратное: дополнительные процессуальные издержки при одновременном повышении риска утраты ряда следов преступления по истечении определенного времени...При таких обстоятельствах смысл сокращенного дознания вообще нивелируется»³.

Также, указанное выше право подозреваемого, обвиняемого заявить такое ходатайство создает предпосылки для возможности использования тактики данных лиц по уходу от уголовной ответственности, в расчете на некачественное закрепление следов преступления в процессе сокращенного дознания, на что обращает свое внимание профессор С.И. Гирько⁴, аналогичной позиции придерживается, и профессор Б.Я. Гаврилов⁵.

Не способствует повышению практики применения сокращенного дознания и необходимость согласования позиции потерпевшего, как необходимое условие производства по уголовному делу в указанной форме предварительного расследования. Так, по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области из всего количества уголовных дел, по которым дознание в сокращенной форме не производилось, в связи с наличием обстоятельств, предусмотренных ч. 1 ст.

¹ Объединенная редакция МВД России [Электронный ресурс] – URL:<http://www.ormvd.ru/pubs/101/the-initial-inquiry-in-abbreviated-form/> (Дата обращения 23.08.2016).

² Практика применения дознания в сокращенной форме [Электронный ресурс] – URL:<http://procrf.ru/news/432366-o-praktike-primeneniya-sokraschennoy.html> (Дата обращения 26.09.2016).

³ Качалова О.В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: дис. ...докт. юрид. наук: 12.00.09 М., 2016. С. 276, 278.

⁴ Гирько С.И. Сбываются ли прогнозы и опасения о перспективах дознания в сокращенной форме // Российский следователь. 2014. № 5. С. 22-27.

⁵ Гаврилов Б.Я. Дознание в сокращенной форме: законодательные мифы и реалии правоприменения / Б.Я. Гаврилов // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства. Материалы международной научно-практической конференции. Отв. ред. А.А. Протасевич. – Иркутск, 25-26 сентября 2014. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. С. 1-59.

226.2. УПК РФ, 26,1 % составляют дела, по которым сокращенное дознание не проводилось по причине наличия возражения потерпевших¹.

Именно низкая практика применения дознания в сокращенной форме, явилась одним из факторов, побудившим к разработке законопроекта «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения особого порядка досудебного производства)» (далее законопроект).

Согласно законопроекту, особый порядок досудебного производства должен применяться по письменному поручению начальника органа дознания, в случае очевидности причастности лица к совершению преступления, предусмотренному п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ, при условии отсутствия сложностей установления фактических обстоятельств уголовного дела. Особый порядок досудебного производства должен быть окончен в 10-дневный срок с момента поступления сообщения о преступлении, а в случае, если в указанный срок завершить данное досудебное производство не представляется возможным, то в дальнейшем расследование должно продолжаться в общем порядке.

Особый порядок досудебного производства, предусмотренный в законопроекте, несомненно, имеет свои достоинства, главными из которых, является отсутствие недостатков, сокращенного дознания в контексте необходимости согласования позиции потерпевшего, как обязательное условие осуществления ускоренного досудебного производства, а также отсутствия возможности возвращения к обычной форме предварительного расследования по волеизъявлению уголовно преследуемых лиц, потерпевших либо их представителей, то есть непрофессиональных участников уголовного процесса.

Однако, по мнению авторов, особый порядок досудебного производства имеет и существенные недостатки, к одному из которых относится то, что указанное досудебное производство предусматривается применять ко всей совокупности преступлений, предусмотренных п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ, по причине того, что при применении особого порядка к такой большой совокупности преступлений, будет способствовать заинтересованности в скорейшем завершении расследования по делу в ущерб его качественной составляющей, а учитывая достаточно большой размер наказания, предусмотренный за совершение многих преступлений, закрепленных в п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ, то такое положение дел будет являться недопустимым.

Эффективность и целесообразность, по мнению авторов, применения особого порядка досудебного производства будет обуславливаться не ко всей совокупности составов преступлений, предусмотренных п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ, а лишь к отдельной ее части, которая бы могла составлять категорию «уголовного проступка» и в этой связи, будет уместным вспомнить протокольную форму досудебной подготовки материалов, применявшуюся в прошлом в отечественном уголовном судопроизводстве по определенным составам самых незначительных и менее общественно опасных преступлений и в этой связи следует согласиться с К.В. Муравьевым, предлагающим для уменьшения нагрузки на органы расследования и их рациональному использованию ввести категорию «уголовного проступка», а также отказаться от абсолютного принципа по возбуждению уголовного дела с вынесением соответствующего постановления для оптимального разрешения незначительных уголовно-правовых конфликтов².

¹ Ларкина Е.В. Дознание в сокращенной форме: практика применения в Санкт-Петербурге и Ленинградской области//Криминалист. 2014. № 1 (14). С. 107

² Муравьев К.В. Способы снижения процессуальной нагрузки, альтернативные декриминализации//Вестник Омской юридической академии. 2016. № 1 (30). 61 – 67.

Еще одним недостатком особого порядка досудебного производства, по мнению авторов, является то, что законопроектом предусматривается введение указанной формы досудебного производства вместо дознания в сокращенной форме. Конечно, сокращенное дознание, на данный момент, в полной мере не оправдывает тех ожиданий, ради которых указанный уголовно-процессуальный институт был введен в уголовное судопроизводство по причинам, имеющим как правовой, так и организационный характер, хотя, при устранении недостатков статистической отчетности, рассмотренных выше, указанная ускоренная форма предварительного расследования стала постепенно «набирать обороты», о чем свидетельствуют и статистические данные и безусловно дознание в сокращенной форме нуждается в дальнейшем совершенствовании, и в первую очередь, в контексте устранения недостатков его правовой регламентации, препятствующих более эффективной практике применения данной формы расследования, которые были рассмотрены в данной публикации, так как, при условии устранения указанных недостатков, сокращенное дознание будет обладать высоким правоприменительным потенциалом, в связи с тем, что оно является обоюдовыгодной процессуальной формой производства как для дознавателей, заинтересованных в скорейшем завершении расследования по делу, так и для лица, совершившего преступление, в части получения наиболее мягкого наказания за его совершение.

Таким образом, на основании изложенного, по мнению авторов, наиболее оптимальной и эффективной моделью ускоренного досудебного производства в отечественном уголовном процессе будет являться модель, состоящая из особого порядка досудебного производства, применяемого по отдельной совокупности самых малозначительных составов преступлений, предусмотренных п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ, которые бы составляли категорию «уголовного проступка» и дознания в сокращенной форме, применяемого по остальным преступлениям, предусмотренным п. 1 ч. 3 ст. 150 УПК РФ, не вошедших в указанную категорию, а само наличие в уголовно-процессуальном законодательстве двух различных по своей правовой природе ускоренных процессуальных досудебных форм позволит значительно повысить гибкость уголовного судопроизводства по разрешению незначительных уголовно-правовых конфликтов и в целом повысить эффективность уголовного процесса при производстве по делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности.

Список использованных источников.

1. Гаврилов Б.Я. Дознание в сокращенной форме: законодательные мифы и реалии правоприменения / Б.Я. Гаврилов // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства. Материалы международной научно-практической конференции. Отв. ред. А.А. Протасевич. – Иркутск, 25-26 сентября 2014. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. – С. 57 – 63.
2. Гирько С.И. Сбываются ли прогнозы и опасения о перспективах дознания в сокращенно форме / С.И. Гирько // Российский следователь. – 2014. - № 5. – С. 22 – 27.
3. Головки А.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве / А.В. Головки. – СПб: Юридический центр Пресс, 2002. – 544с.

4. Качалова О.В. Ускоренное производство в российском уголовном процессе: дис. ...докт. юрид. наук: 12.00.09 / Качалова Оксана Валентиновна. – М., 2016. – 482с.

5. Клещина Е.Н. Тенденции и перспективы развития уголовно-процессуальной формы / Е.Н. Клещина // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2015. - № 2 (34). – С. 41 – 43.

6. Ларкина Е.В. Дознание в сокращенной форме: практика применения в Санкт-Петербурге и Ленинградской области / Е.В. Ларкина // Криминалист. – 2014. - № 1 (14). – С. 105 – 110.

7. Мельников В.Ю. Новая роль института дознания в уголовном процессе России / В.Ю. Мельников // Северо - Кавказский юридический вестник. – 2014. - № 1. – С. 118 – 125.

8. Муравьев К.В. Способы снижения процессуальной нагрузки, альтернативные декриминализации / К.В. Муравьев // Вестник Омской юридической академии. – 2016. - № 1 (30). – С. 61 – 67.

9. О проекте федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения особого порядка досудебного производства)» [Электронный ресурс] – URL://https://mvd.ru/mvd/structure1/Departamenti/Publikacii_i_vistuplenija/item/3079668 (Дата обращения 10.10.2016).

10. Объединенная редакция МВД России [Электронный ресурс] – URL:<http://www.ormvd.ru/pubs/101/the-initial-inquiru-in-abbreviated-form/> (Дата обращения 23.08.2016).

11. Османова Н.В. Институт обвинения и формы расследования в досудебном производстве / Н.В. Османова // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексева. – Санкт-Петербургский гос. ун-т; под ред. Н.Г. Стойко. – 2015. – С. 265 – 276.

12. Практика применения дознания в сокращенной форме [Электронный ресурс] – URL://<http://procrf.ru/news/432366-o-praktike-primeneniya-sokraschennoy.html> (Дата обращения 26.09.2016).

13. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 20 февраля 2015 г. № 83 «Об утверждении и введении в действие форм федерального статистического наблюдения № 1-Е «сведения о следственной работе и дознании» и № 1-ЕМ «сведения об основных показателях следственной работы и дознания», а также инструкции по составлению отчетности по формам федерального статистического наблюдения № 1-Е, 1-ЕМ» [Электронный ресурс] – URL: <http://rulaws.ru/acts/Prikaz-Genprokuratury-Rossii-ot-20.02.2015-N-83/> (Дата обращения 10.10.2016).

14. Состояние преступности – январь – декабрь 2003 г. [Электронный ресурс] – URL:<https://мвд.пф/folder/101762/item/209710/> (Дата обращения 07.09.2016).

15. Состояние преступности – январь – декабрь 2005 г. [Электронный ресурс] – URL:<https://мвд.пф/folder/101762/item/209686/> (Дата обращения 07.09.2016).

16. Состояние преступности – январь – декабрь 2010 г. [Электронный ресурс] – URL:<https://мвд.пф/folder/101762/item/209732/> (Дата обращения 07.09.2016).

17. Состояние преступности – январь – декабрь 2015 г. [Электронный ресурс] – URL:<https://мвд.пф/folder/101762/item/7087734/> (Дата обращения 07.09.2016).

Актуальные проблемы квалификации и доказывания сбыта наркотических средств и психотропных веществ, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Квалифицирующий признак, предусмотренный п. «б» части 2 статьи 228.1 УК РФ, устанавливает повышенную ответственность за сбыт наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, совершенный рассматриваемым способом. Данный признак был внесен в Уголовный кодекс РФ в 2012 году Федеральным законом от 01.03.2012 г № 18-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», однако до настоящего времени его применение на практике и его теоретическое толкование не имеют единого подхода. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 14) также не содержит прямых ссылок на особенности его квалификации. В то же время, Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 г. № 30 в него были внесены изменения, которые способствуют правильной оценке действий, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ.

Так, в п. 13 указан способ передачи наркотического средства приобретателю путем сообщения о месте его хранения, проведения закладки в обусловленном с ним месте. В п. 13.1 определено, какой момент следует считать окончанием незаконного сбыта (выполнение лицом всех необходимых действий по передаче приобретателю средств, веществ независимо от их фактического получения приобретателем) и др.

Считаем, что данных разъяснений для формирования единой правоприменительной практики квалификации по «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ недостаточно. В первую очередь требуется формирование четкого понимания вопроса, связанного со способом совершения преступления.

Так, для применения данной нормы необходимо знать, что собой представляют информационно-телекоммуникационные и электронные сети; какие устройства следует относить к средствам связи и с помощью какого программного обеспечения они работают; как устанавливается связь по сети и технические возможности отслеживания контактов между абонентами, использующими средства связи; каким образом могут использоваться средства массовой информации для совершения сбыта наркотических средств и психотропных веществ и т.д.

Следует отметить, что практика незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ с использованием средств массовой информации либо электронных сетей незначительна. В этой связи авторы, занимающихся данной проблематикой, стали высказываться о необходимости исключения электронных сетей и средств массовой информации из статьи рассматриваемого квалифицирующего признака¹. Мы считаем данное предложение преждевременным, поскольку практика использования электронных сетей и

¹ Токманцев Д.В., Пахорукова Ю.Е. Состав сбыта наркотиков с использованием сети Интернет: проблемы конструкции и пути совершенствования // Современные научные исследования. 2016. № 3 (59). С. 553.

средств массовой информации для целей незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ или их аналогов хоть и малочисленная, но все же имеет место. Кроме того следует учитывать повышенную общественную опасность такого способа поиска потребителя и реализации им наркотиков, поэтому исключать их из квалифицирующего признака не следует.

Наибольшее распространение для целей сбыта наркотических средств и психотропных веществ в настоящее время получило использование информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»¹. Посредством сети «Интернет» осуществляется вербовка новых участников этой преступной деятельности, осуществляется реклама «товара», идет поиск покупателей и др. Причиной такой «популярности» стала доступность этого вида связи практически для всех категорий граждан, как в экономическом, так и техническом плане. Наибольшую активность в пользовании сетью «Интернет» проявляют лица молодого возраста и подростки, используя ее для общения и обмена информацией.

Программы, предназначенные для контакта между абонентами посредством отправки сообщений в настоящее время оснащены всеми современными способами защиты передаваемой информации для исключения возможности ознакомления с ней посторонних лиц. Так, некоторые разработчики таких программ, используют технологию шифрования, которая не позволяет никому другому, включая саму компанию-разработчика, прочитать отправленные сообщения. В свою очередь, это не позволяет сотрудникам правоохранительных органов своевременно отслеживать переписку участников незаконного оборота, затрудняет получение информации необходимой для доказывания причастности лиц к преступной деятельности, что прекрасно понимают участники незаконного оборота наркотиков и используют в своих преступных интересах.

В случае выявления лиц, занимающихся незаконным сбытом наркотических средств и психотропных веществ с использованием сети «Интернет», следователь сталкивается с проблемами доказывания всех обстоятельств, подлежащих установлению, в том числе способа, вины участвующих в сбыте лиц и др. Связано это, прежде всего, с бесконтактным способом совершения преступления, то есть отсутствием непосредственного («вживую») общения приобретателя наркотического средства и сбытчика, которые договариваются о «сделке» через специальные программы, установленные на их электронных устройствах и компьютерах, посредством смс-сообщений, на сайтах социальных сетей и т.п.

Другой яркой характеристикой совершения данного вида преступлений является то, что совершаются они обычно организованными группами, низовые члены которых не всегда знают организаторов такого «бизнеса», а сама структура преступной группы имеет четкую иерархию и распределение полномочий («закладчики», «курьеры», «вербовщики», «операторы», «хакеры», «организатор» и т.п.).

Учитывая вышеизложенное, особое значение имеет выявление и разрешение проблем, связанных с квалификацией п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ. Обозначим некоторые из них.

Так, отмечается отсутствие четкого понимания характера и содержания действий, которые можно квалифицировать как приготовление к с незаконному сбыту наркотических средств и психотропных веществ, совершенных

¹ Поляков В.В. Противодействие распространению наркотических средств в интернет-пространстве // Антинаркотическая безопасность. 2015. № 1 (4). С. 68; Дикарев В.Г., Гаврюшкин Ю.Б. Особенности противодействия бесконтактному способу сбыта наркотиков с использованием сети Интернет // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД РФ. 2016. № 2 (38). С. 19.

рассматриваемым способом. Так, действия по массовым рассылкам предложений о приобретении наркотиков органы предварительного расследования и суды квалифицируют по-разному - от приготовления к незаконному сбыту до склонения к потреблению наркотических средств и психотропных веществ (ст. 230 УК РФ).

Неоднозначно на практике решается вопрос об ответственности соисполнителей незаконного сбыта, когда один из них использовал средства связи для контакта с покупателем, а другие этого не делали. Также требует разъяснения, является ли любое использование средств связи при осуществлении незаконного сбыта наркотических средств и психотропных веществ основанием для квалификации действий сбытчика по п."б" ч. 2 ст. 228.1 УК РФ (например, при звонке по телефону покупателю, чтобы договориться с ним о месте встречи или способе передачи ему наркотика).

Недостатком уголовно-правовой нормы также являются пробелы, содержащиеся в самой норме. Так, в предмет преступления, предусмотренного п."б" ч. 2 ст. 228.1 УК РФ не включены растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества либо их части; объективная сторона диспозиции не включает действия по пересылке, предусмотренные в части первой статьи 228.1 УК РФ; в редакции части 2 ст. 228.1 УК РФ отсутствует указание на признак незаконности сбыта (который имеет место в части первой указанной статьи), вызывая вопрос, может ли наступить уголовная ответственность за законную реализацию наркосодержащих препаратов совершенную рассматриваемым способом.

Все обозначенные недостатки являются актуальными и требующими разрешения. На многие из них неоднократно обращалось внимание ученых и практиков в трудах, затрагивающих рассматриваемую проблематику¹. Ряд проблем требует своего разрешения на законодательном уровне, а отдельные нуждаются в доктринальном разъяснении. Однозначно, требуют дополнений положения Постановления Пленума ВС РФ № 14. Квалификация рассматриваемых деяний должна стать единообразной, а сами разъяснения должны быть даны в понятной и доступной для правоприменителя форме, чтобы исключить пересмотры обвинительных приговоров по п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ. Полагаем также, что проблемы практики применения п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ объясняется не только сложностью раскрытия и доказывания таких преступлений, но и недостаточной проработкой методики их расследования.

Список использованных источников.

1. Дикарев В. Г., Гаврюшкин Ю. Б. Особенности противодействия бесконтактному способу сбыта наркотиков с использованием сети Интернет // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД РФ. 2016. № 2 (38). С. 19.

2. Курченко В. Н. Квалификация сбыта наркотиков с использованием СМИ либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей // Уголовный процесс. 2016. № 7 (139) С. 32.

3. Петухов А. Ю. Проблемы документирования бесконтактных способов сбыта наркотиков // Вестник юридического института ФСКН России . 2013. № 2 (13). С. 36;

¹ Самолаева Е.Ю. К вопросу о квалификации незаконного сбыта наркотических средств // Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы. Сборник научных статей по материалам VI Международной заочной научно-практической конференции. 2015. С. 219-224.

4. Поляков В. В. Противодействие распространению наркотических средств в интернет-пространстве // Антинаркотическая безопасность. 2015. № 1 (4). С. 68;

5. Самолаева Е. Ю. К вопросу о квалификации незаконного сбыта наркотических средств // Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы. Сборник научных статей по материалам VI Международной заочной научно-практической конференции. 2015. С. 219-224.

6. Токманцев Д. В., Пахорукова Ю.Е. Состав сбыта наркотиков с использованием сети Интернет: проблемы конструкции и пути совершенствования // Современные научные исследования. 2016. № 3 (59). С. 553.

7. Яковлева С. А, Хлебникова Н. С. Об уголовно-процессуальном регулировании доказывания незаконного сбыта наркотиков, совершенного с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей // Марийский юридический вестник. 2015. Т. 1 № 1 (12). С. 94.

Селезнева Н.А.

кандидат юридических наук,
Российский университет дружбы народов

Особенности производства по делам несовершеннолетних в уголовном процессе Королевства Непал.

Правосудие по делам несовершеннолетних стало развиваться с начала XIX века одновременно с разработкой концепций и законов в области прав человека. Конвенция ООН о правах ребенка 1989 года имеет огромное значение для развития законодательства и системы ювенального правосудия современных государств. К сожалению, в ряде стран по-прежнему допускаются нарушения в области защиты прав детей и процедурах осуществления ювенального правосудия. Сам факт ратификации международной Конвенции еще не свидетельствует о полной готовности государства к изменению своего законодательства, практики его применения и формированию новых общественных отношений. Ярким тому примером являются системы правосудия по делам несовершеннолетних Непала, Ирана и ряда других стран.

Непал ратифицировал Конвенцию ООН о правах ребенка 1989 года без каких-либо оговорок и был обязан актуализировать национальное законодательство в области защиты прав и интересов детей. В соответствии с Конвенцией ООН в Непале в 1992 г. был введен в действие Закон о детях.

До 1992 года в Непале не было какого-либо отдельного закона напрямую регламентирующего права детей и их защиту, хотя некоторые положения были включены в отдельные акты с различными ссылками. Закон о детях 1992 г. является первым нормативным актом, посвященным исключительно правам детей и их защите.

Закон состоит из шести глав и пятидесяти девяти разделов, содержащих следующие положения: основные права и интересы детей; основания уголовной ответственности; процедура задержания лиц, совершивших противоправное деяние; порядок рассмотрения дела в суде и назначения наказания и иные. Однако реализация положений закона носит фрагментарный характер, обращение с несовершеннолетними правонарушителями на всех стадиях уголовного процесса не отличается от взрослых, правосудие по делам

несовершеннолетних пока не рассматривается как полностью отдельная и независимая система.

Раздел 11 Закона о детях установил минимальный возраст уголовной ответственности в 10 лет. В этой связи Комитет ООН по правам ребенка выразил обеспокоенность и рекомендовал поднять минимальный возраст уголовной ответственности до уровня, соответствующего международным стандартам. Тем не менее, закон определяет «ребенка» как лицо в возрасте до 16 лет, а от 16 до 18 лет - взрослым. При этом в Непале существует острая проблема определения возраста из-за отсутствия порядка удостоверения даты рождения, а также регламента проведения судебно-медицинского обследования детей.

Закон о детях 1992 г. предусматривает особые процедуры и меры защиты детей, находящихся в конфликте с законом. Раздел 16 Закона регламентирует порядок применения ареста. Арест может применяться не только за совершение уголовного преступления, но и за деяние против общественного порядка и непристойное поведение по Закону о публичных преступлениях 2000 г. Например девушки, занимающиеся коммерческим секс-бизнесом, подлежат аресту за публичное домогательство или совершение аморальных и непристойных действий. Полиция Непала наделена широкими полномочиями по аресту несовершеннолетних, что приводит к значительным злоупотреблениям и нарушениям как самого Закона о детях, так и положений Конвенции ООН. Согласно мониторингу ЮНИСЕФ чаще всего страдают беспризорные дети, особенно в период туристического сезона или важных политических событий.

Безусловно, в Законе о детях предусмотрены важнейшие гарантии для защиты прав детей, подвергнутых аресту. Так, при аресте ребенка полиции запрещено использовать наручники или кандалы, а допросы должны проводиться в присутствии прокурора или государственного адвоката. Однако на практике эти правила не соблюдаются.

Опрос детей, находящихся в конфликте с законом, показал, что многие дети подвергаются жестокому обращению со стороны полиции либо во время ареста, либо во время содержания под стражей в полицейском участке. В ряде случаев дети арестовываются и удерживаются на какое-то время без предъявления им официального обвинения и без каких-либо протокольных записей об их аресте. Чтобы избежать необходимости соблюдать дополнительные процессуальные меры защиты, в полиции либо не регистрируется возраст ребенка, либо он намеренно увеличивается. Прежде чем предстать перед судом, дети могут провести несколько дней или даже недель в полицейском участке. По закону, подозреваемый может быть задержан полицией без судебного решения только в течение 24 часов. Тем не менее, на практике это не всегда соблюдается и доклад ЮНИСЕФ по мониторингу содержания под стражей показал, что большой процент детей задерживается дольше, чем разрешено законом. Кроме того, не все полицейские участки имеют отдельные помещения для детей, в результате чего они содержатся вместе со взрослыми.

Для решения этих проблем Правительство Непала вынуждено было объявить о создании подразделений полиции по делам несовершеннолетних в 10 пилотных районах, а также о строительстве отдельных помещений для предварительного задержания женщин и детей, которые в настоящее время установлены в 16 районах.

В случаях, когда ребенок в возрасте до 16 лет предстает перед судом, суд может не заключать ребенка под стражу вплоть до вынесения судебного решения по делу и может определить его либо под опеку лица, ответственного за его воспитание: родителям, опекуну, родственнику или социальной организации, либо

освободить под залог. Дети, которые находятся под стражей, должны быть помещены в исправительный дом для детей (раздел 50 Закона о детях).

Закон не содержит требования о том, что ограничение в праве на свободу может быть использовано лишь в качестве крайней меры, и потому дети регулярно подвергаются заключению даже за незначительные преступления, например, за кражу. В докладе ЮНИСЕФ о мониторинге содержания подростков под стражей отмечается, что освобождение ребенка с передачей его на попечение родителей используется в ограниченном количестве. В большинстве случаев для освобождения суды требуют денежный залог, и ввиду отсутствия у родителей денежных средств многие дети остаются в заключении. Бездомные дети или дети из бедных семей в этой ситуации являются особенно уязвимыми.

В настоящее время существует только один специализированный следственный центр задержания детей, расположенный в долине Катманду. Большинство детей, подвергнутых заключению, направляются в тюрьмы для взрослых. Мониторинг ЮНИСЕФ о содержании несовершеннолетних под стражей показал, что 39% детей, подвергнутых досудебному предварительному заключению, были отправлены в тюрьму.

Закон о детях гласит что несовершеннолетние, подлежащие задержанию, должны быть помещены в исправительный дом для детей. Раздел 15 Закона запрещает одиночное заключение детей или размещение их вместе со взрослыми, но эти положения применяются только к детям в возрасте до 16 лет. Лица в возрасте от 16 до 18 лет, ожидающие заседания суда, содержатся в обычных тюрьмах, так как они не подпадают под действие Закона о детях. Условия содержания в местах лишения свободы, как правило, ужасают, тюрьмы переполнены, санитарные нормы не соблюдаются; дети остаются в закрытом помещении в течение долгих часов.

Хотя нормы Muluki Ain о судебном управлении (№ 118 и 119) требуют, чтобы период досудебного содержания под стражей не превышал наказания, назначаемого за предполагаемое преступление, на практике это не всегда соблюдается. Из-за судебной волокиты и ограниченных ресурсов дети, в ожидании завершения их дела, проводят длительное время в предварительном заключении. В некоторых случаях это может занять один или два года. В то время как максимальный штраф за простую кражу (наиболее распространенное преступление среди детей) составляет 1,5 месяцев лишения свободы, дети могут оставаться под стражей в течение нескольких месяцев или даже лет.

Закон о детях предусматривает создание специализированных судов по делам несовершеннолетних или Скамьи по делам несовершеннолетних при каждом районном суде, которые должны рассматривать все дела с участием детей, находящихся в конфликте с законом. Скамья по делам несовершеннолетних состоит из судьи, но также предусматривает присутствие социального работника - специалиста по детям и детской психологии (раздел 55 Закона). Слушание дела должно проводиться за закрытыми дверями и по специальной процедуре. Судьей может быть только опытный юрист-практик, а в случае отсутствия у ребенка адвоката, он должен быть назначен (раздел 19 Закона). Имя ребенка и место его жительства не подлежит разглашению (раздел 49 Закона).

К сожалению, на практике, система судов по делам несовершеннолетних до сих пор не определена, детей продолжают судить в обычном суде, часто без юридического представительства. Судебные слушания проходят по тем же процедурам, как и для взрослых, и часто проводятся в открытых залах суда. Хотя Непальская ассоциация журналистов и Совет прессы Непала разработали

этический кодекс поведения, запрещающий СМИ раскрывать имена малолетних преступников, на практике это не всегда соблюдается.

Еще одной проблемой является то, что большинство дел по детям, находящихся в конфликте с законом, относится к компетенции окружного административного управления, а не суда. Окружное административное управление имеет квазисудебные полномочия налагать санкции, включая лишение свободы, в отношении преступлений, предусмотренных Законом о государственных преступлениях и наказаниях. Эти решения принимаются неофициально, без надлежащей правовой процедуры и без юридического представительства. По данным мониторинга ЮНИСЕФ более 65% дел по несовершеннолетним заслушиваются в Окружном административном управлении, а не в судах.

В апреле 2004 года Правительство Непала одобрило создание Скамьи по делам несовершеннолетних в каждом районном суде и разработало новые процедурные правила, которые должны были способствовать минимальному применению содержания под стражей детей до и после суда. В некоторых районах уже действуют Скамьи по делам несовершеннолетних, однако в них ощущается нехватка социальных работников и психологов, работающих с детьми.

Активную роль в деле защиты прав детей выполняет Верховный суд Непала. Разъяснив положения Закона о детях, Верховный суд поручил учредить во всех судах первой инстанции Скамьи по делам несовершеннолетних, создать исправительные дома для детей и запретить отбывание наказания детей, лишенных свободы, вместе со взрослыми. Так, по делу Балкришна Маинали против Министерства внутренних дел и других Верховным судом была осуждена практика надевания наручников детям в суде и при их перевозке. По делу Ашиш Адхикари против Правительства Его Величества и других Верховный суд обязал Правительство создать исправительные дома для детей. В деле Пода Таманг против районного суда Синдхупалчок и других Верховный Суд еще раз подтвердил необходимость создания исправительных домов для детей и предписал Правительству Непала оказать должное внимание к защите прав и интересов детей. В деле Сарита Таманг против районного суда Илам и других Верховный суд предписал администрации тюрьмы освободить осужденную, так как она не была направлена в исправительный дом.

Раздел 12 Закона о детях предусматривает различные виды наказаний, в зависимости от достижения лицом определенного возраста:

- детям в возрасте от 10 до 14 лет за преступления, наказуемые штрафом, выносится предупреждение. Если за преступление предусмотрено тюремное заключение, то ребенок может быть заключен в тюрьму на максимальный срок до шести месяцев;

- детям в возрасте от 14 и до 16 лет наказание составляет половину от санкции для взрослых.

По своему усмотрению суд имеет право налагать условное наказание, а не реальное лишение свободы. Раздел 50(2) Закона о детях предусматривает, что при условном осуждении ребенок помещается на попечение своей семьи, соответствующей общественной организации или в исправительный дом для детей.

В Положении о тюрьме 2005 г. (10 поправка: общественная служба и открытые тюрьмы) были внесены изменения о введении в систему наказаний общественных работ. Лицо, отбывающее лишение свободы на срок до трех лет может обратиться в судебный орган с ходатайством о замене отбывания наказания в тюрьме на общественные работы. Тем не менее, сохраняются значительные проблемы для реализации этой меры, в том числе отсутствуют

социальные работники и другие специалисты для проведения оценки, контроля и последующего поведения осужденного.

Закон не предусматривает правил, которыми должен руководствоваться суд при вынесении приговора по делам несовершеннолетних. В частности, нет требований об ограничении применения наказания в виде лишения свободы или применения его только в качестве крайней меры. На практике условный срок используется редко и большинство несовершеннолетних находится в заключении. Обзор судебных дел Школой права Катманду показал, что 80% детей, признанных виновными, были приговорены к тюремному заключению или тюремному заключению в сочетании со штрафом.

Еще одной проблемой является лишение свободы детей за неуплату штрафа. В соответствии с Национальным кодексом (Muluki Ain), если человек не может заплатить штраф, то штраф заменяется лишением свободы. Максимальный срок лишения свободы за неуплату штрафа для детей составляет два года. Исследование, проведенное Школой права в Катманду показало, что из 60 детей, находящихся в тюрьме по приговору районного суда, 17 были осуждены за неуплату штрафа.

Положения Закона о детях не всегда исполняются, поэтому Верховный суд Непала постановил, что помещение в исправительный дом для детей является обязательным и ребенок не может быть отправлен в тюрьму. По делу Кешаб Хадка против районного суда Дхантута и других Верховный суд издал распоряжение о создании и функционировании исправительного дома для детей, в соответствии с разделом 42 (1) и 42 (3) Закона о детях 1992 года.

Впоследствии Министерство по делам женщин и детей учредило создание исправительного дома в долине Катманду с возможностью размещения в нем 60 детей. Однако этого было недостаточно, и в связи с отсутствием специальных учреждений в других районах страны, многие дети по-прежнему направляются в обычные центры содержания под стражей, не все из которых имеют отдельные камеры для детей. Дети, находящиеся в заключении, по-прежнему подвергаются жестокому наказанию и насилию со стороны взрослых заключенных.

В 2004 году был создан Межведомственный технический комитет по делам ювенальной юстиции, который определил законодательную реформу в качестве одного из приоритетных направлений своей деятельности, и в последние годы происходит значительный прогресс в модернизации системы правосудия по делам несовершеннолетних.

Таким образом, процессуальный институт производства по делам несовершеннолетних в Непале все еще находится в стадии развития. Необходимо разрабатывать процедуры разрешения дел по мелким правонарушениям на досудебных стадиях. Важно обеспечить справедливость судебного разбирательства и надлежащей правовой процедуры; ликвидировать полномочия окружных административных ведомств по рассмотрению дел в отношении детей; законодательно регламентировать процессуальные сроки задержания детей; предусмотреть альтернативные задержанию меры, включая общественные работы, условное осуждение, домашний арест и проч.; отменить тюремное заключение за неуплату штрафа и другие положения, нарушающие Конвенцию ООН о правах ребенка и ряд других международных актов. Следует расширить роль социальных работников как на досудебных стадиях, так и после, особенно в процессе отбывания несовершеннолетними наказания. Действующее законодательство Непала нуждается в дальнейшем совершенствовании с учетом международных стандартов и общепризнанных норм и правил обращения с несовершеннолетними правонарушителями.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.

1. Amnesty International. URL: <http://www.amnesty.org/en/region/iran/report-2011>
2. Ashish Adhikari vs. His Majesty's Government and others (writ no. 3391 of 2000).
3. Muluki Ain: URL: <http://icab.gov.np/adoption/muluki>.
4. Bablu Godia v. Banke District Court, writ no 3390 of the Year 2057.
5. Balkrishna Mainali v. Ministry of Home Affairs and others, writ No. 3505.
6. Baseline Survey on Juvenile Justice, Kathmandu School of Law and National Police Academy, 2002.
7. Indra Lal Singh, Street Children and Juvenile Justice in Nepal, presented at the Eighth Innocenti Global Seminar on Juvenile Justice, 1997.
8. Juveniles in Detention: Police Custody Monitoring Report, UNICEF 2005.
9. Juvenile Justice System in Nepal: A Glance in view of International Standards, Kathmandu School of Law and the Centre for Legal Research and Resource Development, 2002.
10. Keshav Khadka vs. Dhankutta District Court and others (writ no. 3685 of 2000).
11. Poda Tamang vs. Sindhupalchowk District Court and others (writ no. 4022 of 2001).
12. Report on Laws and Legal procedures Concerning the Commercial Sexual Exploitation of Children in Nepal, ECPAT 2004.
13. Report on Regional Consultation on Violence Against Children in South Asia, May 2005.
14. Sarita Tamang vs. Ilam District Court and others (writ no. 21 of 2001).
15. South Asia and the Minimum Age of Criminal Responsibility: Raising the Standard of Protection for Children's Rights, UNICEF ROSA, 2005.
16. UN Committee on the Rights of the Child Concluding Observations: Nepal, CRC/C/15/Add.261, 3 June 2005.
17. Yubaraj Sangroula, The Roles Opportunities and Challenges of the Juvenile Justice System in Nepal: Need of a Diversion from the Criminal Justice System.

Букуру Жан-Батист

Аспирант кафедры международного права
Российский университет дружбы народов

Практика национальных судов по вопросу сотрудничества государств с Международным уголовным судом: решения Верховного суда ЮАР.

В последнее время наблюдаются резкие изменения в отношениях между Международным уголовным судом (МУС) и государствами-участниками Римского статута, в частности африканскими странами. Необходимо отметить, что МУС является первым постоянным и универсальным международным уголовным учреждением, призванным преследовать и привлекать к ответственности лиц, виновных в совершении международных преступлений, т.е. геноцида, военных преступлений, преступлений против человечности и преступления агрессии для восстановления и поддержания мира и безопасности¹. Одной из признаков

¹ Волеводз А.Г. Международное уголовное правосудие: от идеи к современной системе / А.Г. Волеводз // Вестник МГИМО-Университета. – 2009. – № 2. – С. 55-68.

производящихся изменений взаимодействия МУС и государств является призыв Африканского союза государств-членов к массовому выходу из Римского статута МУС в связи с преследованием действующих глав государств. Одним из государств, заявивших о своем намерении выхода из МУС является Южноафриканская Республика. При этом процедура выхода ЮАР из Римского статута МУС была приостановлена решением Верховного суда ЮАР. Рассмотрим роль национальных судов на примере Верховного суда ЮАР в осуществлении сотрудничества государств с международными уголовными учреждениями.

22 февраля 2017 года Верховный суд Южноафриканской Республики вынес решение, признав недействительным уведомление ЮАР Генеральному секретарю ООН о выходе из Римского статута Международного уголовного суда (МУС) который был принят в 1998 г. и вступил в силу 01 июля 2002 г¹.

История данного судебного разбирательства в отношении МУС связана с отказом правительства Южноафриканской Республики арестовать и передать в МУС президента Судана Омара Хасана Ахмада аль-Башира, когда он посетил ЮАР в июне 2015 года для участия в Саммите Африканского союза (АС), тогда как в отношении него имеется ордер на арест, выданный МУС в 2009 г². Президент аль-Башир обвиняется в совершении серьезных международных преступлений, и два ордера были выданы Палатой предварительного производства МУС для его ареста. Данные преступления, в совершении которого его обвиняют относятся к военным преступлениям, преступлениям против человечности и геноциду, которые связаны с событиями в Дарфурском районе Судана. Эти 2 ордера были направлены государствам-участникам Римского статута МУС, в том числе Южной Африке, с просьбой о сотрудничестве в соответствии с Римским статутом для того, чтобы президент аль-Башир был арестован и передан в МУС.

В связи с тем, что правительство ЮАР не приняло никаких действий по аресту Аль-Башира неправительственная организация *South African Litigation Centre* подала иск в суд для признания бездействия правительства нарушающим Конституцию, и чтобы суд вынес решение, обязывающее правительство арестовать президента аль-Башира для передачи его в МУС. Позиция правительства заключалась в том, что президент аль-Башир пользовался иммунитетом согласно международному правовому обычаю. В конечном итоге суд заявил, что бездействие правительства по аресту президента аль-Башира и его передаче в МУС, чтобы он не соответствовало Конституции и является незаконным³. Правительство подало апелляцию в Верховный апелляционный суд и последний оставил решение суда первой инстанции без изменения⁴, после чего жалоба было подано правительством в Конституционный суд⁵. Данное заявление, которое должно было быть рассмотрено Конституционным судом 22 ноября 2016 года, было отозвано правительством.

Следует отметить, что первое указанное выше дело было связано с тем, что правительство ЮАР не арестовало президента Судана, а второе дело, которое рассматривается ниже связано с оспариванием конституционности

¹ Абашидзе А.Х. Участие государств в Римском статуте Международного уголовного суда как новый вид обязательств *erga omnes* / Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / Под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. трикоз. – М.: Европейская Комиссия, 2008. с. 47.

² Alexis Arieff, Rhoda Margesson, Marjorie A.B. International Criminal Court Cases in Africa: Status and Policy Issues. / Congressional Research Service. July 14, 2009

³ Southern Africa Litigation Centre v Minister of Justice and Constitutional Development & others [2015] 3 All SA 505 (GP); 2015 (9) BCLR 1108 (GP); 2015 (2) SA 1 (GP).

⁴ Minister of Justice and Constitutional Development & others v The Southern Africa Litigation Centre [2016] 2 All SA 365 (SCA); 2016 (4) BCLR 487 (SCA); 2016 (3) SA 317 (SCA).

⁵ Minister of Justice and Constitutional Development and Others v Southern Africa Litigation Centre and Others (CCT 75/16).

заявлением правительства в одностороннем порядке о выходе из Римского статута ЮАР без участия в этом процессе парламента.

Данное дело касалось оспаривания конституционности решения министра международных отношений и сотрудничества направить уведомление о выходе из Римского статута МУС Генеральному секретарю ООН в октябре 2016 года без предварительного одобрения парламента. Правительство ЮАР утверждало, что решение о выходе из МУС было обусловлено тем, что Римский статут и закон об имплементации Римского статута Международного уголовного суда от 2002 года налагают на правительство обязательство арестовать действующих африканских глав государств, что противоречит нормам обычного международного права об иммунитете¹. Более того, по мнению представителей исполнительной власти ЮАР, осуществление ареста глав государств может препятствовать миротворческим усилиям Южной Африки на континенте.

Дело было рассмотрено на основании обращения оппозиционной партии «Демократический альянс» и ряда других представителей гражданского общества. Постановление суда о том, что предварительное утверждение парламента было необходимо прежде, чем ЮАР могла принять решение о выходе из Римского статута МУС свидетельствует о месте национальных судов в обеспечении сотрудничества государств с международными уголовными учреждениями.

Поскольку согласно ст. 127 п. 1 Римского статута МУС, заявление о выходе вступает в силу по истечению 12 месяцев со дня приема Генеральным секретарем ООН соответствующего уведомления, ЮАР могла бы окончательно выходить из МУС в октябре 2017 года. Однако решением Верховного суда ЮАР данная процедура выхода была приостановлена.

Верховный суд столкнулся с вопросом о том может ли орган исполнительной власти принять решение о выходе из международного договора, который был ратифицирован и имплементирован в национальное законодательство парламентом без предварительного одобрения последнего? Данный вопрос напрямую не регулируется в конституции ЮАР, в которой не имеется четких положений о процедуре выхода из договоров. Верховный суд ЮАР постановил, что, поскольку статья 231 (2) Конституции ЮАР требует утверждения парламентом договоров, подлежащих ратификации, также подразумевается, что требуется согласие парламента на выход из таких договоров. Поэтому уведомление о выходе ЮАР из МУС является неконституционным и недействительным.

Правительство утверждало, что полномочия исполнительной власти вести переговоры и подписывать международные договоры в соответствии со ст. 231 п. 1 и 3 Конституции безусловно подразумевает ее право принять решение о выходе из договоров, а роль парламента сводится к тому, что явно предусмотрено в пунктах 2 и 4 ст. 231 Конституции, т. е. утверждать подписанные договоры, подлежащие ратификации, и принимать имплементирующие законодательные акты при необходимости. Суд, однако, постановил, что, поскольку одобрение парламента требуется для ратификации договоров существует «очевидная трудность признать, что процесс выхода из договоров не должен быть предметом рассмотрения того же парламента. Представляется разумным, при надлежащем толковании ст. 231 конституции считать, что парламент сохраняет полномочия определять необходимо ли государству оставаться связанным или нет

¹ Democratic Alliance v Minister of International Relations and Cooperation and Others (Council for the Advancement of the South African Constitution Intervening) (83145/2016) [2017] ZAGPPHC 53; 2017 (3) SA 212 (GP); [2017] 2 All SA 123 (GP) (22 February 2017)

международным договором. Это необходимо для выражения четкого разделения полномочий между исполнительной властью и законодательной властью, закрепленной в конституции. Если это парламент, который определяет является ли международное обязательным для государства, то конституционно несостоятельно считать, что национальная исполнительная власть может в одностороннем порядке расторгнуть такое соглашение»¹.

Суд подчеркнул, что данный процесс выхода регулируется только внутригосударственным правом, и «является внутренней проблемой, которую международное право не может и не должно регулировать».

В своем решении Верховный суд ЮАР постановило, что любой международный договор, подлежащий ратификации, требует одобрения парламентом для выхода из него, независимо от того, приведет ли выход из этого договора к изменению внутреннего законодательства Южной Африки. При этом в случае выхода из МУС потребуются внесение изменений во внутригосударственное право Южной Африки, с учетом того, что был принят закон об имплементации Римского статута МУС в ЮАР, но аргументация суда не ограничивалась участием парламента в имплементации Римского статута.

Кроме того, Суд постановил, что решение о выходе из МУС без предварительного одобрения парламента было «процедурно иррациональным». Если бы уведомление об отзыве ратификации вступило в силу до того, как парламента примет решение об отмене закона об имплементации Римского статута, это привело бы к юридическому пробелу в законодательстве ЮАР. По мнению суда, «Вопрос заключается в том, что почему столь актуален для национального исполнительного органа выход из Римского статута, который не может дождаться законодательных процессов (и, возможно, судебного разбирательства), чтобы идти своим чередом? Из этого можно сделать один вывод: преждевременность и процедурная иррациональность подачи уведомления о выходе национальной исполнительной властью без предварительной консультации с парламентом. Эта необъяснимая поспешность сама по себе является процедурной иррациональностью».

Учитывая эти процедурные проблемы, суд пришел к выводу, что уведомление правительства о выходе из Римского статута МУС без участия парламента в принятии данного решения является неконституционным и, следовательно, недействительным. Таким образом, было решено правительству отозвать уведомление о выходе ЮАР из Римского статута МУС, которое было направлено Генеральному секретарю ООН. В результате этого ЮАР отозвала уведомление о выходе из Римского статута МУС.

Список использованных источников.

1. Абашидзе А.Х. Участие государств в Римском статуте Международного уголовного суда как новый вид обязательств *erga omnes* / Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / Под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. трикоз. – М.: Европейская Комиссия, 2008. с. 47.
2. Волеводз А.Г. Международное уголовное правосудие: от идеи к современной системе / А.Г. Волеводз // Вестник МГИМО-Университета. – 2009. – № 2. – С. 55-68.
3. Римский статут Международного уголовного суда 1998 г.

¹ Democratic Alliance v Minister of International Relations and Cooperation and Others (Council for the Advancement of the South African Constitution Intervening) (83145/2016) [2017] ZAGPPHC 53; 2017 (3) SA 212 (GP); [2017] 2 All SA 123 (GP) (22 February 2017) URL: <http://saflii.org/za/cases/ZAGPPHC/2017/53.html>

4. Конституция Южноафриканской Республики 1996 г.
5. Alexis Arieff, Rhoda Margesson, Marjorie A.B. International Criminal Court Cases in Africa: Status and Policy Issues. / Congressionnal Research Service. July 14, 2009
6. Democratic Alliance v Minister of International Relations and Cooperation and Others (Council for the Advancement of the South African Constitution Intervening) (83145/2016) [2017] ZAGPPHC 53; 2017 (3) SA 212 (GP); [2017] 2 All SA 123 (GP) (22 February 2017) URL: <http://saflii.org/za/cases/ZAGPPHC/2017/53.html>
7. Minister of Justice and Constitutional Development & others v The Southern Africa Litigation Centre [2016] 2 All SA 365 (SCA); 2016 (4) BCLR 487 (SCA); 2016 (3) SA 317 (SCA).
8. Southern Africa Litigation Centre v Minister of Justice and Constitutional Development & others [2015] 3 All SA 505 (GP); 2015 (9) BCLR 1108 (GP); 2015 (2) SA 1 (GP).

Гасанова У.Н.

аспирант

Академия Генеральной прокуратуры РФ

**Механизм обеспечения беспристрастности, объективности
и справедливости прокурора при избрании меры пресечения
в виде заключения под стражу.**

Участие прокурора в избрании решений о заключении обвиняемого под стражу в досудебном производстве является важным механизмом обеспечения объективности и беспристрастности в уголовном судопроизводстве.

Следует отметить, что в соответствии с УПК РФ при осуществлении надзора за законностью избрания мер пресечения в виде заключения под стражу полномочия прокурора различаются в зависимости от формы предварительного расследования.

Так при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу по уголовным делам, расследуемым в форме дознания, прокурор уполномочен:

1) проверять законность и обоснованность постановления дознавателя о возбуждении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, продлении срока содержания под стражей; давать согласие (отказывать в даче согласия) на обращение в суд с соответствующим ходатайством (п. 5 ч. 2 ст. 37, ч. 3 ст. 108 УПК РФ);

2) давать письменные указания дознавателю о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, продлении срока содержания под стражей (п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);

3) участвовать в обязательном порядке в судебном заседании при рассмотрении судом соответствующего ходатайства, обосновывать данное ходатайство в судебном заседании (ч. 4 ст. 108 УПК РФ);

4) обжаловать в течение 3 суток незаконное и необоснованное, по мнению прокурора, постановление суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или об отказе в этом (ч. 11 ст. 108 УПК).

В то же время по уголовным делам, расследуемым в форме предварительного следствия, после принятия Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в УПК РФ» от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ, в ч. 3 ст. 108 УПК РФ установлено, что «при необходимости избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу следователь с согласия руководителя следственного

органа ... возбуждают перед судом соответствующее ходатайство». Таким образом, полномочие прокурора давать согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу передано руководителю следственного органа. Прокурор к рассмотрению таких обращений подключается непосредственно в суде, т.е. формой реализации его полномочий является участие в принятии процессуального решения, инициированного другими должностными лицами без согласования с ним.

Такая ситуация, по мнению С.П. Щербы и А. В. Поповой, безусловно, ограничивает роль прокурора в обеспечении беспристрастности и объективности при принятии указанных решений. И это при том, что в Российской Федерации ситуация с обеспечением прав и свобод человека и гражданина ухудшилась после того, как следователь законодательно был наделён правом направлять в суд ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу (о продлении срока содержания под стражей) без согласия прокурора, получив лишь согласие руководителя следственного органа¹.

Кроме того, по мнению авторов, сохраненное в ч. 3 ст.108 УПК РФ положение об обосновании прокурором таких ходатайств вступило в противоречие с измененным правовым регулированием досудебного порядка их рассмотрения². На этом этапе (до рассмотрения ходатайства судьей) прокурор фактически отстранен законодателем от участия в принятии такого решения, лишен возможности оценить постановление следователя с точки зрения соответствия закону и принять меры к устранению (недопущению) этих нарушений.

В соответствии с ч. 6 ст. 108 УПК РФ роль прокурора в настоящее время сводится к обоснованию судебном заседании ходатайства следователя (лично либо даче поручения об этом следователю). Потенциальная возможность конфликта между должностными лицами стороны обвинения (следователем и руководителем следственного органа, с одной стороны, и прокурором – с другой) очевидно вытекает из сопоставления норм ч.ч. 3 и 6 ст. 108 УПК РФ. Прокурор в данной ситуации поставлен перед необходимостью обосновать перед судьей решение следователя, в подготовке которого прокурор участия не принимал и с которым он знакомится в лучшем случае непосредственно перед судебным заседанием. Очевидно, что позиция прокурора может не совпасть с позицией следственного органа. Более того, в случае такого несовпадения прокурор должен расценить ходатайство следователя как не соответствующее требованиям закона и принять меры к предотвращению возможного нарушения.

П.А. Lupinskaya указывает, что если ранее следователь мог ходатайствовать перед судом об избрании данной меры пресечения лишь с согласия прокурора, в обязанность которого входило как участие в рассмотрении судом такого ходатайства, так и принципиальное решение вопроса о том, будет ли вообще такое ходатайство направлено в суд, то теперь этот порядок изменен: согласие на возбуждение ходатайства дает руководитель следственного органа, т.е. непосредственный начальник следователя, представляющий тот же самый орган следствия. Таким образом, круг лиц, ответственных за принятие решения о заключении под стражу, еще более сузился³.

¹ Щерба С.П., Попова А. В. Дискреционные полномочия прокурора при применении меры пресечения в виде заключения под стражу. // Законность С. 23.

² Щерба С.П., Попова А. Дискреционные полномочия прокурора при применении меры пресечения в виде заключения под стражу. // Законность С. 24.

³ Lupinskaya П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 180-181.

Данная проблему отметили и участники анкетирования, проведенного диссертантом. 68,8% респондентов посчитали, что существующее нормативное регулирование участия прокурора в судебного разбирательстве о применении меры пресечения в виде заключения под стражу является неудовлетворительным и нуждается в совершенствовании.

Совершенствование процессуального механизма участия прокурора в принятии решений о применении меры пресечения в виде заключения под стражу с учётом указанной проблемы не имеет однозначного решения у исследователей. Наиболее радикальным подходом здесь является позиция Е.В. Рябцевой об исключении прокурора из механизма принятия решения о применении меры пресечения в виде заключения под стражу. По её мнению представляется нецелесообразным сохранение участия прокурора в судебном заседании при рассмотрении вопроса о применении мер пресечения и (или) производстве следственных действий, требующих судебного разрешения. Поскольку руководитель следственного органа утверждает заявленное следователем ходатайство, то он и должен его поддерживать при рассмотрении в судебном заседании. Прокурор же, выполняя надзор за деятельностью лиц, ведущих процесс, полномочен обжаловать судебное решение, вынесенное по результатам рассмотрения соответствующего ходатайства, если признает его незаконным и необоснованным¹. Поэтому она предлагает исключить из ч. 3, 4 ст. 108 УПК упоминание прокурора как лица, дающего согласие дознавателю на подачу ходатайства о заключении под стражу и участвующего в судебном заседании по принятию данного процессуального решения и, в то же время предлагает в ч. 8 ст. 108 УПК включить прокурора в число лиц, которым направляется постановление о применении данной меры пресечения или отказе в её применении.

Указанная позиция представляется не совсем верной, так как реализация данной концепции нарушает состязательность процедуры принятия решений о применении меры пресечения в виде заключения под стражу. Данное суждение подтверждается и результатами анкетирования. Только 28% респондентов согласились с исключением прокурора из механизма принятия решений о применении меры пресечения в виде заключения под стражу.

Дача прокурором разрешения органу дознания на подачу ходатайства о применении меры пресечения в виде заключения под стражу и поддержание прокурором ходатайства о применении меры пресечения в виде заключения под стражу в судебном заседании является важным элементом его надзорной деятельности, направленной на соблюдение требований закона при применении указанной меры пресечения, а также на реализацию дискреционных полномочий при оценке фактических обстоятельств дела и обосновании необходимости применения альтернативных мер пресечения. Данная позиция основана на приказе Генерального прокурора Российской Федерации от 27 июня 2007 года № 189 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве», которым установлена обязанность прокурора при выявлении нарушений прав граждан занимать принципиальную позицию по устранению данных нарушений, а также ориентировать суд на принятие законного и обоснованного решения.

А. Г. Халиулин полагает, что для разрешения данной ситуации «необходимо предоставить прокурору, участвующему в судебном заседании, право отзывать ходатайство следователя с рассмотрения суда. Другой вариант –

¹ Рябцева Е.В. Давайте будем последовательны в реформировании уголовного судопроизводства. (о соотношении прокурорского надзора и судебного санкционирования на предварительном следствии) // Российская юстиция. 2008. № 8. С. 57-59.

установить, что в случае, если прокурор не поддерживает ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, суд прекращает производство по ходатайству (по аналогии с отказом прокурора от обвинения, когда суд прекращает уголовное дело или уголовное преследование»¹. В свою очередь Г. Н. Королёв считает возможным применение аналогии закона, а именно ч. 7 ст. 246 УПК РФ, согласно которой полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение судом уголовного дела или уголовного преследования полностью или в соответствующей части. Иными словами, если прокурор, участвующий в судебном разбирательстве, не поддержит позицию следователя, изложенную в обвинительном заключении, и откажется от обвинения, то суд обязан прекратить уголовное дело, согласившись с мнением прокурора, а не следователя². С. П. Щерба также полагает, обоснованным расширить в УПК РФ перечень дискреционных полномочий прокурора при решении вопроса о применении к подозреваемым, обвиняемым меры пресечения в виде заключения под стражу, а также предлагает сформулировать ч. 6 ст. 108 УПК в следующей редакции: «В начале заседания судья объявляет, по какому уголовному делу и какое ходатайство подлежит рассмотрению, разъясняет явившимся в судебное заседание лицам их процессуальные права и обязанности. Затем прокурор обосновывает необходимость применения к подозреваемому, обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу и принятия судебного решения об удовлетворении ходатайства следователя или дознавателя либо излагает мотивированное мнение о необходимости избрания в отношении подозреваемого, обвиняемого иной, альтернативной меры пресечения, не связанной с лишением свободы.

При отсутствии в материалах дела оснований для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу или иных мер пресечения, перечисленных в ст. 97 УПК, прокурор представляет суду обоснованное письменное заключение об отказе применения в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения»³.

Предпочтительность данной позиции подтверждается и результатами анкетирования – 59,7% респондентов согласились, что предоставление прокурору полномочия не поддерживать ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу является наиболее оптимальным способом участия прокурора в судебном разбирательстве о принятии данных процессуальных решений.

Еще одним способом разрешения данного вопроса является установление в ч. 6 ст. 108 УПК обязанности прокурора, участвующего в судебном заседании, выражать свою позицию по ходатайству в заключении, которое представляется судье для приобщения к материалам. В случае расхождения с позицией следователя (заключение об отсутствии оснований для удовлетворения ходатайства) прокурор должен незамедлительно докладывать об этом вышестоящему прокурору. Согласие вышестоящего прокурора с таким

¹ Халиулин А.Г. Правовое регулирование досудебного производства по уголовным делам нуждается в исправлении системных ошибок. // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 11. С. 3-8.

² Королёв Г.Н. Роль прокурора в осуществлении судебного контроля за применением мер пресечения. Судебная защита прав и свобод человека и гражданина при применении мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста: // Материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции. – Н. Новгород, НКИ, 2011. – с. 161., Табакова М.А. Пробелы правового регулирования учета позиции прокурора при применении заключения под стражу в качестве меры пресечения. С. 209.

³ Щерба С.П., Попова А. В. Дискреционные полномочия прокурора при применении меры пресечения в виде заключения под стражу. // Законность 2016 №1. С. 26.

заключением (выраженное в виде резолюции на заключении) будет, таким образом, влечь прекращение производства по ходатайству следователя¹. В настоящее время процедура составления такого рода заключений закреплена в п. 1.6 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 2 июня 2011 г. № 162 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия», согласно которому прокурору, участвующему в судебном заседании, составлять письменное заключение об обоснованности заявленного ходатайства об избрании меры пресечения, которое он обязан согласовывать с соответствующим руководителем либо его заместителем.

Очевидно, что предписание прокурорам составлять письменное заключение об обоснованности заявленного ходатайства об избрании меры пресечения допускает возможность вывода об отсутствии оснований для поддержания ходатайства. Как видно, ведомственное регулирование ориентирует прокуроров на обоснование ими в суде заявленных органом следствия ходатайств в случаях их законности, обоснованности, мотивированности и допускает иную позицию прокурора в суде – не поддержание прокурором заявленного ходатайства.

Недостатком данной процедуры является её административная составляющая, так как процесс согласования заключения с вышестоящим прокурором излишне усложняет процедуру принятия решения о применении меры пресечения в виде заключения под стражу. Кроме того, 8-часовой срок рассмотрения ходатайства о применении меры пресечения в виде заключения под стражу (ч. 4 ст. 108 УПК) повышает риск формализации такого согласования. Полагаем, что указанные причины повлияли и на результаты анкетирования по данному вопросу – только 17,2% респондентов высказались об эффективности данной процедуры.

Если же оценивать деятельность прокурора в рамках указанной процедуры в контексте осуществления им функций уголовного преследования и процессуального руководства органами предварительного расследования, то обеспечению их беспристрастности и объективности в большей мере соответствуют полномочия прокурора по принятию решения о направлении в суд ходатайства о применении меры пресечения в виде заключения под стражу. Такое мнение находит отражение в позициях исследователей. Так, Т.Л. Оксюк полагает, что именно прокурор, а не руководитель следственного органа должен давать согласие следователю на ходатайство об избрании мер пресечения в виде заключения под стражу².

В свою очередь А.В. Спиринов полагает, что наиболее отвечало бы состязательному построению уголовного процесса возвращение прокурору права давать согласие следователю на соответствующее ходатайство. Это в принципе препятствовало бы проявлениям «раскола» обвинительной власти в процессе принятия одного из ключевых процессуальных решений³. Вместе с тем стоит отметить, что беспристрастность и объективность прокурора здесь будет проявляться не в самом факте дачи согласия прокурором на подачу ходатайства о применении меры пресечения в виде заключения под стражу и обоснования его в судебном заседании при принятии данного процессуального решения, а в объективной и беспристрастной оценке сведений, представленных прокурору

¹ Спиринов А.В. Спор между прокурором и следователем в суде недопустим. // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013 №4 С. 67.

² Оксюк Т.Л. Усмотрение прокурора в уголовном процессе // Законность. 2010. №3. С. 3 - 9.

³ Спиринов А.В. Спор между прокурором и следователем в суде недопустим. // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013 №4 С. 67.

вместе с ходатайством следователя (дознавателя) для обоснования необходимости применения именно этой меры пресечения.

Список использованных источников.

1. Королев Г.Н. Роль прокурора в осуществлении судебного контроля за применением мер пресечения. Судебная защита прав и свобод человека и гражданина при применении мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста: // Материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции. – Н. Новгород, НКИ, 2011.

2. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2010.

3. Оксюк Т.Л. Усмотрение прокурора в уголовном процессе // Законность. 2010. №3. С. 3 - 9.

4. Рябцева Е.В. Давайте будем последовательны в реформировании уголовного судопроизводства. (о соотношении прокурорского надзора и судебного санкционирования на предварительном следствии) // Российская юстиция. 2008. № 8. С. 57-59.

5. Табакова М.А. Пробелы правового регулирования учета позиции прокурора при применении заключения под стражу в качестве меры пресечения. С. 207-209.

6. Спирин А.В. Спор между прокурором и следователем в суде недопустим. // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2013 №4 С. 63-69.

7. Халиулин А.Г. Правовое регулирование досудебного производства по уголовным делам нуждается в исправлении системных ошибок. // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 11. С. 3-8.

8. Щерба С.П., Попова А.В. Дискреционные полномочия прокурора при применении меры пресечения в виде заключения под стражу. // Законность 2016 №1, С. 22-26.

Охлопкова А.С.

аспирант

Российский университет дружбы народов

Кучерков И.А.,

к.ю.н., доцент

Российский университет дружбы народов

Особенности изменения правового статуса защитника в Российской Федерации в процессе конвергенции права.

Деятельность защитника как участника уголовного судопроизводства является одной из важнейших гарантий обеспечения прав и свобод человека в уголовном процессе. Вступая во взаимодействие с судом и обвинением на различных стадиях уголовного судопроизводства защита обеспечивает реализацию уголовным процессом своего назначения.

В современных моделях уголовного судопроизводства существует несколько концепций правового статуса защитника. В состязательной форме уголовного судопроизводства адвокат является представителем стороны защиты, обязанностью которого является активное участие в доказывании, в частности, осуществление сбора доказательств, оправдывающих подсудимого, исключаящих или смягчающих его ответственность, представление своей версии и

доказательства суду, анализ и оценка доказательств, представленных стороной обвинения, и ее версии дела¹. С другой стороны, в силу принципа состязательности защитник не имеет права знакомиться с доказательствами обвинения до начала судебного разбирательства. Конечно англо-американская модель уголовного судопроизводства предусматривает процедуру «взаимного раскрытия доказательств, на стадии предварительного слушания, однако, во-первых, данная процедура применяется только по делам, преследуемым с обвинительным актом, а во-первых речь здесь идёт только о доказательствах, явно оправдывающих обвиняемого, обвинительные же доказательства раскрытию не подлежат.

Другой концепцией является концепция адвоката-правозащитника, сущностью деятельности которого является обеспечение прав обвиняемого при отправлении правосудия. Так §137 УПК ФРГ определяет защитника как помощника обвиняемого. На основании это ряд исследователей считают защитника самостоятельным органом уголовного правосудия². По мнению В. Бойльке деятельность защитника соответствует публичным интересам в уголовного судопроизводстве, так как члены демократического общества (и вместе с тем – потенциальные обвиняемые) хотят знать, что требование справедливой формы процесса соблюдается³. Данная концепция не предполагает наличия у защитника права активно участвовать в доказывании. Так, УПК ФРГ устанавливает, что защитник вправе присутствовать при допросе судьей или прокурором обвиняемого (§ 163а, 168, 168с УПК) и свидетеля (§ 168 УПК), осмотре предметов судьей (§ 168d УПК), высказываться в пользу обвиняемого в любой момент процесса (§137 УПК), знакомиться с материалами дела, представленными суду по окончании расследования (§ 147 УПК). В свою очередь, УПК Франции допускает защитника при производстве дознания только при задержании подозреваемого, где защитник имеет право на встречу с ним в течение 30 минут, ознакомиться с протоколом задержания и присутствовать и его допросе (ст. ст. 63-3-1, 63-4, 63-4-1, 63-4-2 УПК). На стадии предварительного следствия защитник обладает правом во всех следственных действиях с участием своего подзащитного, знакомиться с уликами обвинения, заявлять ходатайства о проведении следственных действий.

Вместе с тем, следует отметить, что модель адвоката-правозащитника в последние десятилетия может претерпевает некоторые изменения под воздействием состязательной формы уголовного судопроизводства. Так, согласно исследованиям П.К. Барабанова в ФРГ на практике допускается проведение защитником собственного расследования в уголовном судопроизводстве. Данное расследование носит очень ограниченный характер защитнику предоставлено право опрашивать свидетелей, сообвиняемых и экспертов, обращаться к услугами частных детективов. По итогам данной деятельности защитник может заявить ходатайства об допросе указанных лиц судом и допуске иных доказательств в процесс в порядке §219, 244 УПК⁴. Данное утверждение не находит отражение в уголовно-процессуальном законодательстве, однако, анализ §§219, 244 УПК ФРГ действительно позволяет сделать вывод о допустимости такого расследования, результатом которого становится появление у подсудимого и защитника

¹ Sanders A., Young R., Burton M. Criminal Justice. Oxford. 2010. P 13.

² Шредер Ф.-К., Феррел Т. Уголовно-процессуальное право Германии. Москва-Берлин. Инфортропик Медиа. 2016. С. 58.

³ Beulke W. Strafprozessrecht. 2010. Цит. по Барабанов П.К. Уголовный процесс ФРГ.М. Спутник+, 2014. С.95.

⁴ Барабанов П.К. Уголовный процесс ФРГ.М. Спутник+, 2014. С.99.

сведений, которыми обладают свидетели, эксперты или иные источники доказательств об исследовании которых он подаёт ходатайство в суд.

В основе правового статуса защитника в Российской Федерации также лежит континентальная концепция адвоката-правозащитника. Назначение защитника в уголовном судопроизводстве определяется как защита прав и законных интересов обвиняемых (подозреваемых) и оказание им юридической помощи (ч.1 ст. 49 УПК). Вместе с тем, характер полномочий защитника, включает в себя не только полномочия, характерные для адвоката-правозащитника (присутствие при производстве следственных действий с участием обвиняемого, либо проводимых по его ходатайству или ходатайству защитника; ознакомление с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, иными документами, которые предъявлялись либо должны были предъявляться подозреваемому, обвиняемому; ознакомление по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела; заявлять ходатайства и отводы (п. п. 5-8 ч.1 ст. 53 УПК РФ), но также полномочия, появившиеся в 2001 году, и свойственные для адвоката-представителя в состязательном процессе. К ним относятся право собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи, а также право привлекать специалиста (п. п. 2, 3 ч.1 ст. 53, п.2.1 ст. 58, ч. 2 ст. 86 УПК).

При этом ч.2 ст. 86 УПК установила возможные пути сбора защитником доказательств, наделяя его правом: 1) получения предметов, документов и иных сведений; 2) опроса лиц с их согласия; 3) истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций. В апреле 2017 года данные права были расширены разрешением защитнику привлекать к участию в производстве по уголовному делу специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (ч. 2.1 ст. 58 УПК).

Следует отметить, что результаты опроса, проведенного диссертантом показали неоднозначность оценки респондентами положений, расширяющих права защитников по доказыванию. Только 24% респондентов (в основном адвокатов) однозначно оценивают данные новеллы положительно.

Вместе с тем, указанные полномочия не предполагают непосредственного использования собранных защитником сведений в состязательном порядке, так как согласно п. 2 ч.1 ст. 53 УПК защитник обязан представлять данные доказательства лицу, осуществляющему производство по делу. При этом, по смыслу ч. 2 ст. 159 УПК в ходе предварительного расследования следователь и дознаватель фактически имеют возможность отказать в удовлетворении данного ходатайства защитника, если сочтут, что обстоятельства, об установлении которых ходатайствует защитник, не имеют значения для данного уголовного дела. Данное положение является наследием советской модели уголовного судопроизводства, устанавливающей зависимость действий защитника от усмотрения должностных лиц, осуществляющих досудебное производство. Так, в ФРГ подобное ходатайство может быть рассмотрено только судом (§§219, 244 УПК ФРГ).

Таким образом можно сделать вывод о том, что правовой статус защитника в российском уголовном судопроизводстве в настоящее время представляет собой оригинальную правовую конструкцию, соединяющую в себе концепцию адвоката-правозащитника, характерную для французской и германской моделей уголовного судопроизводства с состязательной концепцией адвоката-представителя, причём основной тенденцией является расширение полномочий защитников по участию в доказывании.

Список использованный источников.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 26.07.2017 № 194-ФЗ) // Парламентская газета. – 22.12.2001. - № 241-242
2. Уголовно-процессуальный кодекс Франции (Code de procédure pénale) Version consolidée au 1 août 2017. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006071154>
3. Уголовно-процессуальный кодекс ФРГ (Strafprozeßordnung, StPO) In the version published on 1 January 2014. URL: <http://www.iuscomp.org/gla/statutes/StPO.htm>
4. Барабанов П.К. Уголовный процесс ФРГ.М. Спутник+, 2014.
5. Шредер Ф-К., Феррел Т. Уголовно-процессуальное право Германии. Москва-Берлин. Инфортропик Медиа. 2016.
6. Sanders A., Young R., Burton M. Criminal Justice. Oxford. 2010.

Рыжкова И.А

соискатель

Казанский федеральный университет

Сравнительный анализ механизмов реализации принципа уважения чести и достоинства личности в уголовно-процессуальных законах зарубежных государств.

Рассмотрим механизмы реализации принципа уважения чести и достоинства в уголовно-процессуальных законах некоторых стран Содружества Независимых Государств (далее по тексту – СНГ)¹ и других зарубежных государств, законодательство которых развивалось на базе Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960г.

Республики, ставшие независимыми после распада Советского Союза, унаследовали систему уголовного процесса, которая развилась на основе континентальной европейской смешанной формы. Законодатели обратили своё внимание на современные системы уголовного процесса в странах романо-германской правовой семьи, а также к состязательной традиции англо-американского уголовного процесса.

Для формирования уголовно-процессуального права стран СНГ в виде рекомендательного законодательного акта принят Модельный уголовно-процессуальный кодекс (далее - МУПК)², в котором отражены общепризнанные принципы и нормы международного права. В систему принципов, среди прочих, включен принцип уважения прав, свобод и достоинства личности (ст.14 МУПК)³.

Несмотря на то, что положения МУПК должны активно внедряться в национальное уголовно-процессуальное право, с целью свести к минимуму различия в законодательствах стран СНГ, назвать их действенными нельзя и объясняется это тем, что на постсоциалистическом пространстве существуют три

¹ Устав Содружества Независимых Государств от 22 января 1993 года. Ратифицирован постановлением Верховного Совета РФ от 15 апреля 1993 года N 4799-1. Устав вступил в силу для России 20 июля 1993 года [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.kodeks.ru>.

² Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств - участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ от 17 февраля 1996 г.) [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://base.garant.ru>.

³ Там же.

правовые семьи: прибалтийская, славянская, сочетающаяся с азиатско-мусульманской и центрально-европейская, которая стремится к романо-германской, а при составлении модельных документов учитывались интересы и позиции всех стран-участниц СНГ, в результате чего многие постулаты получились расплывчатыми и не действенными.

Формулировка принципа уважения чести и достоинства в уголовно-процессуальных законах стран постсоветского периода различается, в некоторых она приближена к международным стандартам в области защиты прав личности, а в других очень узкая. К сожалению, в рамках статьи невозможно полно рассмотреть все аспекты механизмов реализации рассматриваемого принципа, но основные спорные моменты мы постараемся определить.

В свете рассматриваемого вопроса, особый интерес представляет Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики¹. Статьи УПК Азербайджанской Республики не только раскрывают понятие принципов уголовного судопроизводства, но и фиксируют положения об обеспечении данных принципов. В самих названиях статей содержится понятие «обеспечение». Так, в статье 12 «Обеспечение закрепленных Конституцией прав и свобод человека и гражданина» закреплено: «органы, осуществляющие уголовный процесс, обязаны обеспечивать соблюдение закрепленных Конституцией прав и свобод человека и гражданина для всех лиц, принимающих участие в уголовном процессе»².

Принцип уважения чести и достоинства личности здесь звучит как: «Уважение к чести и достоинству лица» и регламентируется статьей 13 УПК Азербайджанской Республики³.

В Республике Азербайджан развивается сотрудничество с международными организациями, действующими в области прав и свобод человека. В настоящее время в Азербайджанской Республике в структуре Института Омбудсмана создан отдел по предотвращению пыток, осуществляющий функции национального превентивного механизма, основными задачами которого являются: организация деятельности Уполномоченного в качестве национального превентивного механизма; обеспечение деятельности по предотвращению пыток; пропаганда деятельности по предотвращению пыток, в том числе средствами массовой информации.

В УПК РФ⁴ регламентирован запрет на осуществление действий и принятие решений, унижающих честь и достоинство участника уголовного судопроизводства, а в УПК Грузии⁵ и УПК Республики Таджикистан⁶ определены субъекты, которые обязаны не только пассивно соблюдать принцип неприкосновенности достоинства личности, но и «защищать» его.

Уголовно-процессуальное законодательство Грузии, в отличие от других рассматриваемых стран, различает пять форм возмещения ущерба жертвам

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 года № 907-IQ) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 20.10.2015 г.) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://online.zakon.kz/document>.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 19.12.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Грузии. URL: [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://pravo.org.ua/files> (дата обращения: 27.02.2015).

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан (Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2009 г., №12, ст.816;2010г., №7, ст. 551;2011г., №3, ст. 159; №7-8, ст. 609; ЗРТ от 03.07.2012г., №864 ЗРТ от 01.08.2012г., №878; ЗРТ от 28.12.12г.№927, №932, ЗРТ от 22.07.2013г. №982, 983) утвержден Законом Республики Таджикистан №564 от 3 декабря 2009 года «О принятии и введении в действие уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан». г. Душанбе//refdb.ru/look/2726018-pall.html

грубых нарушений международных норм в области прав человека: реституцию, компенсацию, реабилитацию, сатисфакцию и гарантии неповторения случившегося.

Однако, в законодательстве Грузии, в целом отвечающем нормам международного права в области соблюдения прав человека, и законодательствах Республики Беларусь¹ и Российской Федерации не определён размер денежной компенсации моральных последствий, причиненных в результате ущемления прав и свобод, умаления достоинства личности в ходе уголовного судопроизводства и возлагается на усмотрение суда, при этом законодательные формулировки расплывчаты.

Считаем важным положение ч. 5 ст. 9 УПК Украины о том, что: «уголовное процессуальное законодательство Украины применяется с учетом практики Европейского суда по правам человека». Закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве данной нормы важно для единства правоприменения. Еще одним отличительным моментом украинского УПК является создание нового для государства института – «следственный судья»², целью создания которого является в первую очередь обеспечение прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве на стадии досудебного расследования.

Признавая, уголовно-процессуальное законодательство Украины в области обеспечения права личности на уважение чести и достоинства в целом соответствующим требованиям международных стандартов, отмечаем, что, в связи настоящей политической обстановкой на Украине, вряд ли можно говорить о действенности данного законодательства в области соблюдения прав и свобод человека, об этом говорят статистические данные. Согласно годовому отчёту ЕСПЧ за 2016 год 18150 исков в ЕСПЧ было подано от украинских граждан, что составляет четверть от общего количества³. Справедливости ради необходимо отметить, что после Украины в списке по количеству жалоб лидирует и Россия.

В УПК Латвийской Республики⁴ и в УПК Литовской Республики⁵ принцип уважения чести и достоинства личности прямо не закреплен, но запрет на пытки и унижения содержится в кодексах. В Латвии обеспечению прав человека уделяется пристальное внимание и уголовно-процессуальный закон подвержен реформированию. В УПК Литвы закреплено, что уголовно-процессуальные нормы согласуются с законодательством Европейского Союза. В УПК Эстонии⁶ принцип уважения чести и достоинства личности не разделен с принципом неприкосновенности личности. Как видно уголовно-процессуальные законодательства Латвии, Литвы и Эстонии схожи, понятие рассматриваемого принципа достаточно узко, но они ориентированы на решения ЕСПЧ.

¹ Уголовно-Процессуальный Кодекс Республики Беларусь 295-3 от 16.07.1999 г. [Электронный ресурс] - Режим доступа: kodeksy-by.com.

² Уголовно-процессуальный кодекс Украины //Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР), 2013, № 9-10, № 11-12, № 13, ст.88, состояние на 2016 с изменениями, внесенными в соответствии с ВВР, 2016, № 11, ст.127//iuaj.net/node/1099.

³ Официальный сайт Европейского суда по правам человека - <http://www.echr.coe.int>

⁴ Уголовно-процессуальный закон Латвии. Закон, принятый Сеймом 21 апреля 2005 года и обнародованный Президентом государства 11 мая 2005 года (С изменениями, внесенными по состоянию на 28 сентября 2005 года) [Электронный ресурс] - Режим доступа: www.pravo.lv.

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Литовской Республики (УПК ЛР; лит. Lietuvos Respublikos baudžiamoji proceso kodeksas, LR BPK) — Действующий Уголовно-процессуальный кодекс был принят Сеймом Литвы 14 марта 2002 года. Вступил в силу 5 мая 2003 [Электронный ресурс] - Режим доступа: [twirpx.com>file/2063298](http://twirpx.com/file/2063298).

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Эстонии. Принят 12.02.2003. Дата вступления в законную силу 01.07.2004. По состоянию на 01.05.2015. Издатель: Рийгигогу. Пометка о публикации: RT I, 19.03.2015, 22. [Электронный ресурс] - Режим доступа: pravo.hse.ru>intrilaw.

В Таджикистане и Казахстане отсутствует независимый механизм расследования фактов пыток, расследование проводится сотрудниками служб собственной безопасности органов внутренних дел, которые являются частью одного и того же ведомства.

Уголовно-процессуальный закон Республики Армения более полно, чем другие УПК рассматриваемых государств, отражает положения принципа уважения чести и достоинства личности, точно отражая положения ст. 14 Модельного Уголовно-процессуального кодекса¹.

При анализе УПК Республики Молдова, вызывает интерес положение о бремени доказывания неприменения пыток, которое возлагается на учреждение, в котором содержится лицо. В российском законодательстве согласно Гражданскому кодексу бремя доказывания лежит на истце. Конечно, положение, зафиксированное в УПК Республики Молдова, более соответствует международным стандартам в области защиты прав человека. Законодательство Кыргызстана предусматривает компенсацию лишь в тех случаях, когда лицо, применявшее пытки, было привлечено к ответственности и осуждено в ходе уголовного судопроизводства, что противоречит международным стандартам, согласно которым государство обязано обеспечить выплату компенсации всем жертвам пыток независимо от установления личности преступника.

Таким образом, наиболее развитыми уголовно-процессуальными законами среди стран СНГ и Прибалтики следует признать УПК Азербайджанской Республики и УПК Республики Армения. УПК Туркменистана в области реализации принципа уважения чести достоинства личности также соответствует нормам международного права, но, несмотря на это, механизм обеспечения указанного принципа не работает и Туркменистан остаётся одним из самых закрытых и репрессированных государств в мире. Беларусь не является членом Совета Европы, поэтому юрисдикция Европейского суда по правам человека на неё не распространяется и граждане Республики не могут обратиться за защитой своих прав и свобод против Республики Беларусь, что, конечно, не лучшим образом отражается на соблюдении принципа уважения чести и достоинства личности.

Список использованных источников.

1. Устав Содружества Независимых Государств от 22 января 1993 года. Ратифицирован постановлением Верховного Совета РФ от 15 апреля 1993 года N 4799-1. Устав вступил в силу для России 20 июля 1993 года [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.kodeks.ru>.

2. Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств - участников СНГ (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ от 17 февраля 1996 г.) [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://base.garant.ru>.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 19.12.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 года № 907-IQ) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://online.zakon.kz/document>.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 сентября 1998 года № ЗР-248 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22.07.2014 г.) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://yurotdel.com/zakony/ugolovno-processualnyi>.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Грузии. URL: [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://pravo.org.ua/files>.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан утвержден Законом Республики Таджикистан №564 от 3 декабря 2009 года «О принятии и введении в действие уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан». г. Душанбе : [Электронный ресурс] - Режим доступа: refdb.ru/look/2726018-pall.html
7. Уголовно-процессуальный кодекс Украины //Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР), 2013, № 9-10, № 11-12, № 13, ст.88, состояние на 2016 с изменениями, внесенными в соответствии с ВВР, 2016, № 11, ст.127//iuaj.net/node/1099.
8. Уголовно-процессуальный закон Латвии. Закон, принятый Сеймом 21 апреля 2005 года и обнародованный Президентом государства 11 мая 2005 года [Электронный ресурс] - Режим доступа: www.pravo.lv.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Литовской Республики (УПК ЛР; лит. Lietuvos Respublikos baudžiamojo proceso kodeksas, LR BPK) — Действующий Уголовно-процессуальный кодекс был принят Сеймом Литвы 14 марта 2002 года. Вступил в силу 5 мая 2003 [Электронный ресурс] - Режим доступа: twirpx.com/file/2063298.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Эстонии. Принят 12.02.2003. Дата вступления в законную силу 01.07.2004. По состоянию на 01.05.2015. Издатель: Рийгикогу. Пометка о публикации: RT I, 19.03.2015, 22. [Электронный ресурс] - Режим доступа: pravo.hse.ru/intprilaw.
11. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 сентября 1998 года № ЗР-248 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22.07.2014 г.) [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://yurotdel.com/zakony/ugolovno-processualnyi>
12. Уголовно-Процессуальный Кодекс Республики Беларусь 295-3 от 16.07.1999 г. [Электронный ресурс] - Режим доступа: kodeksy-by.com.
13. Официальный сайт Европейского суда по правам человека - <http://www.echr.coe.int>

Бердиев Б.
магистрант

Российский университет дружбы народов

Актуальные проблемы защиты потерпевших в уголовном судопроизводстве Российской Федерации.

За последние годы суммарное количество зарегистрированных преступлений на территории Российской Федерации увеличилось в несколько раз. Если в 2013 году число зарегистрированных преступлений составило 2206249, то в 2015 их число увеличилось до 2388476, а за январь-март 2017 уже совершено полмиллиона преступлений. С каждым годом число потерпевших растет: статистика говорит о том, что практически каждый десятый гражданин России несвоевольно является жертвой преступлений и на основе уголовно-процессуального законодательства получает статус «потерпевшего».¹

Регулярно проводимые общественные опросы общественного мнения говорят о том, что около половины лиц, которые так или иначе получили ущерб от разных видов преступлений, отказываются от обращения в правоохранительные

¹ <https://мвд.пф>

органы, убежденные в том, что должной защиты им обеспечить не смогут. Также официальная статистика подтверждает тот факт, что четверть потерпевших отказалась от дачи показаний во время судебного разбирательства без указанных причин, в связи с постоянными угрозами в сторону жертвы, его семьи и близких.

В международном праве закреплены обязанности государств следовать и предусматривать меры по обеспечению безопасности потерпевших во время их участия в судебном процессе на национальном уровне.

На протяжении многих десятилетий поднимается вопрос о надлежащем качестве защиты прав потерпевших, как на международном так и на государственных уровнях. Еще в 1985 году, в одном из докладов Организации Объединенных Наций (далее ООН) говорилось, что зачастую положения национального законодательства не полностью соответствуют международным нормам, которые в свою очередь устанавливают определенный порядок по защите достоинств и прав потерпевшего.¹

Так же в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступления и злоупотребления властью 1985 года, в пунктах 6 и 11 содержатся призывы к государствам по обеспечению всех необходимых законных действий по охране личной жизни, здоровья, гарантий безопасности, включающей безопасность членов семьи и иных свидетелей преступления, обезопасить от мести, угроз и запугивания со стороны обвиняемого и его сообщников. Несмотря на то что, Декларация касается преступлений злоупотребления властью, указанные выше пункты должны охватывать все преступления и обеспечивать надлежащий порядок прав потерпевших, крайне необходимых в делах, участником которых является «авторитетный» криминал.²

Согласно Венской Декларации о преступности и правосудии, государствам были даны рекомендации по выработке региональных, национальных и международных планов действий по созданию специализированных фондов поддержки по полному или частичному финансированию всех необходимых мер для защиты потерпевшего и его семьи, органами государственной власти. Данные меры говорили о том, что как правительственные, так и не правительственные международные организации поэтапно переходят к внедрению конкретных механизмов для гарантии безопасности и эффективности защиты прав потерпевшего.³

В Федеральном Законе Российской Федерации "О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства" говорится о защите прав потерпевших в судебном уголовном разбирательстве. В нем закреплены все виды и принципы осуществления защиты потерпевших со стороны законодательства, которые включает в себя алгоритм действий по обеспечению безопасности и социальной поддержки, а также ответственные за данный процесс органы.

Согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 27 июня 2006 года № 630 разработаны правила обеспечения конкретных способов безопасности к потерпевшему, свидетелям и иным участникам разбирательства. Приложение данного акта устанавливает избрание меры безопасности, его изменение и дополнение, в отношении защищаемого, а так же деперсонификацию его сведений.⁴

Также постановлением Правительства РФ от 3 марта 2007 года № 134 утверждены правила по защите самой информации об обеспечении

¹ <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/483/73/IMG/NR048373.pdf?OpenElement>

² http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml

³ http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/vendec.shtml

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 27.10.06 № 630

государственно-защитной функции, включающее основания для защиты информации, и порядок способов их реализации органами власти, для максимизации конфиденциальности.¹

Несмотря на наличие очень объемной нормативной базы, уровень эффективности государственной защиты потерпевших до сих пор низкий и должным образом не соответствует требованиям практики.

Более того, важно отметить, что сотрудники правоохранительных органов очень редко применяют такие способы защиты охраняемых лиц, как посуточная охрана жилища или личная охрана, выдача средств моментальной связи для оповещения о вероятной опасности потерпевшего, вероятное изменение мест обучения, работы и другое.

Так же, важно отметить, что список объектов защиты, согласно законодательству, является неполным. Посягательство на достоинства и честь защищаемых лиц так же является противоправным действием. Воздействовать на потерпевшего можно разными формами давления, не содержащие в себе формально состава противоправных деяний. Так, например, фотографирование и преследование потерпевших на улице, в общественных местах или появление людей с подозрительной внешностью и слежка с неизвестного автомобиля рядом с домом тоже может являться негативным и пагубным воздействием.

Проанализировав проблему защиты прав потерпевших и его законных интересов в собственной безопасности, автор пришел к выводу, что деятельность ученых, специалистов и законодателей по улучшению и оптимизации уже существующих на данный момент средств защиты потерпевших, должна иметь исключительно системный характер и осуществляться в следующих направлениях:

1. В первую очередь, максимальное вовлечение общественных институтов для наиболее эффективного усовершенствования мер защиты в отношении потерпевших; Речь идёт в первую очередь о таких общественных институтах как институт порядка и безопасности, и институт семьи.
2. Анализ и изучение правоприменительной практики расследования преступлений, в которых прослеживалось воздействие на потерпевшего, для дальнейшего совершенствования научных положений о мерах противодействия противоправным действиям;
3. Принятие мер и разработка средств и методов организационно-правового порядка, такие как: создание комиссии, регулирующая работу правоохранительных органов в отношении защиты участников уголовного процесса; Комиссия должна быть относительно независимой, выполнять свойственные только ему задачи и функции, но при этом тесно содействовать с иными органами государственной власти.
4. Выработка предложений по усовершенствованию уголовно-процессуального законодательства России для более надежной и эффективной защиты интересов, прав и безопасности потерпевшего, путём заимствования наиболее оптимальных норм из международного опыта и практики (США, Италия и т.д.).
5. Вовлечение специалистов в области психологии и психиатрии, прежде всего для помощи жертве в борьбе с паникой и страхами, нервными навязчивыми состояниями, психологическим перегрузками или

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 03.03.07 № 134

эмоциональным возбуждением, возникшими в ходе негативного психологического воздействия на потерпевшего.

Применение на практике данных направлений по улучшению системы защиты потерпевшего, которые не имеют ограничений и могут включать неисчисляемое количество методов и мер, позволят в ходе расследования трезво и адекватно расценивать положение жертвы и тяжесть противоправных действий, и обеспечивать полную гарантию безопасности от посягательств со стороны осужденного, обвиняемого или подозреваемого.

Петрова Э.И.

магистрант

Российского университета дружбы народов

Соглашение о сотрудничестве и сделка о признании вины (сравнительный анализ в уголовном процессе Российской Федерации и США).

Институт заключения различных видов сделок в уголовном процессе приносит неплохие результаты в раскрытии преступлений и существует в США, Канаде, Великобритании, Франции, других западных странах. Но в отличие от зарубежных аналогов, главная цель которых - признание вины, достижение согласия в части квалификации и размеров наказания (предусмотренных, в частности в законодательстве США, Испании, Италии ФРГ), цель введения института досудебного соглашения о сотрудничестве в России - стимулирование положительных посткриминальных поступков, в том числе усиление борьбы с организованной преступностью и коррупционными преступлениями. И с этой точки зрения по своему социально-правовому назначению институт соглашения о сотрудничестве в определенном смысле совпадает с институтом деятельного раскаяния.

Согласно законодательстве России досудебное соглашение о сотрудничестве - соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения.¹

Свои корни российский институт досудебного соглашения о сотрудничестве берет из англо-саксонской правовой семьи, а именно «plea bargaining», plea agreement (pleadeal) или «cooperation agreement».

Ниже приводится дискуссия о том, что общего у досудебного соглашения о сотрудничестве и сделки о признании вины, почему мы переняли зарубежный опыт, рассмотрим различные виды сделок о признании вины, а также ответственность обвиняемого за нарушение условий сделки о признании вины в США.

Сделки о признании вины являются чрезвычайно распространенным явлением в американской правовой системе, на которые приходится примерно 94% всех уголовных дел. Многие штаты, однако, не допускают сделки о признании вины, считая их неэтичными и аморальными (Аляска, Новый Орлеан, графство Вентруа (Калифорния) и графство Окленд (Мичиган)). В то время как в

¹ ст. 5, "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 03.07.2016)

России этот институт только начал свое развитие и не так распространен, как в других странах.

Источниками института сделки о признании вины в США, содержатся в разделе 11 Федеральных правил уголовного судопроизводства, а также в решениях Верховного суда США по делам «штат Северная Каролина против Альфорда» (1970 г.), «Сантобелло против штата Нью-Йорк» (1971 г.), «Риккетса против Адамсона» (1987 г.), «Борденкичер против Хайес» (1978 г.).

В США сделки о признании вины являются соглашения по уголовному делу между прокурором и обвиняемым, в соответствии с которым обвинитель предлагает обвиняемому признать свою вину в инкриминированном деянии в обмен на снижение размера наказания либо переквалификацию преступления на менее тяжкое.

В то время как досудебное соглашение о сотрудничестве - это двухсторонний уголовно-процессуальный договор, заключенный между сторонами обвинения и защиты, предметом которого являются обязательства выполнения подозреваемым определенных действий, способствующих раскрытию и расследованию преступлений, взамен по усмотрению суда на применения в отношении него особого порядка судебного разбирательства и сокращения уголовного наказания.

Главная обоснования сделки о признании вины заключаются в том, что:

- суды переполнены.
- прокуратура также перегружена; чем больше обвиняемые будут заключать сделки, тем эффективнее прокурор расследует более серьезные дела.
- подсудимые смогут сэкономить время и деньги без рассмотрения дела в суде. Судебное разбирательство очень долгий и дорогостоящий процесс.

В российской институте досудебного соглашения о сотрудничестве главной же задачей является сотрудничество при расследовании преступлений в целях установления всех обстоятельств дела, а также изобличение всех виновных в совершении преступлении.

Эти главные положительные обоснования института сделки о признании вины, которые приносят пользу соответствующим участникам процесса: суда, прокурора и обвиняемого, но не для общества и для справедливого решения дела для жертвы преступления и потерпевших. Это и бросило вызов системе сделки о признании вины. Таким образом, существует спор о пользе и вреде сделки о признании вины, так как обладает рядом моральных, этических и конституционных проблем.

Рассматривая исследования в других областях, например, "дилеммой заключенного" показало, что подозреваемые имеют все основания, чтобы согласиться на сделку, которая не отражает его виновность или невиновность, из страхов и опасений, либо в целях лжесвидетельствования, таким образом перекладывая с себя вину на другого. Несмотря на эти опасения сделки о признании вины, продолжают оставаться основным компонентом американской правовой системы.

В зависимости от обязательств, принимаемых стороной защиты, следующие типы соглашений:

- 1) о признании собственной вины (guilty plea):
 - regularly guilty plea («обыкновенное» признание вины). В этом случае обвиняемый лишается права обжаловать приговор, равно как оспаривать установленные судом обстоятельства при рассмотрении дела гражданских исков по любым основаниям, кроме процессуальных нарушений;
 - nolo contendere plea либо no contest plea («не признаю, но не оспариваю»). Строго юридически означает непризнание обвиняемым своей вины, однако, ввиду

обязательства обвиняемого не возражать против назначения ему наказания по предъявленному обвинению судом первой инстанции, приравнивается к признанию вины. В отличие от первого не лишает обвиняемого права на обжалование приговора, а также не лишает права оспаривать установленные судом обстоятельства при рассмотрении вытекающих из приговора гражданских исков.

– *alford plea* – можно сформулировать как «признаю, но оспариваю». Означает признание вины с одновременным сохранением права обвиняемого оспаривать обвинение по существу, как в суде первой инстанции, так и в порядке апелляции.¹

Существует также другие формы сделки о признании вины:

1. Простой вид при котором при ведении переговоров обвиняемый соглашается признать себя виновным в меньшем преступлении, при условии оказания содействия расследованию. Является наиболее распространенной формой сделки о признании вины. Типичным примером будет признание в непредумышленном убийстве вместо убийства.

2. Заключение сделки с ведением переговоров с обвинением, когда обвиняемый соглашается признать себя виновным и уплачивает указанную сумму в обмен на более мягкое наказание. Как правило, это дело должны быть рассмотрено судьей, но во многих юрисдикциях это запрещено. заключаются гораздо реже и более жестко контролируется

3. Сделка о признании вины в случае если ответчик обязуется придерживаться определенных фактов для того, чтобы предотвратить раскрытие других фактов, которые могут быть представлены в качестве доказательств. Это наименее распространенная форма сделки о признании вины и многие суды не разрешают это, и вообще, большинство адвокатов не пользуются этим видом сделки.

Также не редки случаи, когда предложение о заключении сделки о признании вины исходит от судьи, он сообщает подсудимому, что приговор он получит, если подсудимый признает себя виновным – подсудимый решает принимать или отклонить сделку.

В российском же законодательстве нет видов и форм досудебного соглашения о сотрудничестве, как в США.

Ответственность за неисполнение соглашения о сотрудничестве или сделки о признании вины одинаковая и заключается в том, что в случае неисполнения соглашения, либо сделки она расторгается.

Таким образом применения в законодательстве Российской Федерации опыта зарубежных стран в процессе противодействия и минимизации уровня преступности, а именно сделки о признании вины, дало положительный результаты. В свою очередь применение иностранных правовых институтов должно осуществляться с учетом российских реалий. Безусловно, они должны модифицироваться и приспособливаться к условиям российской действительности и соответствовать нормам российского права. Принятие Федерального закона № 141-ФЗ от 29 июня 2009 года и введение в российское право нового межотраслевого института досудебного соглашения о сотрудничестве являются показателем положительной динамики в вопросе развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства и, главное - поиска новых методов выявления, раскрытия и предупреждения совершения новых преступлений.

¹ А.А. Иванов. Правовое регулирование института сделок о признании вины в США// Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2012, № 2 (1), с. 282–286

Учитывая, что «сделки о признании вины», в США применяются 94% случаев можно говорить о наработанной практике и выявленных ряда проблем американского института.

И исходя из их содержания и правовой сути, фактически связаны с отказом государства от установления объективной истины в уголовном процессе, указанное положение является принципиальным отличием американской «сделки с правосудием» от российского досудебного соглашения о сотрудничестве, где такой отказ от обвинения не возможен ни при каком условии. Кроме того, действия, которые должен выполнить обвиняемый по такому соглашению, и те уступки, на которые готово пойти государство, установлены законом.

Российский институт досудебного соглашения о сотрудничестве близок по духу со схожими с европейским вариантом «сделок о согласии с обвинением» нежели со «сделкой о признании вины» в США. Так как правовые семьи континентального и англосаксонского права имеют различные позиции касательно признания вины.

Положительным необходимо признать факт применения в законодательстве Российской Федерации опыта зарубежных стран в процессе противодействия и минимизации уровня преступности. Право должно формироваться так, чтобы обеспечивать все потребности общества, и в этом огромное значение может сыграть такого рода заимствование. Однако это не означает, что иностранные правовые институты и нормы должны перенимать без осмысления. Они должны модифицировать и приспособляться к условиям российской действительности и соответствовать нормам российского права. Принятие Федерального закона от 29 июня 2009 года № 141-ФЗ и введение в российское право нового межотраслевого института досудебного соглашения о сотрудничестве являются показанием положительной динамики в вопросе развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства и главное – поиска новых методов выявления, раскрытия и предупреждения совершения новых преступлений.

Список использованных источников.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Федеральный закон от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ (ред. от 04.03.2013). – Новосибирск, 2013. – 256 с.
2. Федеральные правила уголовного процесса в судах США // Сборник ассоциаций американских юристов-адвокатов // Законодательная инициатива для Центральной и Восточной Европы. 2000. С. 15; “Federal Criminal Code and Rules” Federal Rules of Criminal Procedure (amendment received to January 6, 1997), West Group, St. Paul, Minn, 1997.
3. Махов В. Сделка о признании вины // Российская юстиция. 1998. № 7. С. 17.
4. А.А. Иванов. Правовое регулирование института сделок о признании вины в США// Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2012, № 2 (1), с. 282–286

О некоторых проблемах, возникающих во время ознакомления обвиняемого и защитника с материалами уголовного дела по окончанию предварительного следствия.

В современном уголовно-процессуальном законодательстве существуют множество пробелов на этапе предварительного следствия, которые ставят сторону обвинения, а также сторону защиты в «подвешенное состояние», то есть некую неопределенность. В особенности на этапе ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела, эти проблемы наиболее очевидны.

Так, например, при ознакомлении обвиняемого и защитника с многотомными материалами уголовного дела, а также в случаях, где по делу привлекается несколько обвиняемых, составляется график ознакомления с материалами уголовного дела, который впоследствии приобщается к протоколу ознакомления с материалами уголовного дела обвиняемого и защитника.

Ранее существовал бланк графика ознакомления обвиняемого и его защитника в порядке ст.216-218 УПК РФ с материалами уголовного дела, закрепленный в приложении 149 статьи 476 УПК РФ. В графике указывались дата ознакомления, время ознакомления, листы и тома уголовных дел с которыми ознакомился обвиняемый и его защитник, а также подписи лица, которое ознакомилось с материалами уголовного дела и подпись следователя. Однако согласно Федеральному закону от 05.06.2007 № 87-ФЗ¹ часть первая, третья и четвертая статьи 474, статья 475 главы 56, а также глава 57 УПК РФ, утратили силу.

Нынешний УПК РФ в редакции от 17.04.2017 не предусматривает никакой установленной формы графиков ознакомления с материалами уголовного дела, к тому же инструкция по делопроизводству Следственного комитета РФ² аналогично никак не регламентирует вопрос составления графика ознакомления с материалами уголовного дела. Выходит, что графики составляемые следователями носят свободную форму. Возникают вопросы: почему сложилась практика использования графика ознакомления с материалами уголовного дела?

В действительности же, график ознакомления с материалами уголовного дела полезен не только стороне обвинения, но также и стороне защиты.

Хотя существует мнение, что график является рабочим документом следователя, а обвиняемый или защитник не обязаны его подписывать.³ Такая позиция мотивируется тем, что именно следователь заинтересован в фиксации хода ознакомления с материалами уголовного дела, если обвиняемый и его защитник, приступившие к ознакомлению с материалами уголовного дела, явно затягивают время ознакомления с указанными материалами, то на основании судебного решения, принимаемого в порядке, установленном статьей 125 УПК РФ, устанавливается определенный срок для ознакомления с материалами

¹ Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ (ред. от 22.12.2014) "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации"

² Приказ СК России от 18.07.2012 № 40 "Об утверждении Инструкции по делопроизводству Следственного комитета Российской Федерации"

³ Смоленский М. Б. Адвокатская деятельность и адвокатура Российской Федерации. Ростов: «Феникс», 2004. С.-117.

уголовного дела. Следователю требуется мотивировать факт злоупотребления обвиняемым и защитником права на неограниченное по времени ознакомление с материалами уголовного дела при подаче ходатайства в суд об установлении срока для ознакомления с материалами уголовного дела.

С другой стороны, обвиняемый и его защитник часто придерживаются тактики затягивания процесса ознакомления с материалами уголовного дела по причинам: 1) сложности доказывания факта злоупотребления своими правами; 2) неясности перспективы уголовного дела на стадии судебного разбирательства ввиду неопытности следователя;¹ 3) давления на следствие со стороны адвоката, заключающееся в привлечении «связей», в целях психологического воздействия, вплоть до физического устранения; 4) противоборства стороны обвинения и стороны защиты на этапе предварительного следствия, которое выходит за рамки правового поля из-за незначительных ошибок или злоупотреблений правами как следователем так и адвокатом. В таком случае стороны идут на некий компромисс, чтобы пресечь дальнейшие злоупотребления, например, с целью изменения меры пресечения, переквалификации преступления.²

В Конституционный суд РФ подавалась жалоба на нарушение конституционных прав частью 3 статьи 217 УПК РФ. Заявитель в своих жалобах ссылался на отсутствие в части третьей статьи 217 УПК РФ определения понятия «явное затягивание времени ознакомления с материалами уголовного дела». Какие основания позволяют суду решать вопрос об установлении обвиняемому и его защитнику срока на ознакомление с материалами уголовного дела, которые в итоге нарушают права, гарантированные статьями 19 (часть 1), 45, 46 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.³

Конституционный Суд Российской Федерации, изучив представленные материалы, не нашел оснований для принятия данной жалобы к рассмотрению и отказал в принятии данной жалобы, с формулировкой о не соответствии требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой. Положения части 3 статьи 217 Уголовно-процессуального кодекса РФ, рассматриваемые в единстве с положениями части 4 статьи 7 данного Кодекса, закрепляющей требование о законности, обоснованности и мотивированности судебных решений, обязывают суд при установлении срока для ознакомления с материалами уголовного дела приводить фактическое и правовое обоснование такому решению, которое в целях обеспечения объективности и справедливости во всяком случае должно быть мотивировано ссылками на конкретные обстоятельства, а также на нормы материального и процессуального права.

Как показывает практика, судьи лояльно относятся к составляемым следователями графикам, которые позволяют оценить ход ознакомления с материалами уголовного дела. Судье необходимо все обстоятельства, в соответствии со своим субъективным мнением. В данном документе отмечается факт того с какими томами и с какого по какой лист ознакомился обвиняемый или его защитник, а также обстоятельство отказа от ознакомления по той или иной причине. При большом количестве томов, в графике прописываются какие именно

¹ Твердова Е.В. Незаконное противодействие расследованию со стороны отдельных адвокатов Журнал: Российский следователь. 2007. № 9. С. 35.

² Игнатьев А. Н. Ознакомление стороны защиты с материалами уголовного дела: как гарантировать реализацию права и пресечь злоупотребления? Журнал «Адвокатская практика», 2012. - № 5. С. 8 - 12

³ Определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2009 г. N 978-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Васильева Михаила Владимировича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"

тома материалов уголовного дела были предоставлены обвиняемому или защитнику для ознакомления, временной промежуток от начала до завершения ознакомления, которое подтверждается подписью следователя, либо с подписью должностного лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в соответствии с поручением руководителя следственной группы, если была создана следственная группа.

Зачастую обвиняемый отказывается подписывать график ознакомления с материалами уголовного дела, тем самым лишая себя возможности делать записи о каких-либо ошибках или нарушениях при ознакомлении. Свободная форма графика никак не ограничивает объем этих замечаний обвиняемого, в результате чего вместо пресловутого одного листа А4, график становится многостраничным. Опытные адвокаты отмечают все недочеты, а затем ссылаются на эти графики в своих жалобах.

Обязан ли обвиняемый подписывать график ознакомления? Данный вопрос никак не регламентирован в УПК РФ. На практике следователь ставит отметку об отказе и заверяет своей подписью. Но встречаются случаи, когда следователи привлекают понятных, а если обвиняемый находится в СИЗО, то заверяют подписью дежурного по СИЗО.

Следующий немаловажный вопрос сопряжен с объемом ознакомления материалов уголовного дела. Если уголовное дело состоит из нескольких десятков или сотен томов, а по делу проходят несколько обвиняемых, то сам процесс ознакомления может затянуться на очень длительный период.

Так 07.04.2016 на рассмотрение Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации года депутатом Государственной Думы Михеевым О.Л. был внесен проект федерального закона N 1039309-6 "О внесении изменения в статью 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации". Предполагалось внести в статью 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации следующее изменение:

1) в части 3 после слов "устанавливается определенный срок для ознакомления с материалами уголовного дела" дополнить словами ", который не может быть менее срока, установленного из расчета ознакомления с 50 страницами уголовного дела за 8 часов времени, предоставленного для ознакомления."

Проект был рассмотрен 06.06.2016 Советом ГД ФС РФ.¹ Но был отклонен 09.12.2016 Государственной Думой ФС РФ.²

Согласно заключению Правового управления Аппарата ГД ФС РФ³ было отмечено, что данная норма была неоднократно предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации (определения КС РФ от 16 июля 2009 года № 978-О-О, 19 октября 2010 года № 1379-О-О, 29 сентября 2011 года № 1211-О-О). Заключение ПУ Аппарата ГД ФС РФ мотивировалось тем, что «материалы уголовного дела содержат документы различного объема и процессуального значения, особенно по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики. Такие документы, как копии платежных поручений, накладных и т.п. могут занимать несколько томов, при этом их содержание может не входить в содержание обвинения, предъявленного каждому из общего числа лиц, привлеченных в качестве обвиняемых по уголовному делу.», а «предлагаемое

¹ Выписка из протокола заседания Совета ГД ФС РФ от 06.06.2016 N 307 О проекте федерального закона N 1039309-6 "О внесении изменения в статью 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"

² Постановление ГД ФС РФ от 09.12.2016 № 465-7 ГД "О проекте федерального закона N 1039309-6 "О внесении изменения в статью 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"

³ Заключение ПУ Аппарата ГД ФС РФ "По проекту федерального закона № 1039309-6 "О внесении изменения в статью 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"

проектом минимальное количество страниц уголовного дела, предъявляемых обвиняемому для ознакомления, в этих случаях повлечет существенное затягивание процесса ознакомления обвиняемого и защитника со всеми материалами уголовного дела.»

Заключение Комитета по государственному строительству и законодательству также носило негативный характер.¹ Было установлено, что «Отсутствие в статье 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации конкретного срока, в течение которого осуществляется ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела, обусловлено различной сложностью уголовных дел, их объемом, обстоятельствами непреодолимой силы».

Подводя итог, следует отметить необходимость правового регулирования Уголовно-процессуальным кодексом РФ рассмотренных вопросов при ознакомлении с материалами уголовного дела обвиняемым и защитником, дабы исключить произвольное толкование или злоупотребления со стороны защиты и обвинения.

Список использованных источников.

1. Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ (ред. от 22.12.2014) "О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации"

2. Определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2009 г. № 978-О-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Васильева Михаила Владимировича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"

3. Приказ СК России от 18.07.2012 № 40 "Об утверждении Инструкции по делопроизводству Следственного комитета Российской Федерации"

4. Выписка из протокола заседания Совета ГД ФС РФ от 06.06.2016 N 307 О проекте федерального закона № 1039309-6 "О внесении изменения в статью 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"

5. Постановление ГД ФС РФ от 09.12.2016 N 465-7 ГД "О проекте федерального закона № 1039309-6 "О внесении изменения в статью 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"

6. Заключение ПУ Аппарата ГД ФС РФ "По проекту федерального закона N 1039309-6 "О внесении изменения в статью 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"

7. Заключение Комитета по государственному строительству и законодательству "По проекту федерального закона № 1039309-6 "О внесении изменения в статью 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"

8. Игнатъев А. Н. Ознакомление стороны защиты с материалами уголовного дела: как гарантировать реализацию права и пресечь злоупотребления? Журнал «Адвокатская практика, 2012. - № 5. С. 8 - 12

9. Смоленский М. Б. Адвокатская деятельность и адвокатура Российской Федерации. Ростов: «Феникс», 2004. С.-117.

10. Твердова Е.В. Незаконное противодействие расследованию со стороны отдельных адвокатов Журнал: Российский следователь. 2007. № 9. С. 35.

¹ Заключение Комитета по государственному строительству и законодательству "По проекту федерального закона № 1039309-6 "О внесении изменения в статью 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации"

Признаки понятия уголовно-процессуальных доказательств в Туркменистане и Российской Федерации.

В соответствии с ч. 1 ст. 88 УПК РФ¹ и ст. 136 УПК Туркменистана с точки зрения относимости, допустимости, достоверности подлежит оценке каждое доказательство, а собранные все доказательства в совокупности представляют достаточности для разрешения уголовного дела. Иными словами, любое доказательство в соответствии с законом должно обладать совокупностью присущих ему уникальных признаков, для того, чтобы являться надлежащим инструментом уголовно-процессуального доказывания.²

Признак относимости доказательства отражает объективно существующую, между содержащимися в доказательстве сведениями об обстоятельствах преступления определенную связь и самими этими обстоятельствами. Таким образом, на установление конкретного обстоятельства преступления, подлежащего установлению в соответствии с законом относимость доказательства представляет его прямую направленность. Свойство относимости характеризует содержательную часть доказательства.

Допустимость, как юридическое свойство характеризует доказательство соответствующим процессуальному порядку и условию получения сведений исследуемого преступного события об обстоятельствах, по всем требованиям закона. Только надлежащим субъектом доказывания должно быть получено доказательство, из источника предусмотренного законом, посредством законного процессуального действия и с обязательным соблюдением установленного порядка и процедуры процессуального оформления данного действия.

Согласно с ч. 1 ст. и 75 ч. 3 ст. 7 УПК ст. 125 УПК Туркменистана недопустимыми являются полученные с нарушением требований уголовно-процессуального закона доказательства. Недопустимые доказательства не могут быть положены в основу обвинения и не обладают юридической силой, а также использоваться, чтобы доказывать обстоятельства по уголовному делу. Таким образом, это значит, например, что показания не будут иметь доказательственного значения полностью соответствующие реальному событию его очевидца, если с нарушением установленных правил составлен протокол допроса (не разъяснены свидетелю его права, посредством угроз и насилия получены показания либо при помощи наводящих вопросов и др.). Признак допустимости доказательство характеризует исходя из его процессуальной формы.

Сведения о расследуемом преступлении реальной действительности содержащихся в доказательстве означает объективное соответствие достоверности. С точки зрения его содержательной стороны наряду с относимостью данное свойство раскрывает сущность доказательства. Показания свидетеля-очевидца, в приведенном примере не приобретут доказательственное значение, если в протоколе допроса, который правильно составлен отражается информация, не относящуюся к данному уголовному делу или не являющуюся достоверной.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. 17.04.2017),

² Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана от 01.06.2009 года.

Согласно с ч. 2 ст. 17 УПК РФ и ст. 136 УПК Туркменистана доказательства не имеют заранее установленной силы. Это означает, что определенная сила присуща каждому доказательству, т. е. возможность устанавливать с той или иной степенью убедительности различные обстоятельства преступления. Таким образом, обвинительное прямое вещественное доказательство, например, видеозапись обвиняемого, которая была сделана в момент совершения преступления в учреждении банка, более убедительно выглядит по своей сути, чем его утверждения о своем алиби.

Составляющих содержание доказательства разнообразный уровень конкретизации фактических сведений, в нем еще можно утверждать о наличии одного юридического свойства, которое позволяет назвать доказательностью. Если в ходе судебного разбирательства или предварительного расследования полученные сведения способны хотя бы с небольшой степенью устанавливать конкретные обстоятельства по уголовному делу или хотя бы отдельные их стороны, то эта способность при соблюдении прочих условий становится одним из признаков доказательства.

В соответствии со статьей 87 УПК РФ, проверяемым должно быть любое доказательство. Означает это, что субъект доказывания сопоставляет его с имеющимися в уголовном деле другими доказательствами, а также определяет их источники. Случай невозможности проверки достоверности, относимости, доказательности или допустимости, которые имеются в фактических данных об обстоятельствах преступления, свидетельствует о недоброкачественном доказательстве и из общей совокупности доказательств, требует его исключения. Доказательством, например, не может быть, полученное заключение эксперта в результате применения методики исследования, которую нельзя воспроизвести, или если в итоге ее производства для сравнительного исследования потеряны уникальные образцы. Также не допускается признавать доказательственными показания единственного свидетеля, которые нельзя сравнить с иными доказательствами по уголовному делу. О других подобных доказательствах следует сказать то же самое и, за исключением, свидетельствующих о невиновности обвиняемого. Согласно принципу презумпции невиновности, в виновности обвиняемого должны все неустранимые сомнения толковаться в пользу виновного, а на предположениях не может быть основан обвинительный приговор.

По уголовному делу юридическими признаками (свойствами) доказательства таким образом являются: допустимость, относимость, достоверность, доказательность.

С учетом изложенных признаков все доказательства должны оцениваться и проверяться. Совокупность всех проверенных и собранных доказательств, для разбирательства уголовного дела по существу также оценивается со стороны достаточности или принятия отдельных процессуальных решений. Достаточность представляет собой признак совокупности доказательств, а не отдельно взятого какого-либо доказательства.

Комплексно исследуются все юридические свойства доказательства, не отрывая и не изолируя, друг от друга. В случае, если хотя бы отсутствует одно свойство, то юридически ничтожными должны признаваться полученные сведения об обстоятельствах уголовного дела, которые не имеют никакого доказательственного значения.

Относимость уголовно-судебного доказательства выражается в том, что содержащаяся в доказательстве информация носит уголовно-релевантный характер, и это свидетельствует с исследуемыми по делу фактами, о наличии объективной связи полученных сведений и обстоятельствами. Такое понимание

по сути этого признака полностью вытекает из выше приведенной самой законодательной конструкции доказательства как сведений, определяющих отсутствие или наличие обстоятельств, которые подлежат доказыванию при производстве по уголовному делу, также имеющих значение для уголовного дела иных обстоятельств. Доказательство другими словами являются не только любые сведения охваченные в соответствующую процессуальную форму, но сведения, лишь относящиеся, имеющие значение для установления указанных обстоятельств, к этому процессу сведения относимые.

Если говорить об этом свойстве доказательства, в таком случае следует внимание обратить на его определенную диалектичность. Этот признак с одной стороны является объективным, а с другой к началу расследования имеющихся в распоряжении следователя ряд сведений, им охваченных в форму доказательств, в надлежащую процессуальную форму, в последующем свойство относимости к делу вполне могут утратить. Для доказательств особенно характерно, версии следователя которые сформированы в ходе проверки следователем о причастности тех или иных лиц к совершению преступления, в результате расследования участие которых в преступлении не подтвердилось, либо опровергнуто однозначно.

В обоснование своего итогового решения по делу ни следователь, ни суд, который рассматривает уголовное дело в дальнейшем, к ним обращаться не будут, с точки зрения их формирования и соблюдения процессуальной формы при данные доказательства для них утратили свойство относимости к делу, по своему содержанию продолжая оставаться безупречными и содержащимся в них сведениям для дальнейшего доказывания по уголовному делу не используются, для того не востребуются, они утратили признак относимости.

Вместе с тем, если принятые по делу решения субъектами доказывания в надлежащем порядке будут отменены, в таком случае не исключено, что эти доказательства вновь могут приобрести значение относимых.

По данному поводу, например, пишет Трухачев В.В.: «Если полученная доказательственная информация хотя бы в порядке и из источников, предусмотренных законом, является необъективной, то есть противоречащая совокупности информации, которой по делу установлена достоверность она не может рассматриваться в качестве доказательства»

В этой связи Смирнов А.В. пишет: «не является необходимым признаком доказательства достоверность указанных сведений; они еще подлежат исследованию и проверке судом и сторонами также могут быть иначе оценены ..., Вывод о достоверности этих сведений как правило может быть лишь сделан при итоговой оценке определенной совокупности доказательств».

Многие другие специалисты в области судебного доказывания придерживаются данной точки зрения.

Победкин А.В. полагает, что признание за сведением о факте наличия свойств относимости и допустимости свидетельствует о возможности оценки на достоверность этого сведения.¹

По мнению Рубиса А.С.: «Доказательством нельзя считать только достоверные знания о событиях реальной действительности, так как должна быть предварительно доказана их достоверность», затем автор верно замечает: «В то же время средства, посредством которых она может быть установлена, не могут быть ничем иным, как доказательствами по уголовному делу», таким образом «доказательствами считаются сведения о фактах, независимо от того,

¹ Турашев Е.Н. Относимость уголовно - процессуальных доказательств. Право и государство. 2011. № 3 (52). С. 167-175.

достоверны они или нет полученные в установленном законом порядке и имеющие логическую связь с предметом доказывания».

В сути своей и с уголовно-процессуальными доказательствами также обстоит дело. Достоверность всех из них, другими словами, по конкретному делу проверяется качество сформированного доказательства, исследуется, оценивается каждым субъектом доказывания, в соответствии со ст. 87 УПК РФ, «посредством сопоставления их с другими доказательствами, существующие в уголовном деле, а также определения их источников, получения других доказательств, которые подтверждают или опровергают исследуемое доказательство». Чем доказательство более убедительно опровергает или подтверждает исследуемое обстоятельство или факт по делу, тем выше и лучшего его качество. В теории, и в практике доказывания именно с этих позиций оценивается, значимость производных, прямых, косвенных, личных и вещественных доказательств. Видение субъекта доказывания — достоверных, показаний о совершении вменяемого ему преступления, свидетели изменяют ранее данные свои показания, а в ряде случаев и потерпевшие, например потерпевший, впоследствии начнет утверждать, что при опознании им подозреваемого он допустил ошибку.

В соответствии со статьей 17 УПК РФ Субъект доказывания оценивает характер всей системы относимых и допустимых доказательств в им принимаемом итоговом процессуальном решении «по своему внутреннему убеждению, основанному на множественности имеющихся доказательств в уголовном деле, при этом руководствуясь законом и совестью.

Вместе с тем качество всей системы допустимых и относимых доказательств и каждого доказательства может быть оценено различно представителями состязаемыми сторонами в уголовном процессе, в результате своих профессиональных и личных в нем интересов. Далеко не исключено при этом возникновение споров между представителями одной стороны в данном отношении, например оценив качество исследованных в суде доказательств, прокурор пришел к решению о необходимости частичного или полного отказа от поддержания государственного обвинения; с этой позицией потерпевший принципиально не согласен и т.п.

В конечном счете, основываясь на этих же принципах, качество всех доказательств и доказывания в обвинительном приговоре, в общем оценивается судом или оправдательном приговоре, вступившим в законную силу. Или как законная мера в решении судьи о возврате прокурору уголовного дела для устранения препятствий для его рассмотрения судом.

Сказанного из всего выше о сущности уголовно-процессуального доказательства и его обязательных признаках и качестве самого доказательства следуют такие важно принципиальные выводы: первое - в уголовном деле доказательствами являются сведения, которые были получены из надлежащего источника, в соответствующую процессуальную форму облеченные сведения, которые устанавливают наличие обстоятельств, при производстве по нему подлежащих доказыванию, а также других обстоятельств, имеющих для уголовного дела значение; второе – для того, чтобы в процессе доказывания по уголовному делу исключить возможность использования сформированного доказательства достаточно его лишить одного из выше указанных; третье – для того чтобы придать информации значимость уголовно-процессуального доказательства, полностью вымышленной заинтересованными лицами или искаженной в исходе уголовного дела, достаточно обосновать к исследуемому факту ее относимость и для субъекта доказывания обусловить необходимость такого облечения в, предусмотренную уголовно-процессуальным законом

форму для формирования соответствующего доказательства; четвертое - субъектом доказывания оценивается достоверность каждого доказательства в соответствии с законом, совести в результате сопоставления его с другими доказательствами и своему внутреннему убеждению имеющимся в уголовном деле, а также установления их источников, получения других доказательств, которые проверяемое доказательство опровергают или подтверждают.

Список использованных источников.

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. 17.04.2017).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Туркменистана» от 01.06.2009 года.
3. Турашев Е.Н. Относимость уголовно - процессуальных доказательств. Право и государство. 2011. № 3 (52). С. 167-175.

РАЗДЕЛ 2. Уголовное право. История и современность.

Лапшин В.Ф.

начальник кафедры уголовного права
Академии ФСИН России
доктор юридических наук, доцент

Институты административного права в уголовном законодательстве: нонсенс или реальность?

За двадцать лет действия УК претерпел значительное количество изменений, а равно был дополнен значительным количеством норм. В отдельных случаях уголовное законодательство дополнялось новеллами, необходимыми для защиты новых общественных отношений; некоторые федеральные законы фактически представляли собой «работу над ошибками», ранее совершёнными законодателем; но имели место и такие новшества, которые не соответствовали (противоречили) содержанию основополагающих институтов Общей части. Указанный срок действия является весьма непродолжительным для УК, поскольку сама сущность уголовного законодательства характеризуется высокой степенью традиционности и консервативности. Вот почему высокая частота изменений и дополнений может свидетельствовать только об отсутствии ясного представления о том, каким именно должен быть уголовный закон как средство проведения в жизнь государственной уголовной политики. В настоящее же время количество изменений уголовного закона столь велико, что уже стали озвучиваться официальные заявления о необходимости разработки проекта нового УК¹.

В принципе, нет ничего опасного в том, что отдельные уголовно-правовые институты или их совокупность являются предметом научного изучения и осмысления. Предложения по совершенствованию уголовного законодательства, формулируемые в научной литературе, в конечном итоге формируют нормативную базу, посредством которой государство предупреждает и (или) снимает общественные проблемы и противоречия. Но когда законодательные предписания меняются без наличия достаточных к тому оснований, а нормы-новеллы вступают в противоречие и с другими положениями действующего закона, и с общими представлениями правоприменителя о содержании реформируемого института права, тогда создаётся угроза бессистемного толкования и реализации требований закона. Это особенно опасно в случаях применения уголовно-правовых предписаний, поскольку ошибки, заложенные на законодательном уровне, способны привести к существенному нарушению прав и законных интересов всех участников уголовных правоотношений: и преступника, и потерпевшего. Вот поэтому особенной тщательности проработки и обоснования требует решение вопроса о корректировке содержания правовых институтов, положенных в основу уголовного законодательства.

Вот уже на протяжении 8-10 лет в научном сообществе обсуждаются вопросы о необходимости комплексной переработки значительного количества уголовно-правовых институтов². Отчасти они уже нашли своё отражение, преимущественно, в нормах Особенной части УК: множественность, соучастие, освобождение от уголовной ответственности и др., – хотя вопрос об их

¹ См.: Лопашенко Н.А. О проекте нового УК РФ (в порядке инициирования дискуссии) // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. №4. С. 7.

² Более подробно см.: Букалорова Л.А. Экономические отношения и международная преступность: уголовно-правовые и криминологические аспекты // Человек: преступление и наказание. 2016. №1. С. 65-66.

согласованности с базовыми уголовно-правовыми предписаниями остаётся открытым. В настоящее время следует обратить внимание на административную преюдицию, которая предусматривалась советским уголовным законом, но не получила места в УК на момент его принятия.

В действующем законодательстве административная преюдиция уже присутствует в таких нормах, как: ст. 116¹, 151¹, 157, 158¹, 212¹, 215⁴, 264¹, 284¹, ч. 2 ст. 314¹ УК, однако не совсем понятен принцип выбора законодателем тех составов преступлений, обязательным признаком которых стал факт предшествующего привлечения лица к административной ответственности. В целом, я разделяю точку зрения Н.Ф. Кузнецовой, Н.А. Лопашенко, И.В. Шишко, Б.В. Яцеленко и иных учёных – противников административной преюдиции в уголовном законодательстве. Действительно, совершённое в очередной раз административно наказуемое деяние не переводит его в категорию преступления, хотя общественная опасность личности правонарушителя и недостаточность применения к нему мер административной ответственности очевидны¹.

Я полагаю, что административная преюдиция в исключительных случаях допустима в уголовно-правовых нормах, устанавливающих уголовную ответственность за некоторые преступления, которые характеризуются совокупностью следующих признаков: а) содержание категорий, предусмотренных диспозицией соответствующей статьи Особенной части УК, раскрывается в нормативных актах иной отрасли (иных отраслей) российской системы права; б) общественно опасное деяние представляет собой некое множество последовательно выполняемых действий (деятельность) и (или) сочетающее в себе как действия, так и бездействие; в) для привлечения лица к уголовной ответственности необходимо установить наличие прямого умысла на совершение общественно опасного деяния и, при необходимости, на наступление общественно опасных последствий.

В части характеристики вины в виде прямого умысла следует учитывать, что лицо должно хорошо разбираться в особенностях правовой регламентации осуществляемой им деятельности, знать законодательно установленные правила, нарушение которых является составной частью общественно опасного деяния, и иметь хотя бы общие представления о возможных последствиях совершения общественно опасного деяния.

Примером таких преступлений, в составах которых целесообразно предусмотреть административную преюдицию, являются, например, общественно опасные деяния в виде уклонения от уплаты налогов и иных обязательных платежей: ст. 194, 198-199¹ УК. Выявление факта совершения уклонения от уплаты налогов и (или) сборов, невыполнения обязанностей налогового агента является достаточно сложным и трудозатратным процессом. Но даже в случае установления факта уклонения от уплаты обязательных платежей и причинения государственной бюджетной системе материального ущерба, доказать прямой умысел на совершение данного деяния крайне сложно. Индивидуальный предприниматель, и, тем более, руководитель организации всегда будут ссылаться на отсутствие у них достаточных знаний в области налогового законодательства, на непрофессионализм своих подчинённых – главного бухгалтера, финансового директора и др., а также на ряд иных причин, не позволивших должным образом осознать сущность и затем выполнить обязанности налогоплательщика (плательщика сборов). Законодательно данная проблема может быть решена путём описания налоговых преступлений с

¹ См.: Букалорова Л.А., Теплова Д.О. Противодействие мошенничеству уголовно-правовыми и административно-правовыми средствами // Административное и муниципальное право. 2015. №1. С. 56-57.

использованием приёма административной преюдиции. В этом случае лицо объективно не сможет отрицать факт осознания совершения им преступного уклонения от уплаты налогов и (или) сборов и желания совершить налоговое преступление, если до этого оно уже привлекалось за аналогичное деяние к административной ответственности.

Одним из аргументов нежелательности применения административной преюдиции в нормах о налоговых преступлениях может быть излишняя мягкость мер ответственности за впервые совершённое уклонение от уплаты налогов и (или) сборов. В данном случае к налогонеплательщику будут применимы только штрафные санкции, даже если сумма причинённого ущерба будет соответствовать крупному или особо крупному размеру. То есть, объективно высокая общественная опасность деяния может не соответствовать назначаемому за его совершение административному наказанию.

Приведённый довод, несмотря на свою теоретическую состоятельность, полностью опровергается сложившейся судебной практикой противодействия налоговой преступности. Суды при привлечении лиц к уголовной ответственности за совершение налоговых преступлений назначают или лишение свободы условно, или штраф, сумма которого значительно уступает размерам ущерба, который причинится государству в результате уклонения от уплаты налогов. Поэтому современная государственная политика противодействия экономической преступности не поощряет применение строгих мер ответственности к лицам, как правило, впервые совершившим налоговое преступление.

Учитывая все приведённые аргументы по вопросу применения административной преюдиции в составах преступлений, предусмотренных ст. 194, 198, 199 и 199¹ УК, можно заключить, что положительное решение данного вопроса имеет значительное количество преимуществ в части повышения эффективности противодействия экономической преступности: во-первых, решение о декриминализации налоговых преступлений, совершённых впервые, в большей степени соответствует современной либеральной уголовной политике и практике назначения уголовного наказания за указанные преступления. В целом административная преюдиция будет являться дополнительной мерой, направленной на предупреждение совершения налоговых преступлений, реализуемой без уголовно-правового (карательного) воздействия.

Во-вторых, повторное совершение деяния, сопряжённого с уклонением от уплаты налогов и (или) сборов, будет свидетельствовать о повышенной общественной опасности личности. Этот неопровержимый факт позволит ужесточить меры уголовной ответственности за совершение налоговых преступлений путём увеличения сроков или размеров наказаний, предусмотренных санкциями ст. 194, 198, 199 и 199¹ УК.

В-третьих, установление факта повторного совершения уклонения от уплаты налогов (сборов) не будет вызывать у суда сомнений в необходимости применения строгих видов уголовного наказания, действительно соответствующих уровню высокой общественной опасности налогового (финансового) преступления.

В-четвёртых, при инкриминировании уклонения от уплаты налогов и (или) сборов лицу, ранее привлекавшемуся к административной ответственности за аналогичные действия, будет существенно упрощён процесс доказывания вины – прямого умысла на совершение преступления. Аргументация защиты в части сложности налогового законодательства и его неправильного понимания и толкования в данном случае будет неуместной, поскольку лицо при привлечении к административной ответственности уже приобрело достаточные знания в вопросах содержания обязанностей налогоплательщика (плательщика сборов).

На основании приведённых аргументов можно констатировать существенную практическую пользу введения административной преюдиции в некоторые составы экономических, экологических и иных преступлений, совершение которых возможно в процессе осуществления достаточно специфической профессиональной деятельности.

Ещё одной уголовно-правовой новеллой, включение которой в УК инициируется отдельными представителями высших судебных органов России, является уголовный проступок. Аргументация необходимости данного нововведения оставляет желать лучшего. В качестве передового опыта подобной дифференциации уголовной ответственности (а может было бы правильнее сказать о дифференциации ответственности в уголовном праве) предлагается новый Уголовный кодекс Республики Казахстан (далее УК РК) от 3.07.2014 г. (по сост. на 21.05.2017)¹. Анализ положений об уголовном проступке казахстанского уголовного закона позволит уяснить задачи, решение которых предполагается при установлении и практическом применении данной категории.

Итак, в соответствии с ч. 3 ст. 10 УК РК, уголовный проступок в отличие от преступления не представляет большую общественную опасность в виду причинения незначительного вреда или вообще не причинения вреда, а только создания угрозы его причинения. Формально уголовный проступок определяется в соответствии с санкцией статьи Особенной части УК РК: за его совершение предусматриваются наказания только в виде штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам, ареста (ч. 1 ст. 40 УК РК). Более строгое наказание, предусмотренное санкцией соответствующей нормы УК РК, переводит деяние в категорию преступления.

Установление в уголовном законе деяния, которое не признаётся полноценным преступлением, влечёт за собой льготное применение всех негативных мер уголовно-правового принуждения. Это полностью подтверждается соответствующими нормами Общей части УК РК: исключение факта множественности (ч. 1 ст. 12 УК РК), определение окончательного наказания за совершение нескольких проступков путём поглощения менее строгого наказания более строгим (ст. 58 УК РК), незначительное количество условий, при соблюдении которых лицо, совершившее уголовный проступок, может быть освобождено от уголовной ответственности и наказания (ст. 65, 68, 69, 70, 71, 76, 77 УК РК), отсутствие судимости после осуждения за совершение уголовного проступка (ст. 79 УК РК).

В принципе, кардинальных изменений здесь не содержится: российская судебная практика почти не знает случаев назначения за преступления, относящихся к категории небольшой тяжести, наказаний, связанных с реальной изоляцией от общества. Аналогичным же образом осуществляется назначение наказания по совокупности преступлений.

С другой стороны, включение в УК категории «уголовный проступок» существенно снизит авторитет уголовного права как отрасли, нормы которой обеспечивают охрану наиболее важных и значимых общественных отношений. Судя по мерам реагирования, проступок будет иметь гораздо большее сходство не с преступлением, а с административным правонарушением. Установление проступка в УК позволит включать в уголовное законодательство (помимо уже имеющихся) виды правонарушений, явно не обладающих достаточной общественной опасностью. Это приведёт к увеличению объёма уголовного закона

¹ См.: Уголовный кодекс Республики Казахстан // [Электронный ресурс] URL: http://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 21.05.2017 г.).

с одновременным размытием границы между уголовным и административным деянием.

Учитывая изложенное, более перспективным является не «узаконивание» места административным правонарушениям в УК, а, наоборот, исключение большинства уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления небольшой и средней тяжести, путём их перевода в административное законодательство.

Список использованных источников.

1. Букалерева Л.А. Экономические отношения и международная преступность: уголовно-правовые и криминологические аспекты // Человек: преступление и наказание. 2016. №1. С. 65-69.

2. Букалерева Л.А., Теплова Д.О. Противодействие мошенничеству уголовно-правовыми и административно-правовыми средствами // Административное и муниципальное право. 2015. №1. С. 55-63.

3. Лопашенко Н.А. О проекте нового УК РФ (в порядке инициирования дискуссии) // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. №4. С. 7-17.

4. Уголовный кодекс Франции // [Электронный ресурс] URL: <http://www.crimpravo.ru> (дата обращения: 21.05.2017 г.).

5. Уголовный кодекс Республики Казахстан // [Электронный ресурс] URL: http://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 21.05.2017 г.).

Клебанов Л.Р.

д.ю.н., доцент.

ведущий научный сотрудник ИГП РАН

Проблемы Общей части уголовного права и защита художественного рынка

1. Реализация прав человека и гражданина в сфере культуры, бурно развивающееся культурное взаимодействие между странами и континентами, появление и развитие такой новой отрасли мировой и национальной экономики как экономика культуры, превращение материальных артефактов культурного наследия в высоко ликвидный товар ставят задачу усиления охраны и регулирования такого динамично развивающегося рынка как художественный рынок (арт-рынок). Рассматривая рынок как совокупность существующих и потенциальных покупателей товаров¹, отметим, что предметами (товарами) художественного рынка будут культурные ценности разной степени значимости и вида (например, движимые и недвижимые), а также иные предметы, не являющиеся культурными ценностями, но имеющие некоторое художественное (культурно-историческое) значение. Субъектный состав этого рынка также весьма пестрый, и его участников можно поделить на следующие группы: а) продавцы; б) покупатели; в) посредники между продавцами и покупателями; г) иные участники художественного рынка, обслуживающие его интересы и интересы трех вышеназванных групп.

¹ См.: Котлер Ф. Основы маркетинга. Пер. с англ. В.Б. Боброва, общая ред. Е.М. Пеньковой. СПб. АО «КОРУНА», АОЗТ «ЛИТЕРА ПЛЮС». 1994. С. 16.

2. Художественный рынок представляет социально-экономический и политический феномен, требующий комплексный правовой режим – нет, практически, ни одной отрасли права, нормы которой не были бы задействованы в его регулировании. Важнейшую роль в этом процессе играют положения уголовного права (как национального, так и международного), которое осуществляет регулирование этого рынка через его охрану особыми средствами, присущими этой отрасли права как специфическому социальному регулятору. Регулирование художественного рынка уголовно-правовыми средствами обнажает ряд проблем не только Особенной, но и Общей части уголовного права, среди которых: а) вопросы точного определения времени совершения преступления; б) вопросы правильной характеристики тех или иных признаков состава преступления; в) вопросы соблюдения принципа вины; г) вопросы совокупности преступлений и их отграничение от делящихся или продолжаемых преступлений; д) вопросы освобождения лица от уголовной ответственности в связи с совершением общественно полезных действий, формально имеющих признаки какого либо уголовно наказуемого деяния, при том, что ни одно из известных УК РФ обстоятельств, исключающих преступность деяния, в данном случае не «активируется»; е) вопросы соучастия в преступлениях, посягающих на художественный рынок; ж) вопросы необходимой обороны от общественно опасных посягательств на культурные ценности; з) вопросы влияния наказания и иных мер уголовно-правового характера на художественный рынок, его оборот и капиталоемкость и т.д.

В рамках настоящей публикации мы хотели бы остановиться на тех проблемах, которые возникли в процессе правоприменения и не получили, пока, должного обсуждения в уголовно-правовой науке.

3. Дискутрируемым в уголовно-правовой науке вопросом, безотносительно к конкретному виду объекта преступных посягательств или сферы их совершения, является время совершения преступления в том смысле, как оно определяется в части 2 статьи 9 УК РФ. В литературе уже многократно такая трактовка подвергалась серьезной критике, когда речь шла о времени совершения преступления с материальным составом. Если следовать букве закона, то на деле складывается, мягко говоря, очень «странная» ситуация: совершено такое преступление будет в момент совершения деяния, а окончено – с момента наступления общественно опасных последствий, и, судя по всему, практика в тех или иных случаях пытается «корректировать» этот «постулат». Так, руководитель службы по контролю в области градостроительной деятельности Красноярского края Ш. обвинялся по статье 286 УК РФ в том, что незаконно, превысив свои полномочия, дал разрешение на снос нескольких исторических памятников города, включая дом купца Юдина и дом Потылицына. Центральный районный суд г. Красноярска прекратил производство по делу Ш., сославшись на истечение сроков давности уголовного преследования, однако краевой суд с такими доводами не согласился, указав на то, что срок давности начинает течь не с момента подписания разрешающих снос документов, а с момента уничтожения памятников¹, т.е., иными словами, с момента наступления последствий превышения должностных полномочий.

4. Не так давно, на художественном рынке вызвало серьезный резонанс уголовное дело, которое было возбуждено, а в последствии – прекращено, в отношении гражданина Германии А. Певзнера по обвинению в контрабанде культурных ценностей (на тот момент - часть 2 статьи 188 УК РФ). В 2002 году Певзнер за пределами России приобрел картину Карла Брюллова «Христос во

¹ См.: Чернявский А. Срок давности чиновнику не помог // URL://<http://www.ng.ru/printed/246009>

гробе» и решил удостовериться в ее подлинности, отдав полотно на экспертизу в Русский музей в Санкт-Петербурге, для чего в 2003 году привез картину в Россию. Впоследствии в отношении Певзнера было возбуждено уголовное дело о контрабанде культурных ценностей, а картина была изъята в качестве вещественного доказательства. Суд первой инстанции принял решение конфисковать картину как **орудие преступления** (выделено мной – Л.К.). Апелляционный суд не согласился с такой трактовкой и постановил вернуть картину владельцу, однако Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ подтвердила правильность решения суда первой инстанции в части признания картины орудием преступления и ее конфискации в доход государства. Комментируя это решение, представитель Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека Н. Евдокимова отметила: «Первый раз в своей практике сталкиваюсь с тем, что картину объявляют «орудием преступления». Предметом – да, но не орудием»¹.

5. Особо значимым в деле уголовно-правовой охраны художественного рынка является институт обстоятельств, исключающих преступность деяния, а, именно такое обстоятельство как необходимая оборона, и, в частности, возможность применения средств необходимой обороны против лиц, посягающих на физическую сохранность культурных ценностей, и, стремящихся их повредить или уничтожить. К сожалению, наша действительность содержит примеры, когда хулиганы или экстремисты, движимые теми или иными мотивами, уничтожают или повреждают во время выставок те экспонаты, которые, по мнению самих вандалов, «оскорбляют их чувства», при том что такие предметы юридически признаются культурными ценностями (например, включены в Музейный фонд Российской Федерации). Охрана в таких случаях ведет себя, зачастую, пассивно, опасаясь активно применять в отношении таких «налетчиков» физическую силу для защиты культурных ценностей, при этом сами секьюрити объясняют свое пассивное поведение тем, что сами опасаются стать фигурантами уголовных дел о насильственных преступлениях. Такая ситуация требует скорейшего уголовно-правового анализа и разрешения, ведь средствами необходимой обороны можно защищать любой правоохраняемый интерес, в том числе, и физическую сохранность культурных ценностей, а, следовательно, необходимая оборона возможна и от такого вида посягательств, но, само собой, без превышения ее пределов.

В рамках этой же проблемы возникает оценка уголовно-правовой легитимности действий граждан, пытающихся противодействовать **незаконному** (выделено мной – Л.К.) сносу недвижимых памятников истории и культуры, когда градозащитники окружают памятник «живым кольцом», не пропускают к нему рабочих и строительную технику, вступают в противоборство с сотрудниками частных охранных организаций, которые пытаются вытеснить защитников старины с территории сносимого памятника и т.д.

6. В связи с осуществлением, несомненно, общественно полезной и юридически оправданной деятельности по возвращению на территорию Российской Федерации незаконно вывезенных с ее территории культурных ценностей (статья 10 «Возвращение незаконно вывезенных и незаконно ввезенных культурных ценностей» Закона РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей» от 15.04.1993), возникла необходимость легитимации действий лиц, приобретающих, в том числе, и возмездно, эти ценности за рубежом, и, перемещающих их на территорию нашей страны с тем, чтобы передать их государству, музейным учреждениям, религиозным организациям и обеспечить к

¹ См.: Шкуренко Н. Картина как орудие преступления // URL://<http://www.theartnewspaper.ru/posts/4025/>

ним доступ всем желающим. При этом такие пассажиры знают, что приобретают предметы, которые были похищены на территории России и/или контрабандно вывезены за ее пределы. По приезду в Российскую Федерацию, в отношении этих равнодушных лиц возбуждаются уголовные по статье 175 УК РФ («раз приобрел картину или икону, зная, что они краденные, значит приобрел имущество, заведомо добытое преступным путем»), однако ни одно из известных российскому уголовному закону обстоятельств, исключающих преступность деяния, здесь может быть неприменимо. Как же поступать в таких случаях? Полагаем, что такие действия также лишены общественной опасности (и, следовательно, не могут признаваться преступными), поскольку обладают безусловной общественной пользой, направлены на охрану культурного наследия нашей страны и совершаются во исполнение требований законодательства Российской Федерации, согласно которому незаконно вывезенные с территории России культурные ценности **подлежат возвращению** (выделено мной – Л.К.).

Список использованных источников

1. Котлер Ф. Основы маркетинга. Пер. с англ. В.Б. Боброва, общая ред. Е.М. Пеньковой. СПб. АО «КОРУНА», АОЗТ «ЛИТЕРА ПЛЮС». 1994. С. 16.
2. Чернявский А. Срок давности чиновнику не помог // URL://http://www.ng.ru/printed/246009
3. Шкуренок Н. Картина как орудие преступления // URL://http://www.theartnewspaper.ru/posts/4025/

Бекмагамбетов А.Б.

К.Ю.Н.,

Костанайский филиал

Челябинского государственного университета

(г. Костанай, Республика Казахстан)

К вопросу о пробельности уголовного законодательства Республики Казахстан в сфере регламентации ответственности за обращение в рабство и использование рабского труда.

В Республике Казахстан на системной основе осуществляется противодействие преступности, связанной с торговлей людьми. В тоже время для нашего государства, в отличие от многих, к примеру, постсоветских стран, актуальна проблема отсутствия специальных уголовно-правовых норм о рабстве¹. Для криминализации данного деяния, в соответствии с канонами теории уголовно-правовых запретов, имеются все основания.

Самые жаркие баталии, целенаправленная правозащитная деятельность в части признания такой социальной проблемы, а затем решительной и крупномасштабной войны с ней во всех уголках планеты стали предпосылкой и фундаментом зарождения первых серьезных документов, гарантирующих Права и свободы человека и гражданина. Вследствие этого рабство справедливо было признано одним из чудовищных преступлений против человека, а в ряде стран и против человечности. Обзор специальной (исторической, международно-

¹ На данный пробел мы указывали ранее. См. Бекмагамбетов А.Б. О необходимости восполнения пробела в Уголовном кодексе Республики Казахстан об ответственности за преступления, связанные с рабством//Проблемы права.-2009-№1-С.157-169.

правовой, уголовно-правовой, криминологической) литературы¹, а также многочисленные произведения отечественной и мировой культуры, публикации в СМИ содержат немало эмпирических, философских, аналитических выкладок.

Социальная обусловленность (эмпирические материалы). Приведем результаты выборочного контент-анализа электронных и печатных СМИ за период с 2010 по 2017 годы. В ряде случаев заголовки отражают самую суть: «Павлодарский заключенный заявил, что его заставляли бесплатно работать на руководителей колонии»², «История степного Робинзона: 11 лет рабства оценили в 1 млн. тенге»³, «Житель ЮКО рассказал, как потерял в рабстве обе ноги»⁴, «Освобожденный из рабства житель Шымкента раскрыл неожиданные подробности»⁵, «В Акмолинской области полицейские спасли мужчину из трудового рабства»⁶, «Российский омбудсмен проверит информацию о рабстве казахстанцев в Москве»⁷, «Казахстанца освободили из рабства в Москве»⁸.

Краткий историко-правовой анализ.

В специальном исследовании, посвященном проблемам женской преступности в Казахстане отмечается, что «при патриархально-феодалных отношениях женщина до вступления в брак покупалась своим мужем как вещь, как собственность. При патриархально-феодалном строе у казахов, как и у многих народов, женщина находилась в обществе и в семейном быту на положении рабыни».⁹ Это выражалось также в существовании такой традиции как «калым» в соответствии, с которым, брак расценивался в качестве имущественной сделки между родителями или близкими родственниками жениха и невесты, образно выражаясь, был в законе. Как справедливо подчеркивается Букалеровой Л.А. «современное уголовное законодательство ряда государств четко определяет понятие и признаки преступления. Однако такая ситуация не была характерна для отдельных исторических периодов»¹⁰.

Видный ученый-юрист Культелеев Т.М., писал: «Существование калыма характеризует такое отношение к женщине, при котором она рассматривалась как собственность, как вещь, которую можно было продать и купить»¹¹.

28 декабря 1920 года был принят Декрет Кир ЦИК и СНК «Об отмене калыма», который содержит санкции в виде «лишения свободы для обеих сторон сроком до одного года, равно конфискации калымного имущества в двойном размере лиц, его получающих».¹² В соответствии с Постановлением 2-й сессии

¹ Например, Мизулина Е.Б. Торговля людьми и рабство. М.: Юрист,2006; Макаров С.Н. Реализация международно-правовых обязательств по борьбе с рабством и работоторговлей в уголовном законодательстве России. Дисс. к.ю.н. М.: Академия управления МВД России,2004; Кислова Е.А. Уголовно-правовые средства рабству и противодействия торговле людьми. Дисс. к.ю.н. М.: МГЮА,2005.

² Ktk.kz/ru/news/video/2010/12/13/10841

³ 365info.kz/2017/01/istoriya-stepnogo-robinzona/?utm_campaign=7258178&utm_medium=banner&utm_content=25051605&utm_source=news.mail.ru

⁴ News.mail.ru/incident/28774324/?frommail=1

⁵ tobolinfo.kz/news/economy/1809861/01.02.2017

⁶ Kokshetau.asia/proishestviya/15374-v-akmolinskoi-oblasti-politsejskie-spasli-muzhchinu-iz-trudovogo-rabstva/13.02.2017

⁷ News.mail.ru/politics/28541766/?frommail=1

⁸ News.mail.ru/incident/28620223/?frommail=1

⁹ Корзун И.В. Преступность среди женщин в Казахстане. А.:Жеты Жаргы, 1998.- С.22

¹⁰ Уголовное право России: Общая часть (с основными положениями Общей части уголовного права стран Азии, Африки, Латинской Америки): учебник/Под ред. О.А. Ястребова, Л.А. Букалеровой.-М.: РУДН,2017- С.95.

¹¹ Культелеев Т.М. Уголовное обычное право казахов. А.:Дәуір,2004.

¹² Культелеев Т.М Советское законодательство в борьбе с преступлениями против раскрепощения женщины // Известия АН Каз. ССР, серия юрид., 1948- № 50.- Вып. 1.- С.45-52

ВЦИК XI созыва 16 октября 1924 года (СУ №79) «О дополнении УК РСФСР для автономных республик» для Киргизской ССР в числе прочих была предусмотрена криминализация таких деяний как уплата калыма и принятие калыма (статья 230). Со вступлением в действие УК КазССР 1959 года они были декриминализованы. Следующие Уголовные кодексы РК 1997 и 2014 (ныне действующий уголовный закон) этих и других норм о рабстве и сходных с ним институтах не содержат¹.

Международно-правовые основания.

Республика Казахстан, как участник многих международных организаций, присоединился к ряду важнейших международно-правовых документов и стандартов в сфере фундаментальных прав и свобод. Назовем некоторые: Конвенция о рабстве 1926 г., Конвенция о рабстве (год ратификации - 2008 год), Международная конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами (ратифицирован в 2005 г.), Дополнительная Конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством (2008 год), Конвенция МОТ об упразднении принудительного труда (2000 год), Международная Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1998 г), Международная конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1998 г), Конвенция о правах ребенка (1994 г), Конвенция МОТ о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда (2002 г), Конвенция о транснациональной организованной преступности (2008 г), Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию против транснациональной организованной преступности (2008 г), Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию против транснациональной организованной преступности (2008 г)²

Несмотря на это, постыдным выглядит существование в нашей сегодняшней действительности такого атавизма как рабство. На это указано в ряде Всемирных докладов о торговле людьми ООН³, отечественных официальных аналитических документах⁴. В этой связи хуже то, что нет соответствующего уголовно-правового запрета.

В целом, можно сформулировать ряд следующих выводов:

1) Рабство имеет глубокие исторические корни в Республике Казахстан, искоренение которого в том числе путем криминализации соответствующих деяний, осуществлялось в т.н. советский период.

2) В постсоветский период в Республике Казахстан трижды вносились кардинальные изменения в УК об ответственности за преступления в сфере торговли людьми, которые, однако, не коснулись злободневной проблемы рабства.

¹ Подробнее см.: Бекмагамбетов А.Б. Уголовное право Республики Казахстан. Особенная часть. Учебник /Под ред. В.П. Ревина. М.: Изд.дом Академии естествознания,2017.

² Сборник международных и национальных документов по борьбе с торговлей людьми. Алматы: Миссия Международной организации по миграции в Республике Казахстан,2015.-С.179.

³ Например, Global report on trafficking in persons. February 2009. New York: United Nations,2009–292 с Global report on trafficking in persons. 2014. New York: United Nations,2014–90 с.

⁴ Специальный доклад «Актуальные проблемы защиты прав человека в сфере противодействия торговле людьми в Республике Казахстан». Астана: Комиссия по правам человека при Президенте РК,2014; Обобщение по вопросам обеспечения в судебном разбирательстве прав потерпевших по делам о торговле людьми (на основе рассмотренных в 2014-2015 г.г. уголовных дел), составленное Верховным Судом Республики Казахстан//Бюллетень Верховного Суда Республики Казахстан.-2016.-№12.

3) Казахстан существенно продвинулся в вопросах выполнения международных обязательств в сфере прав человека, кроме установления уголовно-правового запрета рабства.

4) Сложившаяся ситуация требует скорейшего разрешения путем включения в УК отдельных норм об обращении в рабство и использование рабского труда. Для криминализации такого деяния имеются все основания: социально-правовая обусловленность, предписания, ратифицированных международно-правовых документов.

Список использованных источников.

1. Бекмагамбетов А.Б. О необходимости восполнения пробела в Уголовном кодексе Республики Казахстан об ответственности за преступления, связанные с рабством//Проблемы права. Международный правовой журнал-2009-№1.

2. Бекмагамбетов А.Б. Уголовное право Республики Казахстан. Особенная часть. /Под ред. В.П. Ревина. М.: Изд.дом Академии естествознания,2017.

3. Комментарий к УК Казахской ССР./ Под ред. Поленова Г.Ф. А.: Казахстан, 1980.

4. Кислова Е.А. Уголовно-правовые средства рабству и противодействия торговле людьми. Дисс. к.ю.н. М.: МГЮА,2005.

5. Корзун И.В. Преступность среди женщин в Казахстане. А.: Жеті Жарғы, 1998.

6. Культелеев Т.М Советское законодательство в борьбе с преступлениями против раскрепощения женщины // Известия АН Каз. ССР, серия юрид., 1948- № 50.- Вып. 1.

7. Культелеев Т.М. Уголовное обычное право казахов. А.:Дәуір,2004.

8. Макаров С.Н. Реализация международно-правовых обязательств по борьбе с рабством и работорговлей в уголовном законодательстве России. Дисс. к.ю.н. М.: Академия управления МВД России,2004;

9. Мизулина Е.Б. Торговля людьми и рабство. М.: Юрист,2006;

10. Обобщение по вопросам обеспечения в судебном разбирательстве прав потерпевших по делам о торговле людьми (на основе рассмотренных в 2014-2015 г.г. уголовных дел), составленное Верховным Судом Республики Казахстан//Бюллетень Верховного Суда Республики Казахстан.-2016.-№12.

11. Сборник международных и национальных документов по борьбе с торговлей людьми. Алматы: Миссия Международной организации по миграции в Республике Казахстан,2015.

12. Специальный доклад «Актуальные проблемы защиты прав человека в сфере противодействия торговле людьми в Республике Казахстан». Астана: Комиссия по правам человека при Президенте РК,2014.

13. Уголовное право России: Общая часть (с основными положениями Общей части уголовного права стран Азии, Африки, Латинской Америки): учебник/Под ред. О.А. Ястребова, Л.А. Букалеровой.-М.: РУДН,2017

14. Global report on trafficking in persons. February 2009. New York: United Nations,2009–292 с.

15. Global report on trafficking in persons. 2014. New York: United Nations,2014–90 с.

16. 365info.kz/2017/01/istoriya-stepnogo-robinzona/?utm_campaign=7258178&utm_medium=banner&utm_content=25051605&utm_source=news.mail.ru

17. Kokshetau.asia/proishestviya/15374-v-akmolinskoi-oblasti-politsejskie-spasli-muzhchinu-iz-trudovogo-rabstva/13.02.2017
18. Ktk.kz/ru/news/video/2010/12/13/10841
19. News.mail.ru/incident/28620223/?frommail=1
20. News.mail.ru/incident/28774324/?frommail=1
21. News.mail.ru/politics/28541766/?frommail=1
22. tobolinfo.kz/news/economy/1809861/01.02.2017

Борисова О.В.

к.ю.н., доцент

Ивановский государственный университет

Описание срока наказания в санкциях статей Особенной части УК РФ.

В действующем УК РФ срочные виды наказаний устанавливаются в санкциях статей Особенной части с указанием на пределы срока: минимального и максимального либо только максимального. В последнем случае максимальный срок становится единственным дифференцированным показателем данного вида наказания в санкции. После известных изменений санкций УК РФ, которыми количество данной разновидности относительно-определенных санкций было увеличено, правильное описание максимального срока приобрело особое значение. Специальные правила назначения наказания имеют в виду величины, исчисляемые из такого срока. Применительно к наказанию в виде лишения свободы максимальный срок в санкции является еще и показателем категории преступления данного вида. Таким образом, законодательное описание максимального срока должно быть очень тщательным.

Данному требованию не удовлетворяет описание срока путем отсылки, с выражением «на тот же срок». Внедрение в санкции УК РФ таких отсылок началось в 2011-2012 гг.

С позиций законодательной техники, в материальном законе отсылки неприемлемы, они затрудняют восприятие санкции адресатом уголовно-правового запрета - гражданами и, значит, снижают ее предупредительную роль.

Если исходить из функции санкции как веления правоприменителю, судье, то описание наказания при помощи отсылки получается недостаточно определенным.

Выражение «на тот же срок» встречается в 108 статьях УК РФ, в том числе в различных частях этих статей. Естественно, санкции, о которых идет речь - альтернативные. В них лишение свободы установлено как самый строгий вид наказания из всех, и срок его определяется как «тот же» исходя из значения, ранее заданного в перечне наказаний данной санкции, ближайшего перед лишением свободы. (Гораздо реже встречается такое описание иных видов наказаний, например, принудительных работ в ст.157 УК.)

В русском языке «тот» – указательное местоимение, в соединении с частицей «же» оно употребляется в значении «такой, о котором идет или шла речь сейчас»¹.

Значит, предыдущее наказание в санкции должно быть, прежде всего, основным. Но мы имеем случаи, когда указывается основное и дополнительное наказание, а после – лишение свободы. Например, санкция ч.1 ст.216 УК в интересующем нас фрагменте выглядит так: «наказывается ... принудительными

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1997. С.805.

работами на срок до трех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, либо лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового». По отношению к какому сроку срок лишения свободы «тот же»? Юридически правильно полагать, что это срок принудительных работ как последнего перед лишением свободы основного наказания. Но грамматически получается, что это срок лишения права, как наказания стоящего непосредственно перед лишением свободы. На первый взгляд, здесь все сроки совпадают – «до трех лет». Однако у основных и дополнительного наказаний различаются установленные Общей частью УК минимумы: у принудительных работ и лишения свободы это два месяца, а у лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью - шесть месяцев. Таким образом, конструкция срока лишения свободы недостаточно ясна.

Есть санкции, где выражение «тот же срок» использовано при описании дополнительного наказания, а последний перед ним – срок основного наказания. Например, ч.1 ст.280 УК предусматривает «лишение свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на тот же срок». По указанным выше основаниям сходства сроков здесь нет, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью не может быть назначено на срок менее шести месяцев.

Как видим, выражение «тот же», предназначенное, якобы, для указания максимального срока, фактически фиксирует весь срок, будучи непригодным для такой задачи.

Нельзя упустить из внимания несовпадение числового и юридического значений срока: если, например, для ограничения свободы четыре года - это предельный срок (ч.2 ст.53 УК), то для лишения свободы он не предельный, а значит, не «тот же». Установленные в санкции сроки наказания отражают степень общественной опасности преступления данного вида. Возможность применения альтернативного вида наказания на максимально возможный срок и лишения свободы на относительно недлительный срок дает представление о степени общественной опасности в данном случае.

Мы уже отмечали, что максимум срока лишения свободы в санкции служит для определения категории преступления. Очевидно, что выражение «на тот же срок» затрудняет данную операцию, по крайней мере, замедляет ее.

Все это позволяет сделать вывод о том, что выражение «на тот же срок» в уголовном законе неуместно. Сроки наказания должны быть во всех случаях определены числовым значением.

Обратим внимание на еще одну проблему описания срока. При введении в действие норм о наказании в виде ограничения свободы, в 2009 г., и установлении его в санкциях статей Особенной части в том же году и позже текст закона обрёл новеллу – срок «до полутора лет». К настоящему времени данное выражение встречается в 11 статьях УК. На наш взгляд, его использование законодателем нарушает нормы Общей части. Сроки в Уголовном кодексе РФ устанавливаются в целых величинах и исчисляются (для данного вида наказания) в месяцах и годах (ч.1 ст.72 УК). Суд сможет назначить указанную меру наказания, определив срок как один год и шесть месяцев, а не полтора года.

То, при помощи каких выражений следует описывать срок наказания, как технический вопрос, может показаться не столь значимым при наличии других, многочисленных и существенных недостатков современного уголовного закона. Однако только точная оценка законодательных новелл о сроке может

гарантировать, что они не приживутся, не укоренятся в сознании законодателя и правоприменителя и со временем будут исключены из текста закона.

Список использованных источников.

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1997. 944 с.

Исмагулова А.Т.,
к.ю.н., доцент
Костанайский филиал
Челябинского государственного университета,

Актуальные проблемы политики противодействия маргинальной преступности в Республике Казахстан

Проблема преступности лиц, ведущих маргинальный образ жизни исследуется с различных позиций в социологии, культурологии, психологии, социальной медицине и правоведении.

Следует признать верной позицию Быстрянцева А.Ф., который указывает, что маргиналы и преступники находятся в единой неразрывной связи. Их объединяет правовой нигилизм, систематическая противоправная деятельность, движение к более опасным деяниям. Прекратить это движение возможно лишь при активном участии государственных и общественных институтов, при разработке и осуществлении грамотной уголовно-правовой, административно-правовой и особенно криминологической политики¹

Если в целом, обратиться к понятию уголовной политики, то можно заметить множество определений данному понятию. На наш взгляд, правильно отмечают в своей монографии Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. что, уголовная политика- это социальная политика борьбы с преступностью, которую в определенном смысле можно охарактеризовать как продиктованную интересами общества систему правил осуществления специфического взаимодействия государства и преступного мира. Иными словами, это-концентрированная, социально обусловленная, концептуальная реакция государства на существующую совокупность криминальных угроз²

В рамках совершенствования национальной правовой системы, в том числе решения проблем предупреждения преступности была принята Концепция правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года³.

В рамках ее реализации с 1 января 2015 г. вступил в действие новый - второй по счету Уголовный Кодекс Казахстан⁴. В этой связи Козаченко И.Я. выразил мнение, что концептуальные положения нового УК Республики Казахстан носят взвешенный характер и достаточно адаптированы к взаимодействию с бесконечно многочисленными социально-правовыми регуляторами человеческого

¹ Быстрянец А.Ф. О перспективах борьбы с преступлениями несовершеннолетних, ведущих маргинальный образ жизни // Международный научный журнал «Символ науки».2015. - №5. С.166-168

² Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. М. 2014. -С.9.

³ О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года/ Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года № 858

⁴ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03 июля 2014 года № 226-V// Сайт законодательства РК. – <http://www.zakon.kz>.

общежития.¹ Как справедливо отмечают Бекмагамбетов А.Б. и Ревин В.П. данный кодекс «по законам диалектического развития вобрал в себя добротные классические устои и наряду с этим новаторские идеи»²

В глобальном отношении важно формирование в обществе принципа «нулевой терпимости», который впервые был озвучен в Послании Президента Республики Казахстан - Лидера нации Нурсултана Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства»: «Атмосфера нетерпимости к мелким правонарушениям – важный шаг в укреплении общественной безопасности, борьбе с преступностью. Развитое общество начинается с дисциплины и порядка во всем: комфортного подъезда, аккуратного двора, чистых улиц и приветливых лиц»³.

В связи с формированием в обществе атмосферы «нулевой терпимости» к мелким правонарушениям, хулиганству и бескультурии, правоохранительными и государственными органами совместно с неправительственными организациями проводится работа, направленные на повышение правосознания и правовой культуры граждан с привлечением средств массовой информации. Транслируются видеосюжеты, установлены билборды и распространяются буклеты, пропагандирующие законопослушное поведение.

Во исполнение 32 шага Плана Нации по реализации пяти институциональных реформ Главы государства Нурсултана Назарбаева или 100 шагов по вхождению Казахстана в 30-ку развитых государств мира, который был принят в мае 2015 года⁴ в целях обеспечения прозрачности и контроля со стороны общественности за работой органов внутренних дел, в том числе и в сфере предупреждения правонарушений к концу 2016 года в Казахстане был разработан и представлен к использованию интернет-портал «Карта уголовных правонарушений» Интернет-портал «Карта уголовных правонарушений», который доступен любому гражданину, имеющему выход в Интернет и позволяет в онлайн режиме ознакомиться с данными о преступности, а также увидеть наиболее криминогенные участки⁵. Более того, на сегодняшний день работают такие программы как «Карта уголовных правонарушений», «Карта уголовных правонарушений совершенных несовершеннолетними», «Карта лиц, совершивших насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних», которые также направлены на повышение общественного контроля за состоянием преступности в нашем государстве и ее предупреждения.

Все эти концептуальные и новаторские подходы к решению проблем предупреждения преступности будут на наш взгляд способствовать снижению уровню преступности.

Кроме общих мер предупреждения преступности существуют и специальные меры профилактики преступности лиц, ведущих маргинальный образ жизни.

Во-первых, если вышеуказанная категория лиц могла безнаказанно приставать к гражданам, особенно на вокзалах, около торговых центров и т.д., то

¹ Козаченко И.Я. Уголовный кодекс Республики Казахстан как базисная социальная ценность государства. Модернизация уголовного законодательства: Коллективная монография/ Ответственный редактор А.Е. Мизанбаев. -Костанай. -2014.- С.37-38.

² Бекмагамбетов А.Б., Ревин В.П. Уголовное право Республики Казахстан. Учебник/Под ред. В.П. Ревина.- Алматы: "Жеты Жаргы",2015.-С.5

³ Послание Президента Республики Казахстан - Лидера нации Нурсултана Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства"// <http://egov.kz/>

⁴ План нации - 100 конкретных шагов по реализации пяти институциональных реформ Главы государства Нурсултана Назарбаева//<http://www.zakon.kz/>

⁵ КАРТА УГОЛОВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ»<http://pravstat.prokuror.kz/>

теперь впервые, начиная с 2015 года, установлена административная ответственность за такие деяния. Думается, что эти меры помогут в деле предупреждения криминального поведения таких лиц, ведь всем известно, что эти лица, склонны к совершению противоправных деяний.

По статье 449 нового КоАП РК лица за назойливое обращение в общественных местах в целях покупки, продажи, обмена или приобретения вещей иным способом, совершенное лицом, не являющимся субъектом предпринимательства, а также в целях гадания, попрошайничества, оказания услуг сексуального характера либо навязывания иных услуг, понесут штраф в размере пяти месячных расчетных показателей¹

В ходе проведения оперативно-профилактических мероприятий за одну только неделю за правонарушения предусмотренные ст. 449 КоАП («Приставание в общественных местах»), к административной ответственности было привлечено 6171 правонарушителей, наложено штрафов на общую сумму около 50 млн. тенге, 25 иностранных лиц выдворено за пределы Республики Казахстан»²

Во-вторых, это борьба с пьянством. Мы все знаем, что определенная часть маргиналов - это лица, злоупотребляющие алкоголем, ведущие праздный образ жизни, день которых начинается и заканчивается выпивкой. Часто из-за проблем с алкоголем человек утрачивает прежние социальные связи: теряет сначала работу, потом семью, обретает сомнительных друзей таких же, как и он, и зачастую встает на криминальный путь. Научные дискуссии существует ли связь между алкоголизмом и преступностью ведутся не одно десятилетие. Одни ученые придерживаются позиции, что алкоголь не влияет на совершение преступления, другие же считают, что между алкоголем и преступностью существует тесная взаимосвязь. На наш взгляд, алкоголь может служить одним из сильных побудительных факторов, толкающих человека на совершение преступления³. Подтверждают нашу позицию и данные уголовной статистики за последний год. В среднем за 2014 год по Казахстану каждый шестой, совершивший преступление, находился в состоянии алкогольного опьянения⁴

Таким образом, резюмируя следует отметить, что совокупность консолидированных усилий со стороны государства, общества, институтов семьи способна изменить ситуацию с преступностью лиц, ведущих маргинальный образ жизни.

Список использованных источников.

1. Анализ статистических данных о состоянии преступности в стране за 2014 год//<http://pravstat.prokuror.kz/rus>
2. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. М. 2014.
3. Бекмагамбетов А.Б., Ревин В.П. Уголовное право Республики Казахстан. Учебник/Под ред. В.П.Ревина.-Алматы: «Жеті Жарғы», 2015.

¹ Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. №235-V ЗРК (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.08.2015 г.)// <http://online.zakon.kz/>

² Турецкий Н. Модернизация правоохранительных органов: индекс доверия// <http://online.zakon.kz/>

³ Исмагулова А.Т. Некоторые проблемные аспекты уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения// Эділ сот. 2013. №3. С. 51-54.

⁴ Анализ статистических данных о состоянии преступности в стране за 2014 год//<http://pravstat.prokuror.kz/rus>

4. Быстрянец А.Ф. О перспективах борьбы с преступлениями несовершеннолетних, ведущих маргинальный образ жизни // Международный научный журнал «Символ науки».2015. - №5.
5. Исмагулова А.Т. Некоторые проблемные аспекты уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения// Эділ сот. 2013. №3.
6. «КАРТА УГОЛОВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ»//pravstat.prokuror.kz
7. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. №235-V ЗРК (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.08.2015 г.)// <http://online.zakon.kz>
8. Козаченко И.Я. Уголовный кодекс Республики Казахстан как базисная социальная ценность государства. Модернизация уголовного законодательства: Коллективная монография/ Отв. ред. А.Е. Мизанбаев. -Костанай. -2014.
9. О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года/ Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года № 858
10. План нации - 100 конкретных шагов по реализации пяти институциональных реформ Главы государства Нурсултана Назарбаева//<http://www.zakon.kz/>
11. Послание Президента Республики Казахстан - Лидера нации Нурсултана Назарбаева народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства»// <http://egov.kz/>
12. Турецкий Н. Модернизация правоохранительных органов: индекс доверия// <http://online.zakon.kz/>
13. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03 июля 2014 года № 226-V (с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.08.2015 г.) // Сайт законодательства РК. – <http://www.zakon.kz>.

Руденко А.С.
К.ю.н. доцент
Академия ФСИН России
Ряховский В.В.
Академия ФСИН России

Освобождение от уголовной ответственности за экономические преступления в зарубежном уголовном праве

На сегодняшний день существует большой опыт зарубежных стран по вопросам освобождения от уголовной ответственности за экономические преступления. В уголовных законодательствах целого ряда стран континентальной Европы получили распространение специальные основания освобождения от уголовной ответственности.

Так, германское законодательство дает возможность лицу, пытавшемуся уклониться от уплаты налога, одуматься и избежать привлечения к уголовной ответственности. Абзац 9 параграфа 261 УК ФРГ устанавливает следующие основания освобождения от наказания при отмывании денег и сокрытии незаконно полученных материальных выгод: добровольное информирование компетентных органов о совершенном преступлении, если это преступление в этот момент не является полностью или частично раскрытым, и исполнитель об этом знает или рассчитывает на это; способствование данным лицом сохранности

изъятого предмета, относящегося к преступному деянию, в случаях, предусмотренных абзацем номер 1 или 2 параграфа 261 УК ФРГ, при наличии предпосылок п. «а»¹. Данная норма является близкой к российскому «явка с повинной», являющемуся обстоятельством, которое смягчает наказание.

Похожая норма содержится и в Положении о налогах 1977 года (параграф 371), в соответствии с которым освобождается от наказания лицо, которое сообщило в финансовые органы ранее сокрытую информацию либо исправило (дополнило) представленные в целях налогообложения неверные или неполные данные. В этом же параграфе есть норма, которая допускает освобождение от наказания виновное лицо, которое смогло добиться незаконного сокращения налогов или неоправданного распространения налоговых льгот, если оно заплатит ранее сокрытую сумму налога до истечения определенного срока².

Однако лицо не освобождается от ответственности, если оно обратилось в компетентный орган после визита к нему соответствующего должностного лица финансового органа, которое намеревалось проверить корректность уплаты налогов. Виновное лицо также будет наказано, если ему стало известно об уголовном преследовании или если на момент обращения в финансовые органы оно знало или могло предположить, что преступление уже раскрыто полностью или частично.

Кроме УК ФРГ, еще одна норма, заслуживающая внимания, содержится также в Уголовно-процессуальном кодексе ФРГ³. В соответствии с параграфом 153а «Прекращение производства по делу при выполнении обязательств и указаний»: с согласия соответствующего суда и обвиняемого прокуратура при условии незначительного преступления может временно отказаться от предъявления публичного обвинения и одновременно возложить на обвиняемого обязанности и указания, если они могут устранить публичный интерес на уголовное преследование, и тяжесть вины этому не противоречит. В качестве обязанностей и указаний могут назначаться: совершение определенных действий для возмещения причиненного ущерба; оплата денежной суммы в пользу общественно полезной организации или в государственный бюджет и т.д. Для исполнения обязанностей и указаний обвиняемым прокуратура устанавливает обвиняемому срок, который не должен превышать шесть месяцев. Прокуратура может позже отменить обязанности и указания и один раз продлить срок на три месяца; с согласия обвиняемого она может позже назначать и изменять обязанности и указания. Если обвиняемый выполняет обязанности и указания, то деяние не может преследоваться как малозначительное преступление. И хотя данная норма распространяется только на уголовные деяния, наказываемые лишением свободы на срок до одного года или менее строгим наказанием, указание на выплату денежной суммы в пользу благотворительной организации или в государственный бюджет сходно со ст. 76.1 УК РФ.

Очень схожее основание присутствует и в уголовном законодательстве Австрии. В абзаце 1 параграфа 165а УК Австрии говорится о том, что не наказывается лицо, занимающееся отмыванием денег, если оно добровольно и прежде чем соответствующие органы узнали о его вине, сообщило о преступлении соответствующим органам или иным способом оказало содействие

¹Уголовный кодекс ФРГ. – М.: Зерцало-М, 2001; Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной республики Германия: текст и научно-практ. комментарий// Под ред. А. И. Рарога. – М.: Проспект, 2010. С.280.

²Решетников Ф.М. и др. Налоговые преступления и проступки. М., 1995. С. 5-6

³Головненков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия. Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Потсдам, 2012.

по сохранению значительной части имущества, на которое распространялось отмывание денег¹.

В уголовном кодексе Испании установлено следующее основание освобождения от уголовной ответственности: от уголовной ответственности освобождается лицо, которое исправит свое налоговое или иное финансовое положение, связанное с уклонением от уплаты налогов и других обязательных платежей, до того, как оно будет уведомлено налоговыми или иными органами о начале проверки деятельности этого лица или о начале уголовного преследования (ч. 4 ст. 305, ч. 3 ст. 307)².

Уголовный кодекс Франции³ предусматривает отсрочку наказания «с финансовым предписанием». Данная норма имеет определенное сходство с освобождением от уголовной ответственности по делам о налоговых преступлениях в УК РФ. В соответствии со ст. 132-66 кодекса «в случаях, предусмотренных законами или регламентами, наказывающими невыполнение определенных обязанностей, суд при предоставлении отсрочки назначения наказания может предписать физическому или юридическому лицу, признанному виновным, выполнение одного или нескольких требований по выплате денежных штрафов, предусмотренных указанными законами или регламентами. Для выполнения этих предписаний суд устанавливает срок». Другая норма закона допускает пеню при такой отсрочке, однако только при условии, что она предусмотрена законом или регламентом. Статья 132-68 кодекса допускает однократное применение отсрочки. Однако в соответствии со ст. 132-69 кодекса выполнение денежных требований само по себе еще не влечет освобождение виновного от наказания, поскольку у суда сохраняется право его назначить, за исключением тех случаев, когда с момента отсрочки прошел год и более.

Уголовный кодекс Голландии, в ст. 74 приводит перечень условий, которые могут быть выдвинуты прокурором до судебного разбирательства для прекращения уголовного преследования: выплата определенной суммы денег государству, отказ от права на арестованные предметы, подлежащие конфискации или изъятию из обращения, отказ от предметов, подлежащих конфискации, или выплата государству их оцененной стоимости, полная выплата государству суммы денег или передача предметов, на которые наложен арест, чтобы лишить обвиняемого полностью или частично прибыли, полученной в результате совершения преступления, включая экономию на затратах, полная или частичная компенсация ущерба, вызванного уголовным преступлением⁴.

В Бельгийском уголовном законодательстве прокурор на досудебной стадии уголовного процесса определяет размер денежной суммы, подлежащей уплате в казну государства, и срок уплаты, при этом определяемая сумма не должна превышать максимального размера штрафа, если он предусмотрен уголовным законом за совершенное виновным лицом преступление⁵. Кроме того, прокурор вправе предложить обвиняемому осуществить компенсацию судебных издержек и передать государству подлежащие конфискации предметы.

¹ Уголовный кодекс Австрии. Принят 29 января 1974 г.: Вступил в силу с 1 января 1975 г.: С изменениями и дополнениями на 1 мая 2003 г.: Перевод с немецкого / Пер.: Вихрова Л.С.; Предисл.: Фабрици Э.О.; Науч. ред. и вступ. ст.: Милуков С.В. - С.-Пб.: Юрид. центр Пресс, 2004. - 352 с.

² Косилова Д.А., Позднышев М.А. Анализ законодательства зарубежных стран: Основания освобождения от уголовной ответственности // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: сб. ст. по мат. XLIII междунар. студ. науч.-практ. конф. № 6(42). URL: [https://sibac.info/archive/social/6\(42\).pdf](https://sibac.info/archive/social/6(42).pdf) (дата обращения: 27.05.2017)

³ Уголовный кодекс Франции / пер. Н. Е. Крыловой. СПб., 2002.

⁴ Уголовный кодекс Голландии / пер. И. В. Мировой; науч. ред. Б. В. Волженкин. СПб., 2000.

⁵ Головки Л. В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. С. 133–134.

Таким образом, российское уголовное законодательство схоже с общей линией европейского уголовного права в формулировании особых видов освобождения от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности. Вместе с тем оно содержит свои уникальные положения. К таким положениям относится прежде всего ч. 2 ст. 76.1 УК РФ.

Рассматривая зарубежное уголовное законодательство в качестве положительного примера противодействию преступности в сфере экономики, нельзя не согласиться с исследователями, которые предлагают силой уголовно-правовой нормы решить основную задачу – возмещение ущерба от преступления, возмещение причиненного вреда. В данном случае следует вести речь не только о совершении обязательных выплат в бюджеты разных уровней, но и о возмещении реального причиненного вреда от преступления. Следует помнить, что преступления в сфере экономической деятельности нарушают не только интересы государства, но и граждан и иных субъектов экономической деятельности.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.04.2017)/ СПС «Консультант Плюс».
2. Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. С. 133-134.
3. Головкин П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германии. Научно-практический комментарий и перевод текста закона. Потсдам, 2012. С. 305.
4. Матвеева Я.М. Проблемы освобождения от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности. Правоведение, 2014, № 1 (312). С.169-171.
5. Уголовный кодекс Австрии. Перевод с немецкого: Вихрова Л.С. Науч. ред. Милуков С.В. Спб. 2004. С. 352.
6. Уголовный кодекс Испании / Под ред. Кузнецова Н.Ф., Решетникова Ф.М. М.: Зерцало, 1998. С. 218.
7. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной республики Германии: текст и научно-практический комментарий // Под ред. А. И. Рагога. М.: Проспект, 2010. С.280.
8. Уголовный кодекс Франции / пер. Н. Е. Крыловой. СПб., 2002. С. 207.
9. Уголовный кодекс Голландии / Под ред. Волженкина Б.В. Спб, 2000. С. 198.
10. Хачатрян А.К. Освобождение от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2014.

Вопросы создания первых уголовных законов на Ближнем Востоке и в Европе.

Представляется, что возникновение уголовного законодательства было обусловлено определенными факторами. Исследование отдельных уголовно-правовых норм древних государств Ближнего Востока и Европы, позволит понять значение влияния социально-политических общественных отношений на историю уголовного права.

Первый кодекс, содержащий уголовно-правовые нормы был создан в государстве шумеров, правителем которого был Ур-Намму. Кодекс Ур-Намму, созданный в 21 веке до н.э., является не только первым из известных человечеству кодексов, в котором содержатся уголовно-правовые нормы, но и отражением социально-политической ситуации древнего Шумера. Законы Ур-Намму предваряются прологом, описывающим божественную природу царской власти и законодательства. Смертной казни подлежали убийца и человек, взявший силой чужую жену. В случае супружеской измены по инициативе женщины, она подлежала смертной казни, а ее любовник освобождался от наказания. Рабыня, проклявшая человека по указанию своей госпожи, подлежала наказанию в виде промывания рта солью¹.

Уголовное законодательство постоянно развивалось древними ближневосточными учеными. Так, законодательство Хаммурапи, созданное через три века после кодекса Ур-Намму, содержит целый ряд составов преступлений. В случае, когда одно лицо предъявляло другому лицу обвинение в совершении преступления, но не могло доказать свои слова - обвинитель подвергался смертной казни. Данный вид наказания назначался и лицу, признанному виновным в совершении кражи из храма, а равно лицу, получившему похищенное из храма имущество. За кражу скота полагался денежный штраф, невыплата которого влекла смертную казнь. Лицо, с целью совершения хищения проделавшее дыру в стене дома, подлежало смертной казни возле этой дыры².

Учитывая, что в кодексе Ур-Намму и Законах Хаммурапи, обосновывалось божественное происхождение власти и законодательства, следует сделать предположение, что уголовно-правовые нормы изначально содержались в религиозных текстах, и лишь затем были кодифицированы. Так, например, древнееврейское уголовное право невозможно представить без таких его источников, как Библия и Талмуд. При этом второй выступал в роли комментария к первой. Для законодательства Моисея была характерна доктрина равенства перед судом, гарантии справедливого процесса и приговора. В отличие от иных уголовно-правовых источников своего времени, законодательство Моисея обеспечивало правовую защиту всех категорий населения, в том числе и рабов. Античные люди считали наделенными волей и сознанием всех живых существ. По этой причине вол, лишивший человека жизни, подлежал казни. В древнем

¹ См.: Mesopotamian Law / Chris Crawford's Random Ruminations on Irrelevant Topics. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.erasmatazz.com/library/the-mind/history-of-thinking/early-civilization/mesopotamian-law.html> (дата обращения 23.05.2017)

² См.: The Code of Hammurabi. P.5-7 / Constitution society. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.constitution.org/ime/hammurabi.pdf> (дата обращения 23.05.2017)

еврейском праве была развитая теория вины, которой были известны умысел, неосторожность и случай¹.

У древних евреев была развитая система наказаний. Самым распространенным наказанием выступала порка. Служитель синагоги наносил удары кнутом осужденному, в то время как трое судей следили за исполнением приговора: один читал священные тексты, второй считал удары, а третий определял возможность осужденного вынести очередной удар. Смертная казнь осуществлялась четырьмя способами: забивание камнями, сожжение заживо, удушение и обезглавливание. В первом случае, обнаженного осужденного отводили на место казни, где сбрасывали его с эшафота. Если осужденный выживал после падения, то его добивали камнями. Сожжение было более редкой формой казни. Осужденному в рот заливали расплавленный свинец, и смерть наступала из-за ожогов внутренних органов. Обезглавливание производилось мечом, а удушение – шарфом или веревкой. Распятие на кресте не применялось древними евреями. Данная форма казни были характерна именно для римлян. Смертная казнь по древнееврейскому уголовному праву применялась в качестве наказания за кровосмешение, за соблазнение обрученной с другим женщины и в ряде иных случаев².

Возникновение первого уголовного законодательства в Европе является заслугой греков. Временем создания Драконтовых Законов являются примерно 621-620 гг. до н.э. Первоначальные тексты данных законов размещались на деревянных блоках – аксонах, но впоследствии были перенесены на мраморную стелу, которая была обнаружена археологами в 1880-х годах. Данная стела была серьезно повреждена, однако изучение цитат судебных речей, записанных в Афинах в V и IV веках до н.э. позволили осуществить частичную реконструкцию содержания данного нормативного правового акта³.

Причиной принятия Драконтовых законов была неудачная попытка захвата власти Килоном и его сторонниками. Афинские аристократы пользовались тем, что не было письменных нормативных правовых актов и судьи на основе неписаного права решали спорные дела в их пользу. Постепенно происходило разорение бедных слоев населения аристократией. Чемпион Олимпийских игр Килон, решил поднять мятеж среди афинского населения и стать правителем государства, однако его план потерпел поражение. Сторонники Килона были жестоко убиты, что породило продолжительную кровную месть в Афинах⁴.

Следует обратить внимание, что в Законах Драконта рассматривается вопрос уголовной ответственности за неумышленное убийство, наказанием за которое являлось изгнание из Афин. Дело в том, что архонты, принявшие решение об убийстве сторонников Килона, могли сослаться на то, что не имели умысла на убийство. В Законах Драконта предусмотрена уголовная ответственность и наказание в виде изгнания для тех, кто отдал приказ совершить убийство. При отсутствии данной нормы, архонты могли попытаться избежать

¹ См.: Max May, *Jewish Criminal Law and Legal Procedure*, 31 *Am. Inst. Crim. L. & Criminology* (1940-1941) P. 438-440. [Электронный ресурс]: URL: <http://scholarlycommons.law.northwestern.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2985&context=jclc> (дата обращения 23.05.2017)

² См.: Max May, *Jewish Criminal Law and Legal Procedure*, 31 *Am. Inst. Crim. L. & Criminology* (1940-1941) P. 441-442. [Электронный ресурс]: URL: <http://scholarlycommons.law.northwestern.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2985&context=jclc> (дата обращения 23.05.2017)

³ См.: Thür Gerhard. *Fundamina* 20 (2) 2014 ISSN: Print 1021-545X. Unisa Press. P. 916 [Электронный ресурс]: URL: <http://www.scielo.org.za/pdf/funda/v20n2/40.pdf> (дата обращения 23.05.2017)

⁴ См.: Loizides, Antonios. "Draco's Law Code." *Ancient History Encyclopedia*. Last modified June 12, 2015. [Электронный ресурс]: URL: http://www.ancient.eu/Dracos_Law_Code/ (дата обращения 23.05.2017)

ответственности, указав, что непосредственно не принимали участия в убийстве сторонников Килона. Изгнание ряда архонтов позволило прекратить затянувшуюся кровную вражду среди афинян¹.

Уголовно-правовые нормы содержали и Законы двенадцати таблицы, созданные в Риме примерно в 450 г. до н.э. Законы IV, V и VI второй таблицы посвящены вопросам правомерности причинения вреда дневному или ночному вору, застигнутому при попытке совершения кражи. Таблица седьмая была посвящена собственно вопросам преступления и наказания. Лицо, вызывавшее посредством колдовства неурожай, приносилось в жертву богине Церере. Лицо, которое дало ложные показания, должно было быть сброшено с Тарпейской скалы. Убийца родственника по восходящей линии подлежал утоплению в мешке².

Существует предположение, что данные таблицы были написаны в качестве ответа на протесты плебеев, утверждавших, что судьи-аристократы безнаказанно их дискриминируют, решая юридические споры, исключительно на основе неписанных правил³.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что первые в истории уголовно-правовые нормы, созданные на Ближнем Востоке, были непосредственно связаны с нормами религиозными. Законодатель особо подчеркивал божественное происхождение царской власти и законодательства, в том числе и уголовного. Так, древнееврейская уголовно-правовая мысль была неотделима от положений Библии и ее комментария – Талмуда. Представляется, что главной причиной возникновения уголовно-правовых норм в древних государствах Ближнего Востока являлась необходимость усиления царской власти и влияния религии.

Уголовное законодательство в Европе возникло иначе, чем на Ближнем Востоке. Драконтовы Законы и Законы двенадцати таблиц, были созданы в первую очередь, как ответ на социальные противоречия различных слоев населения. Необходимость преодоления конфликта аристократов и остального населения привела к возникновению первых уголовных законов Европы.

Список использованных источников.

1. Loizides, Antonios. "Draco's Law Code." Ancient History Encyclopedia. Last modified June 12, 2015. [Электронный ресурс]: URL: http://www.ancient.eu/Dracos_Law_Code/ (дата обращения 23.05.2017)
2. Max May, Jewish Criminal Law and Legal Procedure, 31 Am. Inst. Crim. L. & Criminology (1940-1941). [Электронный ресурс]: URL: <http://scholarlycommons.law.northwestern.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2985&context=jclc> (дата обращения 23.05.2017)
3. Mesopotamian Law / Chris Crawford's Random Ruminations on Irrelevant Topics. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.erasmatazz.com/library/the-mind/history-of-thinking/early-civilization/mesopotamian-law.html> (дата обращения 23.05.2017)

¹См.: Thür Gerhard. Fundamina 20 (2) 2014 ISSN: Print 1021-545X. Unisa Press. P. 920 [Электронный ресурс]: URL: <http://www.scielo.org.za/pdf/funda/v20n2/40.pdf> (дата обращения 23.05.2017)

²См.: The Laws of the Twelve Tablets / Constitution society. [Электронный ресурс]: URL: http://www.constitution.org/sps/sps01_1.htm (дата обращения 23.05.2017)

³См.: "Twelve Tables." / The Columbia Encyclopedia, 6th ed.. . Encyclopedia.com. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.encyclopedia.com/social-sciences-and-law/law/law-divisions-and-codes/twelve-tables> (дата обращения 23.05.2017)

4. The Code of Hammurabi. P.5-7 / Constitution society. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.constitution.org/ime/hammurabi.pdf> (дата обращения 23.05.2017)

5. The Laws of the Twelve Tablets / Constitution society. [Электронный ресурс]: URL: http://www.constitution.org/sps/sps01_1.htm (дата обращения 23.05.2017)

6. Thür Gerhard. Fundamina 20 (2) 2014 ISSN: Print 1021-545X. Unisa Press. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.scielo.org.za/pdf/funda/v20n2/40.pdf> (дата обращения 23.05.2017)

7. "Twelve Tables." / The Columbia Encyclopedia, 6th ed.. . Encyclopedia.com. [Электронный ресурс]: URL: <http://www.encyclopedia.com/social-sciences-and-law/law/law-divisions-and-codes/twelve-tables> (дата обращения 23.05.2017)

Темиржанова Л.А.,
К.ю.н., ведущий научный сотрудник
Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре
Республики Казахстан
Каиржанова Д.К.
Старший научный сотрудник
Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре
Республики Казахстан

Совершенствование законодательства Республики Казахстан в борьбе с мошенничеством в сфере недвижимости.

Вопросам собственности Республика Казахстан государство придает особое значение. Так, в части 3 ст.26 Конституции указано «Никто не может быть лишен своего имущества иначе, как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд в исключительных случаях, предусмотренных законом, может быть произведено при условии равноценного его возмещения»¹.

Вместе с тем, имеющиеся недоработки, пробелы законодательства позволяют мошенникам ими воспользоваться и проворачивать различные аферы с недвижимостью.

В целом, согласно статистическим данным, предоставленным Комитетом правовой статистики и специальных учетов Генеральной прокуратуры Республики Казахстан количество зарегистрированных мошенничеств за период с 1998 по 2016 годы возросло в 10 раз с 3047 до 30358².

Причиненный ущерб за 5 лет с 2011 по 2016 годы вырос в 40 раз с 0,8 млрд. до 33 млрд. тенге. В том числе причиненный ущерб за 2015 по 2016 годы от мошенничества в 1,8 раз выше причиненного ущерба от краж за 2015 по 2016 годы.

Судами Республики в сфере недвижимости рассмотрено, к примеру, за 2015 год 45 (117) уголовных дел в отношении 55 (157) лиц, из которых 39 (131)

¹ Конституция Республики Казахстан. 30 августа 1995 года. – Алматы: ТОО «Издательство «НОРМА-К», 2002. – 40с.

² Статистические материалы КПСиСУ ГП РК за период с 1998 по 2016гг.

лиц осуждены к лишению свободы, 6 (13) - к условной мере наказания, 1 (19) - к ограничению свободы. В том числе, по долевному строительству в 2016 году по 7 делам состоялись приговоры (осуждены 19 лиц); 5 дел находятся на рассмотрении судов (должностные лица ТОО «Инженерно-сервисная компания», ТОО «ОралДизайнСтройсервис», ТОО «КазгазАстана НС», ТОО «НМ-Астана Курылыс», ТОО «Алга токбулат»); 3 дела (должностные лица ЖСК «Толенды», АО «Tamiz Invest Group», ТОО «Black Gold Development», ТОО «Комфортный дом») в производстве органов уголовного преследования; 5 дел прекращены (Астана, Алматы, Жамбыл, Кокшетау; встречные заявления).

Так, приговором Кокшетауского горсуда от 24.11.2015 года К. осуждена по ст.190 ч.3 п.1 УК с применением ст.55 ч.2 п.2 УК к 4 годам 8 месяцам лишения свободы с конфискацией имущества с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима.

25 апреля 2012 года в г.Кокшетау К., имея преступный умысел, направленный на хищение чужого имущества, обманным путем в группе лиц по предварительному сговору совместно с другим лицом пообещала Ш. предоставить трехкомнатную квартиру через аукцион, проводимый АО «Темир банк», и таким образом похитила у нее 6.500.000 тенге.

Аналогичным способом ею совершены преступления в отношении 45 лиц, которым она обещала помочь приобрести квартиры через аукционы и госпрограммы по низким ценам.

Здесь налицо желание потерпевших, во что бы то ни стало приобрести за копейку какие-либо льготные квартиры и пр., желание, обходя закон получить квартиры, быть обманутыми.

Проведенный анализ показал, что наиболее распространенные виды мошенничества в сфере недвижимости:

- выкуп из банка залогового имущества по выгодной цене;
- составление фиктивных договоров о купле-продаже;
- под видом открытия совместного бизнеса, квартира или дом жертвы закладывается в банке для получения кредита. В дальнейшем мошенник (созаемщик) перестает оплачивать кредит, и скрывается с полученной суммой, а квартира потерпевшего отходит банку.

В текущем году в Актюбинской области задержана жительница г.Астана, которая обманным путем, под предлогом продажи арестованных судом квартир, находящихся в собственности банка, завладела денежными средствами граждан на общую сумму 46 млн. 525 тысяч тенге. В настоящее время последняя отбывает наказание.

В Алматинской области пресечена преступная деятельность жительницы г.Талдыкорган «Бибану», которая на протяжении года (с апреля 2013 года) совершила 51 факт мошенничества в сфере недвижимости.

Способ завладения деньгами граждан заключался в том, что мошенница, представлялась жертвам влиятельной персоной, имеющей обширные связи и возможности в государственных структурах, в том числе в акимате города, и предлагала за вознаграждение «посодействовать» в приобретении квартиры в рамках Государственной программы.

«Подготовленную» таким образом жертву мошенница приводила в заблаговременно арендованную квартиру, где окончательно убеждала в реальности ее приобретения по льготной цене, а получив «вознаграждение» (расходы на решение вопроса), пропадала из поля зрения.

В настоящее время отсутствует нормативное закрепление разграничения уголовно-наказуемых деяний от гражданско-правовых отношений, в связи с этим

складывается неоднозначная судебная практика назначения наказаний за мошенничество. **По нашему мнению, необходимо:**

А) В проекте нового разрабатываемого Нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан: «О судебной практике по делам о мошенничестве», *(в настоящее время действует Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 11 июля 2003 года №8 «О судебной практике по делам о хищениях» с изменениями, внесенными нормативными постановлениями Верховного Суда РК от 25.12.2006 №12; от 21.04.2011 № 1)*

- систематизировать, разделить по блокам, группам способам совершения мошенничества и разъяснения по судебной практике (к примеру, мошенничество в сфере государственных закупок и т.д);

- детально разграничить понятие обман и злоупотребление доверием;

- поскольку наличие договорных отношений является одним из прикрытий совершения мошеннических действий, необходимо четко разграничить уголовные правонарушения от гражданско-правовых сделок. Б) Дополнить ст.190 УК РК примечаниями в зависимости от видовых объектов посягательства (по примеру УК РФ *(ст. 159) и ФРГ (по квалифицирующим признакам)*).

Так, ввести ст.190.1. мошенничество в сфере дистанционного банковского обслуживания, в предоставлении банковских услуг; ст.190.2 мошенничество в сфере страховой деятельности; ст.190.3 мошенничество в сфере кредитования;

ст.190.4 мошенничество при получении выплат; ст.190.5 мошенничество в сфере предпринимательской деятельности; ст.190.6 мошенничество в сфере компьютерной информации; ст.190.7 мошенничество при капиталовложении
ст.190.8 мошенничество в сфере недвижимости

В) Необходимо по нашему мнению создать для граждан условия гарантированного исполнения обязательств. В этой связи в ст.19 Закона РК «О долевом участии в жилищном строительстве», от 07.04.2016г. №486-V вступивший в силу в октябре 2016 года дополнить п.12, в следующей редакции «при строительстве многоквартирных домов обязательно страхование гражданско-правовой ответственности строительной компании перед дольщиками».

Внедрение такой практики в рамках добровольного страхования может быть целесообразным при условии максимально продуманных и урегулированных условий страхования, включая определение страхового случая, ограничений обязательств страховой компании и др.

Г) Во избежание фактов переоформления квартир в преступных целях, предотвращения совершения мошенничества самими риэлторами полагаем назревшим принятие Закона «О риэлторской деятельности в Республике Казахстан», при этом всецело разделяем мнение Президента Объединенной ассоциации риэлторов Казахстана Елены Грива и полагаем целесообразным:

- ввести финансово-бухгалтерский учет по всем поступающим денежным средствам в агентствах недвижимости;

- разработать механизм по принятию мер, направленных на возмещение ущерба, причиненного деятельностью риэлторских фирм (создание финансовых резервов, договоров о полной материальной ответственности каждого агента по недвижимости);

- вести единый учет по риэлторам, единую базу риэлторов в целях их персональной ответственности и отслеживания ситуации с недвижимостью и добросовестностью работы риэлторов.

Список использованных источников.

1. Конституция Республики Казахстан. 30 августа 1995 года. – Алматы: ТОО «Издательство «НОРМА-К», 2002. – 40с.
2. Статистические материалы КПСиСУ ГП РК за период с 1998 по 2016гг.

Шуранова О.В.

кандидат юридических наук
Академия ФСИН России

Смертная казнь и пожизненное лишение свободы: вопросы рецепции в российское уголовное и уголовно-исполнительное законодательство.

Россия, вступая в Совет Европы в 1996 г., подтвердила свою готовность скорректировать целый ряд законодательных актов, противоречащих положениям Конвенции по правам человека, и привести своё законодательство и политическую систему в соответствие с европейскими нормами.

Новый уголовный закон вступил в силу с 1 января 1997 г., и хотя он сохранил, ранее выработанные каноны и черты советского уголовного права, его позиция в отношении назначения уголовных наказаний значительно изменилась в сторону смягчения наказания и разнообразия видов наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

Несмотря на то, что смертная казнь, как вид уголовного наказания, закреплена в Конституции РФ и осталась в новом Уголовном кодексе, 16 апреля 1997 г. Россия подписала Протокол № 6 к Конвенции о защите прав и основных свобод относительно отмены смертной казни (в мирное время). Данный протокол в итоге так и не был ратифицирован Россией, однако с этого момента смертную казнь в России применять запрещено.

Волна терактов, прокатившихся по территории Российской Федерации с 1998 по 2016 г. унесла жизни тысяч человек, в том числе детей, сотрудников правоохранительных органов, представителей государственной власти. Имущественный ущерб, причиненный действиями террористов исчисляется в миллиардах рублей. Такое положение вещей не могло не взволновать общественность и заставило заново заговорить о возобновлении смертной казни за тяжкие и особо тяжкие преступления.

Однако Конституционный суд признал невозможность назначения смертной казни, мотивировав это тем, что «в результате длительного моратория на применение смертной казни сформировались устойчивые гарантии права человека не быть подвергнутым смертной казни и сложился конституционно-правовой режим, в рамках которого с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни, как исключительной меры наказания, носящей временный характер («впредь до её отмены») и допускаемой лишь в течение определенного переходного периода, то есть на реализацию цели, закрепленной статьей 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации».

Реакция на разъяснения Конституционного суда даже среди судей была неоднозначной. Многие из них выразили особое мнение по вопросу не применения смертной казни в России.

Судья Конституционного Суда РФ Ю.Д. Рудкин с данным решением не согласился и высказал особое мнение, которое заключалось в том, что предписание пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда

Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П без специального разъяснения может породить противоречивую правоприменительную практику по вопросу о возможности назначения наказания в виде смертной казни после введения судов с участием присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации.

Неоднозначное понимание этого предписания, считает заявитель, обусловлено тем, что Российской Федерацией в соответствующих правовых формах выражено согласие с международно-правовыми актами, направленными на отмену смертной казни в мирное время: в частности, подписав 16 апреля 1997 года Протокол № 6 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Российская Федерация обязана, как того требует статья 18 Венской конвенции о праве международных договоров, воздерживаться от действий, которые лишили бы данный Протокол его объекта и цели, до тех пор, пока не выразит своего намерения не стать его участником; между тем до настоящего времени Российская Федерация не ратифицировала Протокол № 6, но и не выразила своего намерения не стать его участником.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации смертная казнь может назначаться только единогласным решением суда присяжных, созданного в каждом субъекте РФ. На момент окончания моратория такой суд присяжных не был создан только в Чеченской Республике. Субъект, осознав груз ответственности, сформировал состав суда присяжных, который начал функционировать с 1 января 2010 года.

Таким образом, по мнению Ю.Д. Рудкина, Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П четко определяет условия, при наступлении которых наказание обвиняемым в преступлениях, за совершение которых предусмотрена смертная казнь, назначаться может.

Тем не менее, пресс-секретарь Верховного суда Павел Одинцов, комментируя решение Конституционного суда России, сказал, что «Конституционный суд поставил точку в споре о дальнейшей судьбе такого вида наказания, как смертная казнь. В нашем случае появилась правовая определенность в том, как действовать судам общей юрисдикции в данном случае».

Некоторое определяющее значение имеет мнение действующего президента России В.В. Путина. Его точка зрения весьма ясна и категорична. «Государство не может присваивать себе право, которое может принадлежать только Всевышнему – лишать человека жизни». Ужесточая наказание за преступление, отметил Путин, государство «не устраняет жестокость, а порождает ее вновь и вновь». При этом, по мнению президента, смертная казнь является «даже не наказанием, а мстью». Вместе с тем Путин, ссылаясь на социологические опросы, констатировал, что «подавляющее большинство» россиян выступают за возврат к смертной казни. Президент подчеркнул, что понимает этих людей, поскольку «страна находится на переломном этапе развития», при котором многие моральные ценности прежнего периода устарели, а новые – довольно медленно завоевывают души людей. Остается надеяться, что смертная казнь в России будет юридически отменена, но это произойдет лишь тогда, когда для этого созреют условия.

На сегодняшний день ситуация выглядит следующим образом – российские суды не применяют смертную казнь, назначая альтернативную меру наказания в виде пожизненного лишения свободы. Особо опасные преступники продолжают жить – пусть даже в строгой изоляции от общества, а государство и общество, которым они нанесли непоправимый ущерб, обязаны содержать до конца их

жизни, на денежные отчисления налогоплательщиков, в том числе и пострадавших от действий преступников.

За годы неприменения смертной казни в качестве уголовного наказания и гуманизацией иных видов государственного принуждения у общества притупился страх перед наказанием. Анализ статистических данных о преступности в Российской Федерации свидетельствует, что на протяжении 2011-2016 годов количество регистрируемых преступлений колебалось в границах 1,9-2,3 млн. При этом удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений по статистике МВД России в 2011 г. составил 25,3 %, в 2012 г. – 24,8 %, в 2013 г. – 24,4 %, в 2014 г. – 24,3 %, в 2015 г. – 21,8 %, в 2016 г. – 21,2.

В число этих преступлений входят преступления террористической и экстремистской направленности, за которые уголовным законодательством России предусмотрено наказание в виде пожизненного лишения свободы. Так вот анализ российской статистики показывает стремительный рост таких преступлений, что вызывает серьезное беспокойство со стороны государства, правоохранительных органов и общественности. Так если в 2011 г. было зарегистрировано 622 преступления террористического характера и 622 – экстремистской направленности, то в 2012 г. количество указанных преступлений составляет 637 и 696, в 2013 г. – 661 и 896, в 2014 г. – 1127 и 1024, в 2015 г. 1531 и 1308, а к 2016 г. число указанных преступлений достигло 2227 и 1450 соответственно.

Статистика применения наказания в виде пожизненного лишения свободы за последние 5 лет выглядит следующим образом: в 2011 г. – 62 человека, из них: по ч. 2. ст. 105 УК РФ – 59 человек, по ч. 3. ст. 205 УК РФ – 2 человека; по ст. 317 УК РФ – 1 человек; в 2012 г. – 56 человек, из них: по ч.2. ст. 105 УК РФ – 52 человека, по ч. 3. ст. 205 УК РФ – 1 человек; по ст. 317 УК РФ – 3 человека; в 2013 г. – 61 человек, из них: по ч.2. ст. 105 УК РФ – 57 человека, по ч. 4. ст. 205 УК РФ – 4 человек; в 2014 г. – 61 человек, из них: по ч.2. ст. 105 УК РФ – 55 человек, по ч.4. ст. 132 УК РФ – 1 человек, по ч. 3. ст. 205 УК РФ – 5 человек; в 2015 г. – 53 человека, из них: по ч.2. ст. 105 УК РФ – 50 человек, по ч. 3. ст. 205 УК РФ – 3 человека; в 2016 г. (данные за 1 полугодие) – 38 человек, из них: по ч.2. ст. 105 УК РФ – 28 человек, по ч. 2. ст. 205 УК РФ – 2 человек; по ст. 295 УК РФ – 5 человек, по ст. 317 УК РФ – 3 человека.

В Российской Федерации по состоянию на 1 марта 2017 г. в 6 исправительных колониях для осужденных к пожизненному лишению свободы и лиц, которым смертная казнь в порядке помилования заменена лишением свободы отбывало наказание 2 019 чел.

По уголовному законодательству Российской Федерации пожизненное лишение свободы устанавливается за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, а также за совершение особо тяжких преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, общественной безопасности, половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста. В настоящее время УК РФ насчитывает 19 составов преступлений, за которые может быть назначено пожизненное лишение свободы.

Споры об эффективности и адекватности такого вида наказания, как пожизненное лишение свободы, разгораются в России с завидной регулярностью. Дошло до того, что некоторые из пожизненников выступают в СМИ с инициативой лишить их жизни, поскольку отсутствие надежды на возвращение в общество для них невыносимо. Даже оставив за скобками возможность неискренности этих заявлений (и допустив, что они имеют цель привлечь к себе внимание), зададимся вопросом: так ли уж необходимо государству в ходе осуществления этого вида

наказания идти до логического конца, не предоставить ли этим людям шанс, может быть, последний в жизни?

Ни УИК РФ, ни Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений не дают полного и точного представления о том, каковы особенности исполнения (отбывания) пожизненного лишения свободы. Очевидно, что основной проблемой при исполнении пожизненного лишения свободы является достижение цели наказания. Поскольку последнее не ограничивается конкретным предельным сроком, многие специалисты считают, что при его назначении и исполнении не ставится цель исправления осужденного, то есть преследуется только цель специальной и общей превенции.

Данные же многочисленных исследований, проведенных как в России, так и за рубежом, показывают, что эффективным исправительное воздействие при лишении свободы бывает в первые 6-8 лет отбывания наказания. Далее результативность мер социального предупреждения преступлений снижается, происходит регресс личности, что приводит к невозможности социальной реабилитации осужденных и применения к ним условно-досрочного освобождения. Иными словами, если после 8-летнего заключения у осужденного не изменяются в лучшую сторону условия содержания (при условии его примерного поведения), то пропадает мотивация к исправлению. Более того, с увеличением отбытого срока у осужденных утрачивается чувство вины за совершенное деяние.

Очевидно, что низкий образовательный и интеллектуальный уровень осужденных, недостаточная включенность их в социальные связи, отсутствие навыков общественно полезной трудовой деятельности, неудовлетворенность своим социальным положением являются факторами, препятствующими эффективному исправительному воздействию. Находясь в трудоспособном возрасте, большая часть осужденных к пожизненному лишению свободы не занята трудом (в основном из-за отсутствия работы), не учится, что, безусловно, снижает эффективность исправительного процесса и препятствует закреплению социальных ролей, установок, характерных для данного возрастного периода. Осужденные отличаются повышенной внутренней напряженностью и агрессивностью, серьезными морально-нравственными дефектами, устойчивыми асоциальными установками, эмоциональной и социальной отчужденностью. Для них характерны внутренняя недисциплинированность, тревожность, проявление невротических реакций.

Полагаем, что на данном этапе развития института пожизненного лишения свободы особо актуальным является создание системы социальных перспектив для осужденных в зависимости от их поведения и отбытого срока. В этих целях представляется целесообразным предусмотреть возможность снижения срока условно-досрочного освобождения.

При рассмотрении этого вопроса можно ориентироваться на п.12 Резолюции (76)2 Комитета Министров Совета Европы, которая содержит рекомендации о пересмотре приговора к пожизненному лишению свободы после отбытия срока от 8 до 14 лет, при этом пересмотр должен повторяться через определенные промежутки времени. С учетом российских условий мы рассматриваем возможность установления этого срока в пределах 15 лет.

Каждый пожизненно осужденный должен пройти жесткую процедуру оценки, прежде чем он вернется в общество.

На сегодняшний день Россия, пожалуй, единственная страна, на которую оказывается столь серьезное давление со стороны мировой общественности, международных и общественных организаций. Очевидно навязывания нам выгодных для Запада требований – условий, имеющих больше политическое

значение, нежели заботу за моральный облик и цивилизованность нашего отечества. Нам следует ориентироваться на собственный опыт, формируемый нашими социально-экономическими условиями, исходить из нашего менталитета и особенностей развития. Больше доверять собственному здравому смыслу. Мы должны найти свое решение по этой проблеме, и оно не может быть универсальным, то есть годным на все времена и для всех народов мира.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, хотелось отметить следующее. Наличие смертной казни как вида уголовного наказания в Конституции Российской Федерации, Уголовном кодексе Российской Федерации, отсутствие активности со стороны государства по ратификации Протокола № 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, введение в действие суда присяжных в Чеченской Республике Российской Федерации, и наличие таких судов во всех субъектах РФ, указывают на то, что Россия уже сегодня готова к возобновлению применения смертной казни как вида уголовного наказания за особо тяжкие преступления.

Российская система правосудия при назначении смертной казни и во избежание судебных ошибок (на что в конечном счете сетуют противники смертной казни) на законодательном уровне могла бы использовать опыт зарубежных стран, а именно Японии, в части установления достаточного временного периода с момента вынесения приговора до его исполнения, в течение которого правоохранительные органы проводят дополнительные мероприятия по подтверждению виновности осужденного, а также реализации возможности осужденным своего права на помилование.

Пожизненное лишение свободы как альтернатива смертной казни представляется очень дискуссионным вопросом. Следует ли государству и обществу затрачивать немалые денежные средства на содержание лиц, своими действиями причинивших непоправимый ущерб? С точки зрения экономики это просто не выгодно, общество так же крайне негативно реагирует на данную категорию преступников, поэтому можно сказать, данный вид наказания вызван политической необходимостью и продиктован условиями международных договоров. Как вид уголовного наказания пожизненное лишение свободы не отвечает целям уголовного законодательства в полной мере, восстановлений социальной справедливости и профилактики предупреждения преступления, конечно присутствуют, но исправление осужденного в рамках реализации этого вида наказания не предусматривается. Это усматривается из установленного режима отбывания наказания для такой категории осужденных, не предоставляющего им возможности трудиться и доказать свое исправление, а также практически нулевой показатель условно-досрочно освобожденных лиц, осужденных к пожизненному лишению свободы.

Необходимо пересмотреть на законодательном уровне цели и задачи пожизненного лишения свободы как вида уголовного наказания. На наш взгляд нельзя пренебрегать работой по ресоциализации «пожизненников» и их интеграции в общество, поскольку по истечении соответствующего срока пожизненно осужденные имеют право на условно-досрочное освобождение и помилование.

При условии правильного подхода со стороны государства, учреждений, исполняющих наказание в виде пожизненного лишения свободы, на мой взгляд, необходимо закрепить обязанность пожизненно осужденного преступника оплачивать свое содержание в учреждении. Данная обязанность может быть выполнена при условии осуществления им трудовой деятельности на территории учреждения. В этом в первую очередь должно быть заинтересовано государство, если уж оно из милосердия не лишает человека жизни, за совершенное

преступление, то оно должно предоставить ему возможность искупить свою вину, а также это частично решит вопрос о финансировании содержания пожизненно заключенных.

Список литературы

1. Заключенные, приговоренные к длительному или пожизненному сроку лишения свободы. Международный центр тюремных исследований. PRI. Великобритания, 2000.; Ниилачна М. (эксперт ОБСЕ - Польша). Обращение с лицами, осужденными к пожизненному лишению свободы // Пожизненное лишение свободы: Международные стандарты и практика: Материалы международной научно-практической конференции. Алматы: Фирма Киик, 2003.
2. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Ю.Д. Рудкина // Конституционный Суд Российской Федерации № 1344-о-п
3. Resolution{76}2 on the Treatment of Long-Term Prisoners // Treatment of Long-Term Prisoners. Strasburg, ECCP, 1977.
4. <http://www.cdep.ru/>
5. <https://МВД.РФ/>
6. <http://ФСИН.РФ/>

Воронина Т.В.

к. полит. наук, доцент

Московский православный ин-т св. Иоанна Богослова

Вопросы уголовной ответственности в брачном законодательстве эпохи Петра I.

Вопросами брака со времен крещения Руси занимался церковный суд. С течением времени государство ограничивает сферу церковной юрисдикции. Так, в Соборном Уложении 1649 года было введено урегулирование некоторых брачно-семейных конфликтов. Петровское светское законодательство дополнило и конкретизировало ответственность за нарушения в брачно-семейной сфере. Петр I высочайшими резолюциями на докладные пункты Синода от 12 апреля 1722 года «О предметах, подлежащих светскому суду и Синоду, об отсылке в оные дел, о решении оных, о розыске, наказании и о штрафах за неисповедание, о власти Синода, о неукрывании раскольников, о колокольном звоне в урочное время, о наказаниях за церковные преступления и обидах, наносимых Синоду, и о держании в домах духовных особ других вер с дозволения Святейшего Синода» определил, какие дела должны остаться в компетенции духовного суда, а какие должны перейти в светские. После смерти Петра Великого эти резолюции зачастую на практике не соблюдались¹. Однако эти решения демонстрируют, что государство считало не только возможным, но и необходимым вмешиваться в вопросы церковной регуляции общественной жизни, в том числе в вопросы брачно-семейных отношений.

Отличительной чертой брачного права времен петровского абсолютизма было подавление личности, её интимных желаний в интересах государства. В источниках брачного законодательства Петра I содержатся нормы уголовной ответственности за правонарушения в указанной сфере.

Так, уголовные наказания вводились за вступление в брак раскольников между собой, согласно указу Синода от 15 мая 1722 года. В данном

¹ См.: Законодательство Петра I. М.: Юридическая литература, 1997. С. 716

законодательном акте отразились репрессии против старообрядцев, преступления против религии и церкви¹.

Особые нормы уголовной ответственности предусматривались для военнослужащих. В Артикуле воинском 1715 года, в главе 20, артикулах 169, 170, 173, 176 определяются такие наказания за прелюбодеяние, как тюремное заключение, шпицрутены, каторга, тюремное заключение, смертная казнь. В ряде случаев санкции не имеют конкретики: «наказаны будут, по делу и вине смотря»². Артикулы 171, 172 вводили ответственность за двоеженство с неясной формулировкой «по церковному правилу». Согласно толкованию к артикулу 163, «якобы кто похотел жену свою ... наказать, и оную так жестоко побьет, что подлинно от того умрет»³, убийство жены мужем признавалось неумышленным и каралось с меньшей строгостью.

Хотя Артикул назывался воинским, его действие при Петре Великом распространялось и на членов семей военнослужащих, и, вероятно, в ряде случаев и на гражданских лиц в целом.

Гардемаринам запрещалось жениться без разрешения Адмиралтейской коллегии под угрозой каторги в случае нарушения запрета, что было зафиксировано в Адмиралтейском регламенте 1722 года.

Подобные жесткие ограничения в брачной сфере для военных должны были служить цели укрепления армейской дисциплины, усердию на службе, развитию армии и флота.

В брачном законодательстве применялись и стимулирующие меры. Так, заинтересованность в развитии горного дела в Сибири побудила Петра I разрешить вступать русским женщинам в брак с переселенными туда шведами, христианами другой ветви, называемых иноверцами. Брак православной с переселенцем-иностранцем заключался при условии «под страхом жестокого истязания жену свою в свое исповедание не приводить...», то есть уголовного наказания⁴. Это было отражено в синодальном Указе о разрешении пленным шведам жениться «на русских девках и вдовах» от 23 июля 1721 года и Послании Синода к православным «О беспрепятственном им вступлении в брак с иноверцами» от 18 августа 1721 года.

Брачный статус женщины при Петре I мог повлечь ее насильственный переезд в случае ссылки мужа на поселение, так как по ряду государственных преступлений не соблюдался принцип личной ответственности, которая распространялась на жен и детей. Так, согласно Указу 1699 года, преступники, не подлежащие смертной казни, направлялись в ссылку «в Азов с женами и детьми... на вечное житье»⁵.

Напротив, женам невольников, осужденным на вечную каторгу, была предоставлена возможность получить развод, вновь выйти замуж, что отразилось в Указе от 16 августа 1720 года «О жёнах каторжных невольников»: «а которые сосланы на вечную каторжную работу, тех женам, которые похотят идти замуж, или постричься, или в своих приданных деревнях жить, в том дать им свободу, понеже мужья отлучены вечно, подобно якобы умре»⁶. Таким образом, Петр I

¹ См.: Жильцов А.В. Политические аспекты наказания в уголовной политике Петра I // Правоведение. 2002. №1 (240) С. 206 - 219

² История отечественного государства и права. Учебное пособие для семинарских занятий / под ред. Т.Е. Новицкой. – Ч. I. – М.: Норма: Инфра-М, 2017. С. 313

³ История отечественного государства и права. Учебное пособие для семинарских занятий / под ред. Т.Е. Новицкой. – Ч. I. – М.: Норма: Инфра-М, 2017. С. 312

⁴ Законодательство Петра I. М.: Юридическая литература, 1997. С. 722

⁵ Законодательство Петра I. М.: Юридическая литература, 1997. С. 733

⁶ Законодательство Петра I. М.: Юридическая литература, 1997. С. 719

законодательно вторгся в церковную сферу нерасторжимости брака, внося новое основание для возможности развода.

Элементы гуманности в уголовном регулировании государством времен Петра I брачных отношений можно усмотреть в следующих новеллах законодательства:

- толкование артикула 170 Артикула воинского 1715 года предусматривало смягчение уголовного наказания за нарушение брачной верности в особых личных случаях: «Ежели невинной супруг за прелюбодеющую супругу просить будет и с нею помиритца, или прелюбодеющая сторона может доказать, что в супружестве способу не может получить телесную охоту утолить, то мочно наказание умалить»¹.

- в резолюции на докладные пункты Синода от 12 апреля 1722 года в случае неверности супруга пострадавшая сторона могла или требовать развода, или, после понесения виновной стороной уголовного наказания, сохранить брак². Таким образом, государство в данном случае признавало нарушение супружеской верности и как общественное преступление против нравственности (уголовное наказание было неминуемо), и как личное дело супругов (в браке могло наступить примирение, если пострадавший супруг оказывался в состоянии простить обиду).

- именным указом Синоду от 5 января 1724 года повелевалось «учинить... такое запрещение родителей детей... и рабов и рабынь к брачному сочетанию [...] не принуждали [...] под опасением тяжкого штрафования»³. Наказание – «штрафование» - неопределенно, возможно, могла наступить и уголовная ответственность.

- указ от 19 февраля 1689 года «О неокапывании в землю жён, за убийство мужей их, а об отсечении им голов»⁴ облегчал казнь жёнам-мужеубийцам, выводил это преступление из категории, влекущей наказание с особо устрашающим эффектом, то есть убийство мужа перестало считаться более тяжким преступлением, чем убийство лица, с которым отсутствуют супружеские отношения.

В заключение можно сделать выводы, что светское законодательство Петра I предусматривало ответственность, в том числе и уголовную, за нарушения в брачно-семейной сфере. Петровское законодательство вторгалось в область церковной прерогативы. Для брачного права времен петровского абсолютизма был характерен приоритет интересов государства над личностью, её интимными желаниями. Уголовная ответственность грозила некоторым категориям населения (раскольникам, гардемаринам) за вступление в брак без соблюдения определенных законом условий. Для военных и состоящих с ними в супружестве определялись такие наказания за прелюбодеяние, как тюремное заключение, шпицрутены, каторга, тюремное заключение, смертная казнь. Только под страхом уголовного преследования в случае нарушения условия заключения брака разрешались союзы между православными и христианами других направлений. По ряду государственных преступлений не соблюдался принцип личной ответственности, которая распространялась на жен, которые обязаны были следовать на поселение за мужьями-преступниками (за исключением случаев осуждения супруга на вечную каторгу).

¹ История отечественного государства и права. Учебное пособие для семинарских занятий / под ред. Т.Е. Новицкой. – Ч. I. – М.: Норма: Инфра-М, 2017. С. 314

² Законодательство Петра I. М.: Юридическая литература, 1997. С. 715

³ Законодательство Петра I. М.: Юридическая литература, 1997. С. 716

⁴ Законодательство Петра I. М.: Юридическая литература, 1997. С. 747

Однако в некоторых новеллах законодательства времен Петра I можно усмотреть элементы гуманности в уголовном регулировании государством брачных отношений.

Список использованных источников.

1. Артикул воинский с кратким толкованием. 1715 г. // История отечественного государства и права. Учебное пособие для семинарских занятий / под ред. Т.Е. Новицкой. – Ч. I. – М.: Норма: Инфра-М, 2017. С. 274 – 322
2. Именной указ «О женах каторжных невольников» 1720 г. // Законодательство Петра I. М.: Юридическая литература, 1997. С. 719
3. Именной указ с боярским приговором «О неокапывании в землю жен за убийство мужей их, а об отсечении им голов» 1689 г. // Законодательство Петра I. М.: Юридическая литература, 1997. С. 747
4. Послание Святейшего Синода к православным о беспрепятственном им вступлении в брак с иноверцами. 1721 г. // Законодательство Петра I. М.: Юридическая литература, 1997. С. 719
5. Жильцов А.В. Политические аспекты наказания в уголовной политике Петра I // Правоведение. 2002. №1 (240) С. 206 – 219
6. Законодательство Петра I. М.: Юридическая литература, 1997. – 880 С.
7. История отечественного государства и права. Учебное пособие для семинарских занятий / под ред. Т.Е. Новицкой. – Ч. I. – М.: Норма: Инфра-М, 2017. – 640 С.

Егорова Т.И.

К.Ю.Н.

Академия права и управления
ФСИН России

Глобализационная опасность снижения рождаемости: международное понимание и уголовное право Германии

Глобализация, как неизбежная реальность современной цивилизации, таит в себе значительное число опасностей, которые касаются национальной и международной безопасности, нравственной и религиозной культуры.

Одним из аспектов глобализационных процессов является снижение рождаемости. Один из наиболее низких уровней рождаемости в Европе характерен для Германии.

Еще в 2010 г. в Германии издана нашумевшая книга Т. Саррацина «Германия: самоликвидация», в которой автор на основе данных о миграционных процессах в стране и сведениях о рождаемости делает неутешительные выводы о вырождении немецкой нации.

Историческая ретроспектива позволяет рассматривать отношение общества к рождаемости с точки зрения социальной ответственности государства за население страны. Современные гуманистические тенденции, зародившись в недрах идеалистического мировоззрения, основывающегося на сочувствии и личном сопереживании, отражают степень зрелости общества, ответственного за состояние благополучия каждого гражданина.

Одним из важнейших направлений социальной политики государства является обеспечение необходимого уровня здоровья населения в связи с

общественной безопасностью. Очевидно, что рассматриваемая сфера жизнедеятельности представляется одной из наиболее важных, определяющих возможность существования государства как суверенной организации, имеющей определенную степень постоянного, коренного населения.

В этой связи, стимулирование рождаемости, обеспечиваемой необходимыми социально-правовыми гарантиями, является необходимой предпосылкой охраны общественного здоровья.

Международная дискуссия по вопросу соотношения свободы личности и ответственности за число детей и сроки их рождения, начатая на Международной конференции по правам человека, проходившей в 1968 г. в Тегеране, нашла свое определенное выражение в Концепции прав в области репродукции, которые были определены и приняты в 1994 г. на Международной конференции по народонаселению и развитию в Каире.

Точка зрения Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ) в отношении права женщин контролировать, свободно и ответственно решать вопросы, касающиеся ее половой жизни, пользоваться плодами научного прогресса и его практическими результатами очевидно совпадает с подходами Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ), неоднократно выраженных им в своих постановлениях, относительно учета глубоких моральных ценностей национальных законодательных систем.

В частности, ВОЗ настаивает на первостепенной задаче спасения жизней женщин при оказании медицинской помощи по безопасному прерыванию беременности. Так, в рекомендациях для систем здравоохранения по вопросам политики и практики «Безопасный аборт» отмечается, что медицинская помощь по прерыванию беременности должна иметь статус разрешенной законом медицинской услуги, защитить от общественного осуждения и дискриминации женщин и медицинских работников.

В тоже время, ЕСПЧ связывает обязанность такой медицинской помощи случаями опасности вынашивания беременности для матери или перинатальными отклонениями развития плода. Например, Постановлением ЕСПЧ от 26.05.2011 по делу «R.R. (R.R.) против Польши» (жалоба N 27617/04) состояние болезненной неопределенности относительно заболевания плода синдромом Тернера, сохранения беременности или проведения легального аборта было расценено судом как унижение в соответствии со ст. 3, 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

В своем постановлении от 16.12.2010 по делу «А, В и С (А, В and С) против Ирландии» (жалоба № 25579/05) ЕСПЧ признал наличие конфликта прав матери и прав нерожденного, представляемого государством.

Таким образом, международное здравоохранение и европейское законодательство дополняют друг друга в части уяснения социально-правовой сущности индивидуального регулирования рождаемости.

Определение соотношения национальных приоритетов физического и нравственного благополучия населения в обеспечении прав беременной женщины и нерожденного ребенка разрешается каждым государством с учетом гуманизма и целесообразности.

Анализ уголовного законодательства Германии в части правового обеспечения рождаемости, дает основание полагать, что УК ФРГ обладает существенным ресурсом охраны рассматриваемой сферы отношений.

Значимость повышения рождаемости определяется низким ее уровнем на фоне других европейских стран.

Комплексность нормативных предписаний § 218-219в определяется признанием за нерожденным ребенком права на жизнь (п. (1) § 219).

Данные отношения возникают, по смыслу немецкого законодателя, с момента имплантации, то есть внедрения плодного яйца с помощью ворсинок хориона в слизистую матки. Само состояние беременности, последующее рождение ребенка, уход за ним и воспитание существенно ущемляют право женщины на личную жизнь, наделяют ее дополнительным бременем ответственности. В связи с этим, УК ФРГ признает доставочным основанием для производства аборта только такие обстоятельства, которые настолько серьезны и исключительны, превышают разумные «Opfergrenze» – пределы пожертвования.

Признаки преступлений, связанных с посягательствами на «неродившуюся жизнь», предусмотрены в Разделе 16 «Незаконные деяния против жизни». Их возможно подразделить на:

- 1) нарушения порядка подготовки к прерыванию беременности:
 - §218в «Прерывание беременности ... при неправильном медицинском заключении»;
 - §218с «Нарушение врачебного долга при прерывании беременности»;
- 2) прикосновенность к прерыванию беременности:
 - §219 а «Агитация за прерывание беременности»;
 - §219 в «Сбыт средств для прерывания беременности»;
- 3) непосредственно прерывание беременности (§ 218).

Примечательно, что беременная женщина, согласно п. (3) § 218, также признается субъектом прерывания беременности, за исключением случаев покушения (п. (4)).

Подобная широкая уголовно-правовая поддержка рождаемости основывается, безусловно, на достаточной нормативно-правовой базе, регламентирующей охрану здоровья и репродукцию человека.

Несмотря на большую остроту проблемы низкой рождаемости в Германии, как представляется, не это является определяющим в особом признании и защите неродившейся жизни. Относительно недавнее прошлое государственного участия в ограничении рождаемости представляет особенно чувствительную зону действия права.

В этой связи особый правовой режим охраны нерожденного ребенка имеет существенное значение в поддержке уровня рождаемости одновременно с реализацией гуманистической концепции государства.

Остроушко А. В.,
к.ю.н., доцент, доцент Департамента
«Правовое регулирование экономической деятельности»
Финансового университета при Правительстве РФ

К вопросу о проблеме противодействия склонению детей к суициду посредством сети «Интернет»

В настоящее время повышение числа детских суицидов стало страшной, серьезной проблемой для российского общества.

Президент РФ В. Путин поддержал предложение ужесточить наказание за склонение детей к суициду через соответствующие интернет-сайты и соцсети и назвал "как минимум преступниками" тех, кто продвигает в интернете сайты, пропагандирующие самоубийство¹.

¹ Замахина Т. Путин призвал ужесточить наказание за склонение к суициду // РГ. – 2017. – 9 мар.

К сожалению, официальные цифры детского суицида не приведены в открытом доступе и об их количестве мы имеем возможность судить только по косвенным источникам, так в середине февраля 2017 года вице-спикер Госдумы И. Яровая заявила, что в 2016 году самоубийство совершили 720 несовершеннолетних. По официальным статистическим данным в РФ на 100 тыс. несовершеннолетних приходится 7,2 самоубийства, что при общем количестве несовершеннолетних в РФ порядка 26,4 миллиона человек, по подсчетам дает примерный результат более чем в 2 раза превосходящий данные депутата. Эксперты же озвучивают еще более пугающие данные, так Зампредседателя СПЧ Е. Бобров озвучил цифру - 30 тысяч случаев совершения самоубийств только под воздействием информации из сети «Интернет»¹.

Мы полностью согласны с А. Крениным и С. Васиным в том, что официальные данные не в полной мере отражают реальную статистику убийств и самоубийств². Сомнение вызывает учет самоубийств: "сформировавшееся в период реформ качество российской статистики не дает исследователям возможность сделать вывод, является ли низкая значимость суицидов и малая связь ее с наблюдаемыми уровнями смертности реальным фактом, специфической чертой российской смертности, или же следствием плохого качества статистики, выразившейся в аномально высокой смертности от повреждений с неопределенными намерениями, куда по определению входят и убийства и самоубийства"³.

Если ранее ролями жизни подростка в школе, дома, в подростковой среде являлись теми психологическими факторами, приводящим к самоубийствам, то сегодня огромное влияние на подростка стала оказывать его виртуальная жизнь в сети «Интернет» и другие связанные с информационными технологиями факторы. Можно констатировать, что в последнее время именно информационные технологии оказывают самое сильное влияние на подрастающее поколение, и именно с их помощью всяческими способами пропагандируется суицидальное поведение. По мнению Л. Духаниной тяжело в общей массе определить долю тех, кто совершил самоубийство, играя в опасные игры со смертью через соцсети, поддаваясь на циничные манипуляции взрослых⁴.

В социальных сетях активно действуют группы, в которых содержится пропаганда суицидов среди подростков. На сегодняшний день так же выявлены массовые телефонные рассылки, призывающие несовершеннолетних к действиям, способным нанести вред своему здоровью⁵ и даже рекламные вкладыши в жевательную резинку с призывами к «опасным действиям»⁶.

Назовем лишь «игру» (как ее называют организаторы, прим. А.О.) «Синий кит», она распространяется через социальные сети, она заключается в том, что человек пишет какой-то призыв, добавляя к нему соответствующий хэштег. Затем

¹ Однако, он пояснил, что пока нет возможности проверить достоверность озвученной статистики, но если представить, что это правда, то "это вообще катастрофа" См.: Лебедева Н. Для кураторов "групп смерти" в Сети потребовали сурового наказания // РГ. – 2017. – 9 мар.

² Кренин А., Васин С. «Род смерти не установлен» - ведущая причина насильственной смертности в России // Исследование, выполненное в рамках исследовательского проекта по гранту НИУ ВШЭ «Учитель - ученики» № 05-0029 «Внешние причины смерти в системе приоритетов борьбы за увеличение продолжительности жизни в России»

³ Антонова О.И. Региональные особенности смертности населения России от внешних причин / Автореферат кандидатской диссертации по специальности ВАК 08.00.05, 2007.

⁴ Духанина Л. Детские суициды: бороться не наказанием, а воспитанием. URL: <http://onf.ru/2017/03/21/duhanina-v-borbe-s-detskimi-suicidami-pomogut-uzhestochenie-zakonodatelstva-i-rasshirenje/>

⁵ Бровкина М., Грищенко Н., Скудаева А. Ювенальное горе // РГ. - 2017. - 6 мар.

⁶ Wrigley сняла с продажи 98% жвачки с призывами к «опасным действиям» // RNS. – 2017. – 30 мар.

координаторы игры «Синий Кит» отыскивают по тегам потенциальных участников и предлагают начать играть¹. Первое задание чрезвычайно легкое и действительно создает иллюзию игры: необходимо нарисовать на руке какое-нибудь подобие кита. Затем жертве предлагают выполнять различные задания, которых всего 50. Последнее требование невероятно жестокое - от ребенка требуется совершить самоубийство². Достаточно сложно, практически не возможно родителю, опекунам, учителям отслеживать ситуацию с ребенком, если у него нет полной информации о такого рода «играх».

В связи с ускоренным развитием информационного общества дети, а тем более подростки проходят социализацию, а их личность находит свою реализацию, через социальные сети. Ограничение к телекоммуникациям и социальным сетям не приведет ни к какому результату. По мнению К. Хломова, изоляция детей от сети «Интернет» будет непосредственно тормозить их развитие в целом, ведь там кроется доступ не только к запретной информации, но и к действительно необходимой³. Сложившаяся ситуация преступно настроенные индивиды не могли не воспользоваться сложившейся ситуацией и не продумать свою деятельность уже не в реальном мире, а в виртуальном. И, в первую очередь, под их «прицелом» оказались подростки, проводящие огромное количество времени в социальных сетях.

Школа, общественные организации, государство не в состоянии постоянно контролировать всех детей, эти обязанности всецело лежат на родителях и это неизменно. В то же время, Концепция информационной безопасности детей, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 02.12.2015 № 2471-р ставит приоритетной задачей государства предотвращение распространения в медиасреде призывов на совершение действий, представляющих угрозу жизни и (или) здоровью ребенка, в том числе причинение вреда своему здоровью, суицид. Указ Президента РФ от 01.06.2012 № 761 "О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы" говорит о разработке системы мер по предотвращению подросткового суицида.

Можно сделать вывод, что в сложившейся ситуации в соответствии с документами стратегического планирования от государства требуются конкретные действия по созданию комплекса норм по противодействию распространению информации, представляющей угрозу жизни и (или) здоровью несовершеннолетних, а в идеале всех граждан. Помочь в борьбе с детскими суицидами может введение жесткой ответственности за пропаганду суицида, а также продуманная образовательная политика в отношении защиты детства.

Для реализацию этого в марте 2017 года в Госдуму группой депутатов, возглавляемой И. Яровой были внесены сразу два законопроекта, затрагивающие вопросы о доведении до суицида. Первый законопроект предусматривает ужесточение ответственности за доведение до самоубийства и вводит в УК новую ст. 110.1 под названием «Склонение к совершению самоубийства либо содействие совершению самоубийства». Второй законопроект вводит порядок взаимодействия Роскомнадзора с МВД РФ. Теперь страницы с запрещенным контентом будут не просто блокировать – полиция будет заниматься розыском их создателей. Без этого первый законопроект не имел бы смысла: ведь чтобы возбудить уголовное дело о пропаганде суицида, нужно узнать о существовании этой пропаганды.⁴

¹ Игра «Тихий Дом» является альтернативным названием игры «Синий Кит».

² <http://interesnyefakty.org/igra-siniy-kit>.

³ «Группы смерти» как лакмус. Как родители сами толкают детей в Сеть // Аргументы и факты (Aif.ru) 2017 (Дата обращения: 01.04.2017)

⁴ Все на борьбу с суицидом // Ведомости №4270, 28.02.2017 (дата обращения 03.04.2017)

Законопроекты актуальные и значимые для нашей страны, поддержаны Президентом РФ В. Путиным¹, есть надежда, что в скором времени законопроекты будут приняты и воплощены в реальность. Благодаря таким нововведениям многие преступные деяния будут приостановлены, однако по мнению экспертов¹, эти законопроекты не до конца сбалансированные и даже содержат ряд юридических неточностей. Все проблемы должны решаться комплексно, в том числе с учетом межотраслевых связей с другими отраслями права, особое внимание уделяя связям с информационным законодательством.

Рассматривая проблему с точки зрения информационного законодательства, обратимся к Федеральному закону от 27.07.2006 № 149-ФЗ "Об информации, информационных технологиях и о защите информации", а именно к статье 15.1 часть 5 пункт «в»), где информация «о способах совершения самоубийства, а также призывы к совершению самоубийства» включается в специальный реестр, содержащий информацию, распространение которой запрещено на территории РФ. Это делается с целью ограничения доступа к сайтам в сети «Интернет».

Но даже имеющаяся норма не отвечает требованиям общества, является наскоро приделанной «заплаткой» в законодательстве для решения сиюминутных проблем и порождает довольно серьезные проблемы. Так руководитель Патриаршего центра кризисной психологии М. Хасьминский заявил, что в программу российских школ включено большое количество книг, в которых, по его мнению, пропагандируется суицид. Речь шла о романе Льва Толстого «Анна Каренина», трагедиях Уильяма Шекспира «Ромео и Джульетта» и «Гамлет». «Дело в том, что тема суицида романтизируется в «Ромео и Джульетте», это романтизация суицида конкретная. А мы потом спрашиваем, почему дети нормально относятся к суициду – они пишут сочинения про это», – посетовал представитель РПЦ.²

В связи с этим, 19 марта стало известно, что Роскомнадзор запрещает не только описывать способы совершения самоубийства, но даже указывать причины, по которым человек решил пойти на крайние меры. Считаем, что не стоит данный «всплеск» борьбы с пропагандой суицидального поведения подростков переносить на образование и культуру, ведь нет особых статистик, связывающих литературу и суицид. Мы надеемся, что в ходе обсуждения и принятия законов о борьбе с призывами подростков в социальных сетях к суициду, которые недавно были внесены в Госдуму, будут устранены все противоречия.

Все вышесказанное дает нам возможность сделать следующие выводы:

1) жизнь несовершеннолетних, в частности их социализация, в современном мире напрямую связана с сетью «Интернет» и другими средствами коммуникации. Учитывая развитие информационного пространства, его расширение и отсутствие четко определенных границ, появляются злоумышленники, настраивающие наиболее на просторах сети «Интернет» подростков на суицид, путем использования средств социальной инженерии. Таким деяниям должен быть поставлен надежный заслон, у правоприменителей должен быть реальный инструмент к блокированию данных ресурсов в сети и привлечения виновных к ответственности;

2) законодательная работа в Российской Федерации, которая должны в скором времени устраним пробелы законодательства, должна вестись комплексно,

¹ Газета «Московский Комсомолец (МК)» [Электронный ресурс] // Московский Комсомолец. URL: <http://www.mk.ru/social/2017/03/10/astakhov-nazval-nedostatki-zakonoproekta-yarovoy-po-detskomu-suicidu.html> (дата обращения: 14.03.2017).

² РПЦ требует запрета «Ромео и Джульетты» и «Анны Карениной» из-за пропаганды суицида // Vlasti.net, 06.10.2016 (дата обращения: 03.04.2017)

с привлечением научной общественности, анализом положительного иностранного опыта и с учетом всех аспектов распространения информации о суицидах;

3) должным образом должно уделяться внимание вопросом профилактики суицида, путем использования социальной рекламы, разъяснительной работы, созданием профилактических программ по противодействию вовлечению несовершеннолетних в суицидальные игры;

4) общественность должна вовлекаться в борьбу с суицидальным контентом в сети «Интернет» путем создания общественных объединений («кибердружин»), направленных на выявление и борьбу с распространением информации негативного свойства.

Список использованных источников

1. Антонова О.И. Региональные особенности смертности населения России от внешних причин / Автореферат кандидатской диссертации по специальности ВАК 08.00.05, 2007.

2. Бровкина М., Грищенко Н., Скудаева А. Ювенальное горе // РГ. - 2017. - 6 мар.

3. Духанина Л. Детские суициды: бороться не наказанием, а воспитанием. URL: <http://onf.ru/2017/03/21/duhanina-v-borbe-s-detskim-suicidami-pomogut-uzhestochenie-zakonodatelstva-i-rasshirenje/>

4. Замахина Т. Путин призвал ужесточить наказание за склонение к суициду // РГ. – 2017. – 9 мар.

5. Иванов И.С. Правовая защита детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: расширенный научно-практический комментарий // СПС КонсультантПлюс. 2012.

6. Кренев А., Васин С. «Род смерти не установлен» - ведущая причина насильственной смертности в России // Исследование, выполненное в рамках исследовательского проекта по гранту НИУ ВШЭ «Учитель -ученики» № 05-0029 «Внешние причины смерти в системе приоритетов борьбы за увеличение продолжительности жизни в России»

7. Крылова Н.Е. "Группы смерти" и подростковый суицид: уголовно-правовые аспекты // Уголовное право. 2016. № 4. С. 36 - 48.

8. Лебедева Н. Для кураторов "групп смерти" в Сети потребовали сурового наказания // РГ. – 2017. – 9 мар.

Даурембеков Е.К.

докторант PhD

ЕНУ им. Л.Н. Гумилева,

Республика Казахстан

Проблемы социальной адаптации лиц, в отношении которых применены меры пресечения в виде содержания под стражей.

При изучении индивидуальных особенностей личности лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, требуется проведение углубленного социального, пенитенциарного и постпенитенциарно-психологического анализа, в целях разработки более эффективных мер по адаптации в обществе участников уголовного процесса, в отношении которых применены меры пресечения в виде содержания под стражей.

Индивидуальные, в том числе психологические особенности личности находящейся в следственном изоляторе, проявляющиеся в специфических условиях содержания следственно-задержанных, вызывают особый резонанс, так как они находятся в особых организационно-правовых условиях под жестким режимно-административным. В действительности у лиц, содержащихся под стражей в течении длительного срока, возникает мнение о том, что уже является по сути дела наиболее строгой мерой пресечения, учитывая условия их содержания в следственном изоляторе под воздействием негативных факторов криминальной субкультуры и постепенной психологической и моральной деградации. Полная изоляция человека от общества, кардинально меняет его изнутри. В процессе реализации наказания, уголовное законодательство перед собою ставит цели восстановления социальной справедливости, исправления человека, предотвращения совершения новых уголовных правонарушений. В тоже время, по своему внутреннему содержанию, меры пресечения, связанные с изоляцией лица от общества, в частности, содержание под стражей, характеризуется устойчивыми негативными тенденциями воздействия на сознательно-волевое состояние задержанных, снижая возможности их дальнейшей социальной реабилитации.

В соответствии с подпунктом 6.1 Токийских правил сказано, что предварительное заключение под стражу используется в судопроизводстве по уголовным делам как крайняя мера при условии должного учета интересов расследования предполагаемого правонарушения и защиты общества и жертвы [1]. Как на международном уровне, так и в нашем государстве сама проблема соблюдения конституционных прав граждан в период применения мер пресечения в виде содержание под стражей остается весьма актуальной.

18-22 мая 2015 года состоялась 24 сессия комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию на тему использования и применения стандартов ООН в области предупреждения преступности и уголовного правосудия, прошедшая в г. Вена. Согласно правилу 58, проекта резолюции минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными и лицами содержащихся в СИЗО (правила Нельсона Манделы), где сказано «заключенным следует давать возможность общаться через регулярные промежутки времени и под должным надзором с их семьями или друзьями: а) посредством письменной переписки и с использованием, если есть такая возможность, телекоммуникационных, электронных, цифровых и иных средств; в) в ходе свиданий» [2]. С учетом указанных решений, в Казахстане необходимо развить дистанционную коммуникацию между лицами содержащихся под стражей с их родственниками и близкими людьми, что позволит улучшить процесс ресоциализации и социальной адаптации задержанных и находящихся под стражей в дальнейшем.

Следовательно, при предоставлении возможности наибольшего дистанционного общения с родственниками и близкими задержанным людей в виде поощрительных мер за примерное поведение создаст достаточные условия для:

- эффективности психолого-воспитательной работы с лицами содержащимися под стражей;
- улучшения процесса социальной адаптации, в особенности сохранения жизненно-приобретенных положительных индивидуально-личностных

характеристик у данных лиц после отмены или изменения меры пресечения в виде содержания под стражей;

- укрепления семейных и родственных связей, в том числе предотвращение количества семей относящихся в категорию разведенных и неполноценных;
- максимального снижения психологической нагрузки и моральной деградации у лиц, содержащихся под стражей и устранения других негативных условий.

Характерной чертой для лиц, содержащихся в следственном изоляторе является отсутствие уважения к закону и сотрудникам правоохранительных органов. Причиной же которому является существенные перемены в жизни негативно сказывающие на будущее. Ведь находясь в следственном изоляторе, лица винят во всем несправедливое отношение к нему со стороны государства и общества. Во время содержания в следственном изоляторе, они продумывают план мести в отношении обидчиков, что в результате приводит к рецидиву. Ведь основным показателем достижения в жизни каждой личности является его семья, карьера и трудовая деятельность.

Как правило, данная категория лиц, оказавшись на свободе, всячески пытаются уклониться от обращения в государственные структуры, по различным причинам. Чаще всего ими движат причины личного характера, такие как: неприязнь к сотрудникам органов; за совершенное ранее деяние снова оказаться «за решеткой»; боязнь вовлечь кого-то в личные дела; оказаться под контролем различных структур и др. причины которые могут повлиять на них. Не зная свои права и обязанности, а также возможности предоставляемым им социальной помощи, возникают препятствия при социальной их адаптации в последующем процессуальном периоде. Предоставление правовой помощи является одной из приоритетных задач, где органы правовой помощи информационной службы Министерства юстиции РК, местные исполнительные органы, а также общественные объединения и иные организации в пределах своей компетенции оказывают социально-правовую помощь лицам данной категории.

Семейное положение является важнейшим фактором, во многом определяющим особенности криминального и посткриминального поведения лиц, содержащихся под стражей. Семья в большинстве случаев служит препятствием как для совершения преступления, так и для процессуально противоправной деятельности, стимулирует правомерное поведение подсудимых в период действия соответствующей меры пресечения, способствует сохранению социально полезных связей, что облегчает социальную адаптацию после освобождения.

Следует отметить, что преобладание мужчин является характерной особенностью преступности в целом и насильственной преступности в частности, это объясняется различием социальных ролей мужчин и женщин, а также их психофизиологическими особенностями [3].

Мужчины молодежного возраста активно заняты поиском дружеских отношений, обогащением материального блага, повышением авторитета среди окружающих лиц. Учитывая психофизиологические особенности мужчин и женщин, в том числе гендерную политику, в обществе женщины аналогично заняты в трудовой деятельности в соотношении с мужчинами.

Согласно закону Республики Казахстан «О занятости населения» от 23 января 2001 года № 149-II в статье 7 пп. 5-5) установления квоты рабочих мест

для лиц, состоящих на учете службы пробации уголовно-исполнительной инспекции, а также лиц, освобожденных из мест лишения свободы, то местными исполнительными органами обеспечивается также путем установления в организациях квоты рабочих мест. В результате 2014 году в рамках квоты трудоустроены 598 человек, или 49,1% от общего числа обратившихся – 1218 человек. По данным местных исполнительных органов в первом полугодии 2015 года трудоустроены органами занятости 429 граждан, или 54,9% от общего числа обратившихся 782 человек.

Социальная адаптация есть приспособление личности к социальной среде, усвоение ею правил, норм, социальных позиций, установок, характерных для данной среды, приобретение навыков, позволяющих нормально жить бывшему лишенному свободы в обществе свободных людей.

Имеется ряд факторов, объективно осложняющих адаптацию этих граждан. Прежде всего, это предшествующее пребывание их в условиях лишения свободы, которые по своему характеру противоречивы. С одной стороны, они должны оказывать положительное воздействие на лица, содержащегося под стражей поскольку весь карательно-воспитательный процесс способствует созданию контрмотива преступной деятельности, показывая, что преступление влечет целый ряд неблагоприятных последствий. С другой – лишение свободы и применение мер пресечения, связанных с ограничением свободы, неизбежно связано с рядом отрицательных социальных последствий как для лица, содержащегося под стражей, так и для общества в целом.

Оказавшийся на свободе, находясь в процессе реабилитации, часто не имеет не только возможности трудоустроиться, но и места проживания и средств на питание, что толкает его на совершение повторных преступлений.

С 2012 года по 9 месяцев 2015 года судами республики всего осуждено 90 979 человек, из них:

✓ **72%** (65 740) – это до осуждения трудоспособные лица, но не занятые трудом либо учебой;

✓ **76%** (69 562) - в возрасте от 18 до 54 лет.

Данное исследование показывает, что уголовные правонарушения (72 %) совершили лица не занятые социально-активной деятельностью. Кроме того, отсутствия социальной занятости у лиц, содержащихся под стражей либо освобожденных от наказания является главной проблемой для совершения повторных преступлений (см. Диаграмма 2) [4].

Диаграмма 2. Динамика повторных преступлений за 4 года

Согласно статьи 14 Международного пакта ООН о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года, ратифицированного Казахстаном, предусмотрено, что каждый имеет право на справедливое и публичное разбирательство, дела компетентным, независимым и беспристрастным судом. Важное место в решении проблем социальной адаптации лиц, в отношении которых назначена мера в виде содержания под стражей, занимает системная психолого-педагогическая помощь разъяснительно-консультативного характера. В текущем году, мною, было изучено ряд приговоров суда первой инстанции по рассмотрению уголовных дел освобожденных лиц из под стражи за 2016 год 12 месяцев, следовательно, вынесено 704 приговоров, из них, небольшой тяжести – 56, средней тяжести – 640, тяжкие – 6, особо тяжкие – 2. В качестве примера, можно привести приговор Меркенского районного суда дело №3154-17-00-1. В 2016 году 17 декабря в отношении гражданина А. по подозрению в совершении уголовного правонарушения по статье 106 ч.3 УК РК назначено мера пресечения в виде содержания под стражей.

Весьма интересное предложение по социальной адаптации лиц, отбывших наказания предлагает д.ю.н., профессор Селиверстов В.И. в частности «для облегчения социальной адаптации предусмотрена специальная система норм, призванная, с одной стороны, помочь освобожденному в решении наиболее важных проблем, которые он в целом ряде случаев сам решить не может (трудовое, бытовое, жилищное устройство), а с другой – установить социальный контроль за теми освобожденными, от которых можно ждать каких-либо антиобщественных проявлений, в том числе – совершения новых преступлений» [5]. С данным мнением нельзя не согласиться, ведь лица отбывшие наказания, а также те лица к которым применялась мера пресечения в виде содержания под стражей, испытывают ряд проблем связанных с социальной адаптацией. Необходимо проводить эффективные общесоциальные меры к данной категории лиц.

Для решения проблемы социальной адаптации лиц, отбывших наказание и мер пресечения, связанных с ограничением свободы, необходима концентрация разноплановых усилий, как со стороны государства, так и общества в целом. В результате стоит острая необходимость в разработке более эффективных превентивных мер по социальной адаптации субъектов данной категории.

На сегодняшний день, в обществе предельно актуальной проблемой является безработица среди населения. Согласно статистическим данным, в

апреле месяце 2015 года численность безработных в Казахстане по оценке комитета по статистике министерства национальной экономики РК, составляла 455,6 тыс. человек, уровень безработицы - 5% (в марте - 5%). По данной оценке, уровень скрытой безработицы за январь-март текущего года составил 0,4% (40,7 тыс. человек) от экономически активного населения [6]. Данная категория безработных из числа экономически активного населения страны в большинстве случаев, просто не подпадает под критерии предъявляемые работодателями. Так как, для трудоустройства на определенную должность необходимо иметь трудовой стаж не менее 2 и 5 лет, опыт работы в данной отрасли, знание иностранного языка, наличие полного высшего образования, в частности это магистратура и докторантура PhD и др. критерий, что создают невозможным трудоустроиться населению среднего уровня. Учитывая современную жесткую конкуренцию на рынке труда для лиц, отбывших наказание и в процессуальном порядке, подвергнутым мере пресечения в виде содержания под стражей, становится невозможным трудоустроиться.

Подводя итоги исследования социально-демографического фактора при социальной адаптации лиц, отбывших и освобожденных от наказания, а также меры пресечения в виде содержания под стражей, позволяет сделать вывод о том, что широкое применение наказаний и мер пресечения не связанных с изоляцией от общества, разрешает ряд серьезных проблем, таких как разрыв или ослабление социальных и родственных связей, проблемы безработицы и бродяжничества, потребность в жилье, проблемы в соблюдении правил поведения при адаптации социальной в микро и макросреде, не позволяющие указанным субъектам в полной мере, реализоваться в современной социальной среде и получить другие жизненно важные навыки.

Немаловажным является и преодоление осужденным и подследственным названной категории, трудных (конфликтных) ситуаций, а также жизненных внутривоспитательных кризисов, что во многих случаях является одной из причин совершения преступлений и нарушения процессуальных требований меры пресечения в виде содержания под стражей.

Содержательные границы проблемы определяются глубиной проникновения человека в суть вещей. Степень проникновения в суть происходящего может быть различна, тем не менее она должна быть адекватной ситуации. Каждую секунду своей жизни человек оказывается в той или иной жизненной ситуации. Они могут иметь различное значение для жизнедеятельности человека, требовать разных подходов, знаний, каких-либо навыков поведения и деятельности.

На наш взгляд, именно на указанные обстоятельства необходимо обращать повсеместное внимание, выстраивая программы социальной реабилитации лиц к которым применяются меры пресечения, связанные с ограничением свободы и, в частности содержания под стражей, условиях их отмены, изменения или процессуального исполнения.

Список использованных источников.

1 Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила) приняты Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН №45-110 от 14 декабря 1990 года.

2 Правила Нельсона Манделы направлены на защиту прав и достоинства заключенных // https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/Nelson_Mandela_Rules-R-ebook.pdf

3 Осужденные и содержащиеся под стражей в России. По материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащиеся под стражей, 12-18 ноября 2009 г. / под общ.ред. заслуженного юриста РФ Ю.И. Калинина; под науч.ред. д.ю.н., профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.И. Селиверстова. – М.: ИД «Юриспруденция», 2012.

4 Статистические материалы из Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК за 2014 и 2015 годов, www.service.pravstat.kz

5 Михлин А.С., Селиверстов В.И. Уголовно-исполнительное право [Текст]: Вопросы и ответы/Под ред. проф. В.И. Селиверстова. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: ИД «Юриспруденция», 2006. – 192 с.

6 365info.kz/2015/.../po-oficialnym-dannym-uroven-bezroboticy-v-kazah...

Добряков Д.А.

аспирант

Российский университет дружбы народов

Классификация наказаний по уголовному законодательству Российской Федерации и Республики Корея

Классификация видов наказаний имеет фундаментальное значение и выступает одной из основ системы наказаний, формируя её структуру на уровне подсистем¹. Такие подсистемы, состоящие из в той или иной степени родственных друг другу видов наказаний, имеют определённые особенности, но вместе с тем сохраняют тесную взаимосвязь, являясь элементами целостной системы наказаний.

Родственность или, иными словами, сходство отдельных видов наказаний представляет собой основание их классификации, притом таких оснований в доктрине уголовного права выделяется множество.

Например, в качестве основания классификации может быть избран характер лишений (правоограничений), которым подвергается лицо при назначении и исполнении наказания (это, в частности, моральное воздействие, ограничение прав, материальные лишения, ограничение или лишение свободы). Основанием классификации также может быть субъект преступления, подвергающийся наказанию, и тогда наказания разделяются на общие и специальные, где общие назначаются любому гражданину (общему субъекту преступления), тогда как специальные – определённой категории лиц, например, военнослужащим (т.е. специальному субъекту)².

Стоит отметить, что классификация наказаний по характеру лишений или, иными словами, по содержанию карательного элемента, может предполагать лаконичное и максимально обобщённое деление видов наказаний на имущественные и личные. Наиболее распространёнными в настоящее время примерами имущественного и личного наказаний являются, соответственно,

¹ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. д.ю.н. В. С. Комиссарова, д.ю.н. Н. Е. Крыловой, д.ю.н. И. М. Тяжковой. 2-изд., стереотип. – М.: Статут, 2016. С. 560

² Уголовное право России: учебник: в 2 т. / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. - 2-е изд., перераб. - М.: Норма: Инфра-М, 2010. С. 370

штраф и лишение свободы. При этом данная классификация находит отражение в международных правовых актах, в частности, в ст. 73 Конвенции ООН по морскому праву от 10 декабря 1982 года¹.

Нельзя не упомянуть также классификацию наказаний по характеру пенитенциарного воздействия, в рамках которой выделяются наказания, связанные с трудовым воздействием на осуждённого, и наказания, с таким воздействием не связанные². Эта классификация основывается на том, что общественно полезный труд традиционно считается одним из важнейших средств исправления осуждённого³, что находит отражение как в международном, так и национальном праве.

Возможна, наконец, классификация наказаний по их строгости, являющаяся логическим следствием классификации преступлений. Так, четырёхуровневая классификация преступлений по степени тяжести вполне могла бы стать основой для выделения в системе наказаний четырёх категорий видов наказаний по степени строгости – менее строгих, средней строгости, строгих и особо строгих⁴. Важно отметить, что четырёхуровневость системы наказаний не является принципиальной, поскольку уровней может быть любое количество, но обязательным условием является их корреляция со степенями тяжести преступлений. Здесь уместно упомянуть, что несоответствие уголовного закона (и основных составляющих его уголовно-правовых институтов) общественному сознанию снижает его значение в борьбе с преступностью, а в общественном сознании бытует представление о необходимости установления чёткого соотношения между строгостью наказаний с общественной опасностью преступлений⁵, т.е. классификация наказаний по степени строгости может быть сочтена в высокой степени востребованной.

Однако ни одна из этих классификаций не находит отражения в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Корея. Законодатели обеих стран избрали для себя иную классификацию, основанием которой служат правила назначения наказаний и которая предполагает выделение основных и дополнительных наказаний. В данной классификации основные наказания составляют ядро карательного воздействия, а дополнительные играют вспомогательную роль, позволяя наиболее точно учесть характерные особенности конкретных преступлений и совершивших их лиц⁶. Кроме того, высокую гибкость применения получающейся в результате системы наказаний придаёт выделение третьей группы – смешанных наказаний, которые могут назначаться в качестве как основных, так и дополнительных.

Если в российском законодательстве классификация находит чёткое и завершённое выражение в соответствующей статье Общей части УК РФ «Основные и дополнительные виды наказаний» (ст. 45), то в уголовном законодательстве Республики Корея подобного не наблюдается.

¹ Качество уголовного закона: проблемы Общей части: монография / отв. ред. А. И. Рарог. – Москва: Проспект, 2016. С. 127-128

² Уголовно-правовое воздействие: монография / коллектив авторов; под ред. А. И. Рарога. – Москва: Проспект, 2016. С. 147

³ Уголовно-исполнительное право: учебник для бакалавров / С. М. Зубарев, В. А. Казакова, А. А. Толкаченко; отв. Ред. А. С. Михлин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2011. С. 155

⁴ Сыч К. А. Уголовное наказание: Теоретико-методологические проблемы. Монография. – Вологда: ВИПЭ Минюста России, 2001. С. 135

⁵ Сундуков Ф. Р., Талан М. В. Наказание в уголовном праве: учебное пособие. М.: Статут, 2015. С. 97

⁶ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Ю. В. Грачева, Г. А. Есаков, А. К. Князькина [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2011. С. 57

УК РФ предусматривает выделение основных, дополнительных и смешанных (или переменных) наказаний, формируя закрытый перечень видов наказаний в каждой из этих групп¹. Так, основными наказаниями являются обязательные работы, исправительные работы, ограничение по военной службе, принудительные работы, арест, содержание в дисциплинарной воинской части, лишение свободы на определенный срок, пожизненное лишение свободы и смертная казнь. В качестве как основных, так и дополнительных наказаний могут назначаться штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и ограничение свободы. Дополнительным законодатель назвал только одно наказание – лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград.

Система наказаний по Уголовному закону Республики Корея состоит из 9 видов наказаний, а именно из: смертной казни, каторжных работ, лишения свободы, лишения прав, приостановления прав, штрафа (от 50 тысяч вон и выше), ареста, малого штрафа (от 2 тысяч до 50 тысяч вон) и конфискации имущества (ст. 41 УК Республики Корея). Южнокорейский законодатель устанавливает дополнительный характер только для конфискации имущества (ст. 49 УК Республики Корея), давая тем самым основание полагать все остальные наказания основными. Однако на деле основными являются только смертная казнь, каторжные работы, лишение свободы, арест и малый штраф, поскольку в ряде статей Общей и Особенной частей УК Республики Корея определен дополнительный или смешанный характер остальных наказаний.

Так, исключительно дополнительным наказанием является, помимо конфискации, лишение прав (ч. 1 ст. 43 УК Республики Корея), всегда сопутствующее основным наказаниям в виде смертной казни (из-за моратория на исполнение данного вида наказания это не является самоочевидным – лицо может быть осуждено к смертной казни и в этом случае подвергается лишению свободы с особым режимом, бессрочно находясь в «ожидании» казни), пожизненных каторжных работ и пожизненного лишения свободы. Интересно отметить, что «автоматический характер» наказания в виде лишения прав является характерной чертой уголовно-правовых систем, испытавших влияние французского законодательства², к которым, благодаря имевшему место «посредничеству» Японии, относится и корейская правовая система. Выступать в смешанном качестве могут, в частности, приостановление прав и штраф (ч. 2 ст. 43 УК Республики Корея в Общей части, а также множество специальных статей в Особенной части, как то ст.ст. 204, 209, 220 и др.).

Таким образом, российская классификация наказаний в уголовном законодательстве представляется более законченной и последовательной, чем её южнокорейский аналог. Это, вероятно, является следствием высокой степени теоретизации отечественного УК, совершенно чуждой уголовному законодательству Республики Корея. Такая особенность УК РФ в данном случае имеет исключительно положительное значение, хотя в целом может оцениваться неоднозначно.

¹ Благов Е. В. Уголовное законодательство: текст, комментарий, судебная практика (Общая часть). – Москва: Проспект, 2014. С. 114

² Додонов В. Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть. Монография. - М.: Издательство «Юрлитинформ», 2009. С. 332

Список использованных источников

- 1) Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. д.ю.н. В. С. Комиссарова, д.ю.н. Н. Е. Крыловой, д.ю.н. И. М. Тяжковой. 2-изд., стереотип. – М.: Статут, 2016.
- 2) Уголовное право России: учебник: в 2 т. / под ред. А. Н. Игнатова, Ю. А. Красикова. - 2-е изд., перераб. - М.: Норма: Инфра-М, 2010.
- 3) Качество уголовного закона: проблемы Общей части: монография / отв. ред. А. И. Рарог. – Москва: Проспект, 2016.
- 4) Уголовно-правовое воздействие: монография / коллектив авторов; под ред. А. И. Рарога. – Москва: Проспект, 2016.
- 5) Уголовно-исполнительное право: учебник для бакалавров / С. М. Зубарев, В. А. Казакова, А. А. Толкаченко; отв. Ред. А. С. Михлин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2011.
- 6) Сыч К. А. Уголовное наказание: Теоретико-методологические проблемы. Монография. – Вологда: ВИПЭ Минюста России, 2001.
- 7) Сундуrow Ф. Р., Талан М. В. Наказание в уголовном праве: учебное пособие. М.: Статут, 2015.
- 8) Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Ю. В. Грачева, Г. А. Есаков, А. К. Князькина [и др.]. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2011.
- 9) Благоев Е. В. Уголовное законодательство: текст, комментарий, судебная практика (Общая часть). – Москва: Проспект, 2014.
- 10) Додонов В. Н. Сравнительное уголовное право. Общая часть. Монография. - М.: Издательство «Юрлитинформ», 2009.

Ризаева Д.Э.

аспирант

Российский университет дружбы народов

Манна А.А.К.

к.ю.н., доцент

Российский университет дружбы народов

Условия правомерности крайней необходимости и необходимой обороны по англосаксонскому законодательству.

Уголовное законодательство любого государства было бы неполным если бы отсутствовал институт специальных обстоятельств которые исключают преступность деяния.

Англосаксонская правовая система и ее специфика несомненно, накладывают определенный отпечаток на уголовно право и институт обстоятельств, исключаящих преступность деяния в частности.

Вообще, развитие института обстоятельств, исключаящих преступность деяния именно в англосаксонской правовой системе имеет две ключевых особенности:

1. Официально не существует дефиниции «обстоятельства, исключаящи преступность деяния», и данный институт существует больш как именно практическая, а не теоритическа категория. Это означает, что он наделе одной из главных черт англосаксонской правово семьи – практика, правовые прецеденты опосредую и обуславливают теорию, которая зачастую вообщ может отсутствовать;

2. Отсутствует четкое разграничение обстоятельств, исключающих преступность и обстоятельств, которые, к примеру, смягчают уголовную ответственность и наказание ввиду той же причины – отсутствия должных теоретических дефиниций.

Поэтому и формирование института обстоятельств, исключающих преступность деяния является крайне специфичным – происходил это не взаимосвязано, отсутствовала какая-либо система

Прототип такого обстоятельства, как необходимость в английском законодательстве известен уже с 1929 года – причем закреплены первично они были в отдельных нормах и законах, принимаемых в сферах здравоохранения. К примеру, статья 1 Закона о сохранении жизни младенцев 1929 г., которая запрещает уничтожать плод, освобождает от ответственности врача, если тот действовал добросовестно с целью сохранить матери жизнь.

Затем уже в Законе об уголовном праве 1967 года была предусмотрена возможность использовать лицо «разумную силу», для того, чтобы защитить общественные интересы – предупредить совершение преступления, воспрепятствовать иным незаконным действиям, причем часто интересы конкретного лица и общественные интересы могут совпадать.

Англо-американское законодательство не определяет в полной мере правовую сущность подобных обстоятельств, также можно отметить что в нем отсутствует и их понятие и не отражено понятие обстоятельств, которые своим наступлением исключают преступность деяний. Однако в отношении таких обстоятельств говорится в английской теории уголовного права, которая затем реализуется непосредственно при каждом рассмотрении того или иного уголовного дела. Основным регламентом, как известно из общей характеристики англо-саксонской правовой системы – является прецедентное законодательство, судебная практика которая основана на прецедентах и аналогии.¹

Данные обстоятельства делятся на несколько подвидов

1) Когда воля лица, которое совершает то или иное преступление отсутствует – то есть, в данном случае законодатель имеет в виду, когда лицо, совершающее преступление, не осознает общественную опасность своих действий и их последствий ввиду различных причин.;

2) В случае, если лицо совершает преступление, однако его воля не направлена на то, чтобы совершить такое деяние с целью наступления определенных общественно опасных последствий;

3) В случае, если воля лица подавляется со стороны другого лица.

И так, теперь перейдем к рассмотрению такого обстоятельства как необходимая оборона которая относится к вышерассмотренной третьей группе:

Третья группа представляет собой «обстоятельства защиты и в нее входят следующие основания:

1) Исполнение приказа лицом, которое находится при исполнении своих непосредственных трудовых обязанностей и состоит в подчинении у лица, отдавшего приказ, исполнение которого в дальнейшем привело к совершению преступного деяния и наступлению общественно опасных последствий

2) Вторым основанием идет как раз-таки наличие физического или психического принуждения лица совершить преступление другим лицом по отношению к которому у совершившего опасное деяние складывается состояние

¹ Yrigoyen Fajardo R. Judicial Treatment of Cultural Diversity and the Special Jurisdiction in Peru // Beyond Law. 2001. Vol. 7. No. 23. P. 201.

зависимости – это могут быть разного рода угроз либо иное физическое давление.

3) Третье основание является наличие необходимости. Что стоит отметить – необходимость никаким образом не объяснен и не определена в нормах законодательства Англии. Возможно, под необходимостью следует понимать тако состояние лица, которое толкнуло его на совершении преступления по причине отсутствия другого выход защитит себя или иные общественные блага. То есть под понятием необходимости подразумевается ничто иное как общепринятая необходимая оборона либо крайня необходимость, когда лицо, совершившее преступное деяни защищает себя и свои личностные интересы, и когд отсутствует другой путь защиты, либо защищает общественны блага и интересы, когда ни явно преобладаю по своей значимости, нежели общественные отношения которым в силу совершенного деяния причинен вред¹

Стоит сразу заметить, что обстоятельства, которы исключают преступность деяния не отражены в федерально уголовном законодательстве США, а их закрепляет Примерный уголовный кодекс США, датированный 1962 годом, а также Уголовны кодексом 50 штатов.

И так, что можно сказать про американско уголовное законодательство именно в области обстоятельств которые могут при наступлении исключать преступность деяни и, как следствие, освобождать от несени уголовной ответственности? Во-первых, их совокупность представляе собой схожую правовую сущность с обстоятельствами отраженными английским законодательством, во-вторых – они нося такое же название, выступают в качеств обстоятельств «защиты» от обвинения. То есть, сторон защиты на уголовном процессе должна воспользоваться наличием таких обстоятельств и доказать факт того что они в действительности имели место быть

И так, рассмотрим более детально необходимую оборон и крайнюю необходимость:

Необходимая оборона и крайняя необходимость – которы хотя и не являются сформулированы именно таки образом в американском законодательстве, однако в норма используется слова-синонимы и смысл правовых норм сводитс именно к такому значению.²

Вообще, законодательство США отличается тем, что в нем не решаетс проблема правомерности или неправомерности необходимой обороны и крайне необходимости. Вопрос ставится гораздо шире – о правомерност причинения вреда вообще и физической силы

Так, физическая сила правомерной будет являться в соответствии с законодательством США в нескольких случаях:

- В случае самозащиты или защит третьих лиц;
- В случае защиты недвижимости, защит собственного жилища;
- Для того, чтобы предотвратить или пресеч совершение кражи или иного ущерба, который являетс неправомерным и наказуемым;
- Для того, чтобы задержать лицо совершившее преступление либо предотвратить бегство уже задержанног лица из под стражи.³

¹ Yrigoyen Fajardo R. Judicial Treatment of Cultural Diversity and the Special Jurisdiction in Peru // *Beyond Law*. 2001. Vol. 7. No. 23. P. 201.

² Caughey J. L. The Anthropologist as Expert Witness: the Case of a Murder in Maine // *Multicultural Jurisprudence: Comparative Perspectives on the Cultural Defense* / ed. by M.-C. Foblets, A. D. Renteln. Oxford and Portland Oregon, 2009. P. 321—334.

³ Preusse T. Informationsdelikte im Internet // *VVR*. - 2000.

То есть, если проводить аналогии с российским уголовным законодательством, то данные положения также с ним совпадают однако здесь они классифицированы несколько иным образом крайняя необходимость и необходимая оборона не различаются между собой в обозначении, содержатся в общем понятии – однако затем, идет более конкретная разбивка, где и становится понятно, что относится к необходимой обороне и вытекает из интереса частного лица, а что примыкает к публичным правоотношениям и содержит фактически крайнюю необходимость.

К условиям правомерности применения физической силы при защите себя самого или третьих лиц УК штата Нью-Йорк относит следующие:

1) наличие или угроза применения противоправной физической силы со стороны другого физического лица

2) поведение нападающего не спровоцировано обороняющимся

3) обороняющийся не напал первым (за исключением случаев, когда он «вышел» из конфликта, известив другое лицо о своем «выходе», но другое лицо продолжает применять физическую силу);

4) физическая сила не является «поединком по соглашению и не санкционирована нормами права (согласие на применение физической силы может иметь место, например, в некоторых видах спорта: боксе, регби и др., при проведении хирургической операции и т.п.).

УК штата Нью-Йорк определяет те обстоятельства при которых возможно применение «смертельной физической силы», т.е. устанавливает возможные случаи причинения смерти нападающему. Так, причинение смерти допускается, если нападающий применяет или «вот-вот начнет применять» смертельную физическую силу.

Однако и в этом случае законодатель устанавливает преимущества других способов реагирования на посягательство: если лицо подвергшееся нападению, может избежать посягательства, не причиняя смерти нападающему, без серьезной опасности для себя или других лиц, оно должно использовать эту возможность. Безоговорочное право на причинение смерти (т.е. даже при возможности избежать посягательства, не причиняя смерти нападающему) допускается в случаях, когда лицо, подвергшееся нападению

а) находится в своем жилище, при этом оно не напал первым;

б) является служащим полиции, должностным лицом наблюдающим за соблюдением общественного порядка, или лицом оказывающим первую помощь. Применение смертельной физической силы допускается и против лиц, совершающих или пытающихся совершить похищение человека, изнасилование, насильственное извращенное половое сношение, ограбление и берглэри.

В ст. 3.02 Модельного УК США установлен следующие условия правомерности крайней необходимости:

1) вред угрожает самому лицу или другим лицам;

2) угрожающий вред или зло больше, чем вред или зло от поведения к которому прибегает лицо;

3) УК или другой уголовный закон не делают изъятий для защиты в связи с данной конкретной ситуацией;

4) законодатель не выражает иным образом свой отказ предоставить защиту в данной ситуации.

Если ситуация крайней необходимости возникла в результате опрометчивого или небрежного поведения самого лица либо вывод лица о необходимости такого поведения — результата его опрометчивости или небрежности (т.е. в действительности не было необходимости в таком поведении и «разумное лицо» не стало бы причинять вред), то лицо несет

уголовную ответственность, конечно, при условии, что для наступления уголовной ответственности таких форм вины, как опрометчивость или небрежность достаточно (т.е. не требуются таких форм вины, как «с целью или «заведомо»).

Рассмотрев и сопоставив американское и английское уголовное законодательство, можно сделать следующий вывод: понятие крайняя необходимость и необходимая оборона в США выражены единой нормой, которая затем распадается на виды, тем самым выявляется отличие – крайняя необходимость и необходимая оборона, а в законодательстве Англии же это понятие выражено только одним единственным термином – необходимостью, который исключает не только дальнейшее какое-либо деление на виды, но и не содержит пояснений, являясь крайне лаконичным. Однако, несмотря на то, что встречаются и противоречия между уголовно-правовыми Англии и США, по большей части следует признать, что общий правовой смысл указанных норм является единым и в большинстве случаев нормы являются просто различными по своей конструкции и построению, а по сути, они синонимичны.

Список использованных источников.

- 1) Daniel Statman, On the Success Condition for Legitimate Self-Defense, (2008).
- 2) John Donne, Meditation XVII, in DEVOTIONS UPON EMERGENT OCCASIONS (Anthony Raspa ed., McGill-Queen's Univ. Press 1975)
- 3) Ingeborg S.-H. Der strafrechtliche Schutz der Computerdaten / Muenster. - 1999.
- 4) MODEL PENAL CODE (Official Draft and Revised Commentaries 1985)
- 5) Sieber U. Computerkriminalitaet und Informationsstrafrecht - Entwicklungen in der internationalen Informations - und Risikogesellschaft // CR. - 1996.
- 6) Preusse T. Informationsdelikte im Internet // VVR. - 2000.
- 7) Woodman G. R. The Culture Defence in English Common Law: the Potential for Development // Multicultural Jurisprudence: Comparative Perspectives on the Cultural Defense / ed. by M.-C. Foblets, A. D. Renteln. Oxford and Portland Oregon, 2009. P. 9, 14.
- 8) Renteln A. D. The Use and Abuse of the Cultural Defense // Multicultural Jurisprudence: Comparative Perspectives on the Cultural Defense / ed. by M.-C. Foblets, A. D. Renteln. Oxford and Portland Oregon, 2009. P. 62.
- 9) Yrigoyen Fajardo R. Judicial Treatment of Cultural Diversity and the Special Jurisdiction in Peru // Beyond Law. 2001. Vol. 7. No. 23. P. 201.
- 10) Yrigoyen Fajardo R. Op. cit. P. 202– 203, 210–212.
- 11) Caughey J. L. The Anthropologist as Expert Witness: the Case of a Murder in Maine // Multicultural Jurisprudence: Comparative Perspectives on the Cultural Defense / ed. by M.-C. Foblets, A. D. Renteln. Oxford and Portland Oregon, 2009. P. 321—334.

Исторические аспекты развития отечественного уголовного законодательства об охране лесов.

Леса в России во все времена являлись важнейшим атрибутом, выполнявшим роль места совершения религиозных обрядов, военным укреплением, экономическим и экологическим ресурсом.

Во времена Русской правды природные ресурсы подлежали охране как объект права собственности¹. Так, указанные в ст. 30 Краткой редакции Русской Правды, деревья с пчелами (борть) были объектом охраны от повреждений: за разграбление княжеской борти (улья) брали штраф 3 гривны (цена 1 лошади или 9 овец), а за разграбление крестьянской борти – 2 гривны, что отражало серьезный карательный потенциал данной нормы и значение, придаваемое противодействию таких преступлений.

Соборное уложение 1649 г. содержало более обширный список объектов, подлежащих охране², за посягательство на которые взымались различные штрафы. Преступными признавались процессы рубки, повреждения или поджога чужих бортовых деревьев, а также порубка чужого леса.

Во времена Петра I усиливается государственный интерес в защите природных объектов через так называемый ресурсный подход. Природные объекты рассматриваются в качестве ресурса для использования в экономических, военных и других целях государства. Именными указаниями Петра I запрещалось уничтожать леса вдоль рек, удобных для лесосплава. Санкция за некоторые виды незаконной рубки и поджог лесов устанавливалась крайне суровой, вплоть до смертной казни, что сопоставимо с особо тяжкими преступлениями согласно современной классификации, учитывая, что в настоящее время законодатель особо тяжких преступлений в сфере лесопользования не определил.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. включало довольно обширный список преступлений и проступков против природных объектов. Его нормы были направлены преимущественно на обеспечение уголовно-правовой охраны интересов государства и частных лиц как собственников природных ресурсов.

Ученые того времени относили лесонарушения к преступлениям против собственности, а общественную опасность таких деяний усматривали лишь в опасности для жизни человека, но не для экологической системы в целом³.

¹ См., например: Тихомиров, М.Н. Пособие для изучения Русской Правды / М.Н. Тихомиров – М.: Издание Московского университета, 1953.

² См., например: Тихомиров, М.Н. Соборное уложение 1649 года. / М.Н. Тихомиров, П.П. Епифанов. – М., Изд-во Моск. ун-та, 1961.

³ А.В. Лохвицкий отмечал, что «преступления против собственности разделяются Уложением на два главных разряда: истребление и похищение. Различие ясно из самого названия: в первом нет цели обогатиться за счет другого. От этого низшие виды истребления имущества наказываются гораздо легче кражи: в них не видно ничего бесчестного. Но высшие виды истребления наказываются гораздо строже не только кражи, но и всякого другого похищения имущества. Все различие степеней преступления истребления имущества основано, главным образом, на элементе, лежащем вне имущества, даже вне прямого намерения преступника, – на опасности для жизни человека». См.: Лохвицкий, А.В. Курс русского уголовного права / Лохвицкий А.В. – СПб.: Издание журнала Министерства юстиции, 1867. – С. 597.

Уложением 1845 г. хищение леса и самовольная его порубка регламентировалась различными статьями. Так, хищение леса включало как рубку леса на корню и вывозку леса, так и вывозку уже срубленного леса, не делая между ними различия (ст. 941, 942 Уложения 1845 г.).

Статьей 943 Уложения 1845 г. регламентировалась уголовная ответственность за самовольную порубку в казенном лесу, под которой понимался сам факт срубания деревьев, хотя и без их вывоза, т.е. присвоения.

Несмотря на формальное различие составов самовольной рубки и хищения леса, норма о самовольной порубке содержала ссылку на статьи о хищении и предусматривала уголовную ответственность за случаи, когда целью преступления не являлась древесина, как материальная ценность, и когда деяние не включало вывозку леса. Фактически существовало дублирование составов хищения и самовольной порубки, отличие определялось лишь по объективной стороне и по цели порубки, но по степени общественной опасности и наказуемости законодателем они признавались тождественными.

Уложение 1845 г. явилось существенным шагом вперед в развитии уголовно-правовых норм лесоохранной направленности, поскольку заложило основы современного представления об объективной стороне преступлений в сфере лесопользования. Уложение 1845 г. включало нормы, устанавливающие ответственность за рубку леса сверх выделенного количества; за рубку казенных лесов по берегам рек; за порубку казенного леса в расстоянии, дозволенном по билету, но не в отведенном участке (ст. 950 Уложения 1845 г.), которые в том или ином виде имеют и современную интерпретацию.

Дальнейшее дореволюционное законодательство не содержало кардинальных изменений. Уложение 1845 г. претерпело множество изменений и несколько изданий, которые состоялись в 1857 г., 1866 г. и 1885 г.

Характеризуя уголовно-правовые источники данного периода, можно отметить, что уголовно-правовые нормы экологической направленности эволюционировали от норм обычного права до норм, которые с определенной долей условности соответствуют предъявляемым требованиям современной науки.

С установлением советской власти произошло радикальное изменение всего уголовного законодательства, в том числе норм, направленных на охрану лесных ресурсов. Принимая во внимание, что страна в послереволюционный период находилась под воздействием внутренних и внешних угроз, в законодательстве нашлось место статьям экологической направленности. Однако начальный этап уголовно-правового регулирования экологических отношений по сравнению с дореволюционным можно назвать шагом назад.

В 1917 г. был принят Декрет, который признавал лесопорубки без надлежащего разрешения преступными¹. Характеризуя этот период, учеными отмечается, что «сразу после Октябрьской революции устанавливается уголовная ответственность за истребление леса, причем закрепляется это актами, не имеющими уголовно-правового характера, что вообще было присуще законодательству того периода»².

В УК РСФСР 1922 г. предусматривалась ст. 99, объединявшая ответственность за преступления, посягающие на природные ресурсы, такие как посягательства на лес, незаконная охота и рыбная ловля, разработка недр³.

¹ СУ РСФСР. – 1917. – № 6. – Ст. 93.

² Чучаев, А.И., Васильев, Ф.П. Уголовно-правовая охрана лесов в России: (Исторический очерк) // Российский юридический журнал. – 1999. – № 2. – С. 133.

³ СУ РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153.

Законодатель отнес данные преступления к преступлениям против порядка управления, а не к имущественным или экологическим.

Редакцией УК РСФСР от 9 августа 1926 г. ст. 99 была изложена в новом виде¹ и стала содержать ссылку на таксы, применяемые при расчете ущерба, что приблизило ее к современному изложению состава.

УК РСФСР 1926 г. расширил уголовно-правовое регулирование преступлений, направленных против природных ресурсов, и содержал 3 таких статьи². Совершенно обоснованно в соответствии с объектом преступного посягательства произведено разделение статьи, содержащей посягательства на лес и недра на две самостоятельные статьи, регулирующие ответственность в сфере лесного хозяйства (ст. 85) и недропользования (ст. 87). В остальном же УК РСФСР сохранил прежние формулировки.

Закономерно получила продолжение тенденция более детальной дифференциации уголовной ответственности за лесонарушения. Так, серьезному изменению подверглась ст. 85 УК в редакции постановления ВЦИК и СНК от 20 октября 1936 г. Она стала состоять из четырех частей вместо двух. Размер наказания за посягательства на лес был поставлен в зависимость от его категории, чего ранее не было. Особой защите подлежали городские, пригородные, парковые, курортные, водоохранные, берегозащитные и почвозащитные леса, что говорит о важности охраны данных категорий лесов и осознании комплексности функционирования экосистем.

УК РСФСР 1960 г. содержал более обширный перечень составов посягающих на окружающую природную среду, чем предыдущие кодексы. Однако данные статьи были «разбросаны» по разным главам Кодекса, что указывало на отсутствие системного подхода к охране природы.

Нормы, регулирующие ответственность за уничтожение или повреждение лесных массивов в результате умышленного (ст. 98 УК) или небрежного (ст. 99 УК) обращения с огнем, содержались в главе «Преступления против социалистической собственности», что говорило о важности обеспечения уголовно-правовой защиты леса как экономической категории. Данные составы просуществовали до 14 июля 1994 г. без изменений. Как и в действующем УК РФ, указанные составы имели оценочный признак размера деяния, что приводило к трудностям при квалификации преступлений.

Изначально нормы об уничтожении или повреждении имущества отдельно не регламентировали ответственность за загрязнение лесных массивов вредными веществами, отходами, выбросами, сбросами. Лишь с образованием Российской Федерации ответственность за такие деяния установлена в виде квалифицирующего признака уничтожения или повреждения чужого имущества³.

Глава «Хозяйственные преступления» содержала ст. 169 УК РСФСР «Незаконная порубка леса», предметом ч. 1 которой были полезащитные, почвозащитные, берегозащитные леса, государственные заповедники, курортные леса, лесопарки, леса зеленой зоны вокруг городов и промышленных предприятий. Уголовная ответственность за незаконную порубку указанных категорий лесов наступала в случае совершения данного деяния после применения мер общественного или административного воздействия за аналогичное деяние. Часть 2 ст. 169 УК РСФСР содержала состав незаконной порубки лесов в виде промысла или с причинением крупного ущерба.

¹ СУ РСФСР. – 1926. – № 51.

² СУ РСФСР. – 1926. – № 80.

³ Федеральный закон Российской Федерации от 01.07.1994 № 10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно - процессуальный кодекс РСФСР» // Российские вести. – 1994. – № 123.

Недостатком формулировки статьи являлось то, что ею не охватывалась порубка отдельно стоящих деревьев (не находящихся в лесу).

Дальнейшие редакции ст. 169 УК РСФСР вместо административной преюдиции установили используемый в настоящее время критерий минимального ущерба для признания деяния преступлением, введен признак повторности, при наличии которого любая, независимо от ущерба, незаконная рубка признавалась преступлением.

Таким образом, кодифицированное экологическое уголовное законодательство советского периода претерпело эволюцию от одной общей нормы, включающей преступления против природных ресурсов к целому ряду специальных норм, охраняющих: лес, недра, водные ресурсы, атмосферный воздух, животный мир, и приблизился к современному уровню законодательной техники.

И только в УК РФ 1996 г. произведено объединение всех составов преступлений экологической направленности, в том числе и обеспечивающих охрану растительности, в единую главу «Экологические преступления».

Список использованных источников.

1. Тихомиров, М.Н. Пособие для изучения Русской Правды / М.Н. Тихомиров – М.: Издание Московского университета, 1953.
2. Тихомиров, М.Н. Соборное уложение 1649 года. / М.Н. Тихомиров, П.П. Епифанов. – М., Изд-во Моск. ун-та, 1961.
3. Лохвицкий, А.В. Курс русского уголовного права / Лохвицкий А.В. – СПб.: Издание журнала Министерства юстиции, 1867.
4. Чучаев, А.И., Васильев, Ф.П. Уголовно-правовая охрана лесов в России: (Исторический очерк) // Российский юридический журнал. – 1999. – № 2.

Питикин Р.А.

Аспирант

Российский университет дружбы народов

Уголовная ответственность за служебные подлоги должна быть реформирована.

Служебные подлоги – одни из самых распространенных коррупционных преступлений, 14 июня 2017 года в ходе «Прямой линии» с президентом РФ Владимиром Путиным отметил, что дело не в посадках, а в том, чтобы было обеспечено самое пристальное внимание ко всем случаям коррупции.

В 2016 году было зарегистрировано 32924 преступлений коррупционной направленности¹. В августе этого года собранные Главным военным следственным управлением СК доказательства признаны судом достаточными для вынесения обвинительного приговора бывшему генеральному директору предприятия "Славянка" и учредителю акционерного общества "Безопасность и связь" Елькину. Вместе с ним приговорили других членов организованной преступной группы, которые изготавливали подложные счета за якобы поставленные стройматериалы для нужд Минобороны России. Они виновны в

¹ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2016 года

мошенничестве и коммерческом подкупе. Они получили от различных фирм денежные средства в виде "откатов" на сумму 130 миллионов рублей.

Большинство преступлений, к последствиям которых можно отнести причинение ущерба обороне и безопасности государства, связаны с хищениями и коррупционными проявлениями в сфере закупок товаров, работ и услуг для государственных нужд, в том числе в сфере государственного оборонного заказа и оборонно-промышленного комплекса. Нормальная работа государственного аппарата находится в прямой зависимости от надлежащего обмена информацией. Такой обмен возможен, если информация не носит ложного характера. Подлоги документов, с одной стороны, приводят к неправильной информации соответствующих органов и должностных лиц относительно фактов, отраженных в них; с другой стороны, отрицательно влияют на управление организациями, учреждениями, сказываются на учете и контроле за сохранностью материальных ценностей. Следует учитывать, что служебный подлог является наиболее распространенным преступлением против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления: его удельный вес в период 1997 - 2012 гг. составлял от 28,2 до 34,2%.

Нередко подлог документов является подготовительным действием для совершения других, более опасных преступлений (например, терроризма, хищений, контрабанды), либо средством их сокрытия. Следственно-судебная практика по уголовным делам о различных видах служебного подлога показывает, что практически во всех случаях они возбуждаются в рамках расследования дел по другим составам преступлений, в частности, предусмотренным ст. 159, 160, 285, 290, 327 УК РФ.

Противостояние рассматриваемым преступлениям, с учетом их распространенности и высокой опасности, относится к числу важнейших задач правоохранительных структур. Однако в теории и на практике отсутствует единство взглядов на многие вопросы, связанные с реализацией уголовно-правовых норм об ответственности за служебные подлоги. Более того, правоприменительная практика и научный анализ соответствующих нормативных установлений выявили многочисленные недостатки закреплённых в них законотворческих решений. Появление нового законодательства, наличие ряда нерешенных в теории и практике проблем квалификации преступлений и дифференциации ответственности обуславливают необходимость продолжения уголовно-правовой разработки указанной проблемы и прежде всего в направлении целостного ее анализа с учетом опыта борьбы с преступлениями, связанными со служебными подлогами документов, накопленного в последнее десятилетие. Изучение подлога документов в уголовно-правовом плане предполагает как исследование признаков каждого вида подлога, так и признаков, наличие которых позволяет конструировать общее понятие подлога и отграничивать его от других преступлений.

Под **объектом преступлений**, предусмотренных ст. 292 УК РФ, следует понимать определенный законом и иными нормативными актами порядок официального документооборота и документального удостоверения юридически значимых фактов, осуществляемых должностными лицами, а также государственными служащими или служащими органа местного самоуправления, не являющимися должностными лицами, в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации.

На наш взгляд, **официальный документ** - это документ, исходящий от должностного лица, а также государственного служащего или служащего органа

местного самоуправления, не являющегося должностным лицом, который удостоверяет события или факты, имеющие юридическое значение, либо влекущие юридически значимые последствия, изложенный в определенной законом форме и содержащий реквизиты, которые устанавливаются законами и подзаконными нормативными правовыми актами применительно к каждой из групп официальных документов.

Лица, занимающие государственную должность РФ или государственную должность субъекта РФ либо являющиеся главами органов местного самоуправления, являются не только более влиятельными по своему статусу, но и обладают более широкими полномочиями по сравнению с иными должностными лицами. Это, безусловно, повышает характер и степень общественной опасности совершаемых ими противоправных деяний. Данное обстоятельство послужило основанием для выделения в законе соответствующих квалифицирующих признаков в ряде должностных преступлений – ст. 285, 286, 287, 290 УК РФ. Между тем, в составе служебного подлога такого квалифицирующего признака нет.

Полагаем, что законодателю следует устранить указанный недостаток и ввести данный квалифицирующий признак в состав преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ, изложив ее в следующей редакции:

2. Те же деяния, повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, а равно совершенные лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления, -

При этом, категория «представитель власти», определение которого дано в примечании к ст. 318 УК РФ, и которое распространяется на весь уголовный кодекс, это часть общего понятия «должностное лицо», между которыми существуют отношения общего и частного. То есть если каждый представитель власти является должностным лицом, то должностное лицо может и не быть представителем власти. Таким образом, налицо ошибка законодателя, сделавшего частное понятие шире общего, которая может быть устранена путем внесения корректив в примечание к ст.285 УК РФ, распространяющих понятие должностного лица на весь действующий Уголовный кодекс, а не на одну 30 главу.

Определение субъектов в статьях 292 и 292.1 УК РФ обладают бланкетностью, а применение бланкетной диспозиции сопряжено с возникновением дополнительных трудностей и существенно усложняет установление границы между обычным и преступным нарушениями одних и тех же правил. Кроме того, квалификация преступлений со смешанной противоправностью требует и особого порядка закрепления в процессуальных документах, в частности ссылки не только на уголовный закон, но и на нормативные акты иных отраслей.

Поэтому, в целях повышения эффективности применения норм, предусмотренных статьями 292 и 292.1 УК РФ, целесообразно в уголовном законе, в примечании к ст.292 УК изложить определение государственного служащего и служащего органа местного самоуправления, не являющегося должностным лицом.

6. Обосновывается целесообразность дополнения ст. 292 УК РФ Главы 30 частью третьей следующего содержания:

«Те же деяния, совершенные в целях использования подложного официального документа, либо с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение, а равно незаконный сбыт официальных документов

должностными лицами, а также государственными служащими или служащими органов местного самоуправления, не являющимися должностными лицами, наказывается... - преступление средней тяжести».

7. Разработана авторская классификация и раскрыты основные черты служебных подлогов.

Служебные подлоги вне зависимости от места их совершения и статуса субъекта обладают нижеуказанными признаками:

а) посягают на установленный порядок документооборота в государственной и муниципальной либо в экономической сфере;

б) объект служебных подлогов напрямую зависит от предмета преступления;

в) могут быть совершены только специальным субъектом – должностным лицом, муниципальным либо государственным служащим, либо лицом, выполняющим управленческие функции;

г) способы совершения служебных подлогов связаны не только с фальсификацией и подделкой, но и повреждением и сокрытием документа;

д) законодатель признает криминальными служебные подлоги любых официальных документов, не уточняя, какие из них могут обеспечиваться охраной уголовного закона, но указывает на конкретные виды коммерческих документов, защищаемых действующим уголовным законодательством, причем их перечень является исчерпывающим.

Необходимо усилить ответственность за деяния, ответственность за которые предусмотрены ст. 292 и 292-1 УК РФ, отнеся служебный подлог к категории тяжких преступлений путем увеличения максимального предела санкции статьи до шести лет лишения свободы.

Обращаясь к опыту зарубежных государств (в частности Англии, Section 20A of the Criminal Justice Act 1991 (offence of making false statement as to financial circumstances) // Criminal Justice Act 2003. – P. 162.), при назначении наказания в виде штрафа законодательно обязать лицо предоставлять информацию о своем имущественном положении. Непредставление требуемой судом информации при назначении штрафа или представление информации, несоответствующей действительности, целесообразно криминализировать. Если лицо не сообщит о себе требуемую информацию без уважительных причин, то суд может назначить ему штраф в пределах стандартной шкалы. Если же лицо представляет заведомо ложную информацию, или умалчивает о каких-либо существенных фактах, сумма штрафа должна быть увеличена.

Также считаем справедливым мнение В.В. Путина на заседании Совета при Президенте по противодействию коррупции 26 января 2016 года, что ключевой задачей остаётся формирование в обществе антикоррупционного правосознания. Неприятие к нарушению закона должно воспитываться со школьной скамьи – и в школах, и в высших учебных заведениях, и в средних учебных заведениях, и, конечно, на работе и в семье.

Кумпан А.С.

магистрант

Российский университет дружбы народов

О некоторых аспектах криминологической характеристики женщин, совершающих преступления в сфере экономики.

В настоящее время все больше и больше женской аудитории вовлекается в преступный мир. Несмотря на, относительно, небольшой процент выявленной

женской преступности в сфере экономики (в среднем 15%)¹, эта проблема является довольно значительной, требующей своего разрешения.

Проблемами женской преступности в экономической сфере занимались видные отечественные ученые: Г.А. Аванесов, Ю.М. Антонян, Т.Н. Волкова, М.Н. Голоднюк, А.И. Долгова, Е.В. Стругова и другие.

Актуальность проблемы женской экономической преступности определяется целым рядом обстоятельств. Во-первых, это приводит к значительным общественным последствиям как для женщины, ее семьи, а именно для ее морального и материального состояния. Во-вторых, прирост женской преступности в целом в стране плохо отражается на всех сферах жизни общества.

Женской преступности в сфере экономики присущи корыстные преступления, такие как мошенничество, присвоение и растрата и, конечно, кража.

В связи с этим необходимо проводить анализ мошенничества, совершенного лицами женского пола. Это нужно для того, чтобы в последующем понимать тенденции развития преступлений в данной сфере и уметь их предупреждать.

Считается, что у женщин криминальная активность меньше, чем у мужчин. Преступность женщин в сфере мошенничества в 5-7 раз² ниже по сравнению с «сильным» полом.

Интересный факт, что женщины участвуют в совершении преступлений в сфере экономической деятельности значительно чаще, чем в совершении других преступлений. Более того, доля женщин в экономических преступлениях больше, чем доля мужчин.

При исследовании статистических данных ГИАЦ МВД России можно сделать вывод, что женская преступность в сфере экономики носит волнообразный характер.

Не стоит забывать, что для женской преступности свойственна высокая степень латентности. Именно поэтому мошенничество в всей структуре корыстных преступлений относится к числу преступлений, которые характеризуются крайне низким уровнем выявляемости.

Раскрывать женские экономические преступления нелегко, так как они отлично маскируют свой умысел, и следовательно, факт преступления не сразу раскрывается, они отлично манипулируют документацией, которую используют в качестве прикрытия, а также женщине значительно проще найти психологический контакт с жертвой. Естественно, проходит достаточно большое количество времени, улики со временем пропадают и изобличить преступницу не представляется возможным.

По способу совершения экономических преступлений, женщины разделены на следующие типы:

- интеллекткуалки;
- примитивистки;
- компаньонки.

Интеллектуалки отличаются наиболее высоким интеллектом, они всегда заранее планируют весь процесс преступления, взвешивая все «за» и «против», не остается без внимания и способ избежать ответственность в «экстренном» случае.

¹ Швец А.В. Состояние и динамика мошенничеств, совершаемых женщинами. «Русский следователь», №9 2014

² Серебрякова В.А., Зырянов В.Н. Корыстные преступления, совершаемые женщинами. М., 1990. С.8

Примитивистки не столь обдумчивы как интеллектуалки. Девиз данной категории преступниц: «Беру все, что плохо лежит». Чаще всего их представительницы проявляются в кражах, разбоях, грабежах.

Компаньонки предпочитают не действовать в одиночку, а создать для корыстных целей организованную группу. Причем совсем не обязательно, чтобы организатором такой группы была женщина. Лидерами могут быть и мужчины. Чаще всего мужчина это «мозговой центр» преступного деяния.

В чем же причины такого роста женской преступности в экономической сфере? Их достаточно. Это не эффективное функционирование механизмов регулирования трудовой занятости женщин, ослабление института семьи и материнства, слабая социальная защищенность женщин, деформация нравственных ценностей в обществе и т.д.

Для того, чтобы сформировалась личность преступницы необходимо, чтобы тяги социальной жизни, а так же психологические проблемы были невыносимы. В данном случае у женщины развиваются внутриличностные конфликты, которые ведут ее к депрессивному, отрешенному состоянию. Тем самым формируется антисоциальная личность с преступным поведением.

Как бороться с экономической женской преступностью?

В целях предупреждения женской преступности в сфере экономики необходимо: 1) выявление женщин склонных к совершению экономических преступлений и оказание на них профилактическое воздействие с помощью таких мер как убеждение, принуждение; 2) выявление конкретных причин и условий совершения преступлений женщинами и принятие необходимых мер для их устранения; 3) непосредственное предупреждение экономических преступлений, совершаемых женщинами и с их участием; 4) борьба с пьянством, наркоманией, проституцией, бродяжничеством среди женщин, а также с преступлениями, совершаемые на этой почве.

При изучении мер профилактики женской преступности в экономической сфере можно сделать вывод, что необходима разработка Национальной программы предупреждения преступности женщин, предусматривающих конкретные меры профилактики данного вида преступления.

Основу предупредительной деятельности в отношении женщин являются международные акты. Например, Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979г. (Факультативный протокол к этой Конвенции был принят Генеральной Ассамблеей ООН в 1999г. И ратифицирован в России в 2004 г.)¹ В них содержатся принципиальные положения, в которых указывается не только наличие таких прав, но и обязанность государства обеспечить их соблюдение.

При этом создавать новую, исключительно «женскую» нормативную базу не нужно. Достаточно лишь добиться того, чтобы социально-профилактические инициативы должны реализовываться на месте, а не дожидаться указаний «сверху».

Государственная политика в отношении женщин должна складываться из трех основных компонентов:

- компенсация их объективно сложного положения на рынке труда;
- борьба с дискриминацией (включая меры по защите материнства и детства);
- меры по их объективной конкурентоспособности на рынке труда.

Желательно, создать орган, который будет реализовывать права женщин. Это может быть, например, антидискриминационный орган, разработанный

¹ Собрание законодательства РФ.2004.№25.Ст.2483

Конвенцией Международной организации труда №100 от 1951 г. И успешно работающий во многих странах.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что в стране нет благоприятной сферы для предупреждения и профилактики женской преступности в сфере экономики. Это обуславливает принятия эффективных мер для улучшения ситуации в целях уменьшения преступных показателей.

Список использованных источников.

1. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979г.
2. Серебрякова В.А., Зырянов В.Н. Короткие преступления, совершаемые женщинами. М., 1990.
3. Швец А.В. Состояние и динамика мошенничеств, совершаемых женщинами. «Русский следователь» 2014, №9.

Горбунов А.В.

магистрант

Ивановский государственный университет

К вопросу о включении в УК РФ специальной нормы, предусматривающей ответственность за применение насилия в отношении медицинских работников.

Проблема обеспечения безопасности «людей в белых халатах» при исполнении ими служебных обязанностей, защиты их жизни и здоровья на сегодняшний день является как никогда актуальной¹. В первую очередь это связано с тем, что в последние годы медработники всё чаще становятся «мишенью» для посягательств как со стороны пациентов, так и их близких; участниками дорожных конфликтов, спровоцированных водителями, отказывающимися пропускать «скорую помощь» и т.п. Из года в год число таких случаев только увеличивается. В связи с этим, Следственный комитет РФ в этом плане старается жестко реагировать на такие правонарушения, чтобы в обществе выработалось уважительное отношение к людям самой гуманной профессии, преследуя при этом цель не только наказать виновных, но и предупредить такие действия со стороны потенциальных будущих правонарушителей². Об этом свидетельствует анализ следственной практики, из которой видно, что виновные лица не остаются безнаказанными.

Так, например, в апреле 2017 г. бригада «Скорой помощи» прибыла на вызов по сообщению о попытке суицида местного жителя г. Керчи. Когда они стали выходить из квартиры подозреваемого, последний подошёл к стоящему к нему спиной медработнику и три раза ударил его ножом в жизненно важные органы. Первоначально такие действия были квалифицированы по ст. 111 УК РФ. По инициативе следственных органов ГСУ СК РФ по Республике Крым указанное дело было принято к своему производству и переквалифицировано на ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ³.

¹ «О защите жизни и здоровья медицинских работников при исполнении ими служебных обязанностей»: резолюция по итогам заседания «круглого стола». URL: <https://duma.mos.ru/ru/0/news/novosti/napadenie-na-medika-eto-ugolovnoe-prestuplenie> (дата обращения: 23.04.2017).

² См.: Новости Следственного комитета РФ. URL: <http://sledcom.ru/news> (дата обращения: 29.04.2017).

³ Там же.

Однако, анализируя научную литературу, сообщения из СМИ, мы видим, что большинство исследователей данного вопроса придерживаются иной позиции, заключающейся в том, что действующий УК РФ в недостаточной мере защищает медицинских работников от различного рода посягательств. А некоторые даже считают, что имеет место быть несоразмерность норм. Так, например, В. В. Игнатенко, полагает, что в случае, если медработником при врачевании совершено преступление, то его наказывают как специального субъекта, а если на него самого совершается нападение в связи с оказанием медицинской помощи пациенту, то государство защищает его как простого гражданина. Он считает, что это не совсем правильно, так как такой перекокс принижает роль врачей, делает их работу более опасной и незащищённой¹.

Предложения по защите рассматриваемой категории лиц высказываются не только в литературе, но и поступают от лиц, наделённых законодательной инициативой, согласно ч.1 ст. 104 Конституции РФ. Начиная с 2014 г. в Государственную Думу РФ постоянно вносятся законопроекты, направленные на усиление уголовной ответственности за посягательства на медработников. Но, ни один из них до настоящего времени не получил статуса федерального закона². Всего таких законопроектов было внесено четыре. Мы же проанализируем самый последний (№ 104489-7), внесённый 16.02.2017 г. Мосгордумой, находящийся в настоящее время на рассмотрении. Указанным документом предлагается ввести в гл. 25 УК РФ ст. 237.1 УК РФ «Применение насилия в отношении медицинского работника, посягательство на его жизнь при выполнении профессиональных обязанностей по оказанию медицинской помощи»³.

На наш взгляд, представленный законопроект может быть осмыслен критически. Начнём с того, что внести изменения предлагается в главу 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности». Общественная опасность преступлений указанной главы в том, что они причиняют вред здоровью и нравственности не отдельным личностям, а здоровью населения, то есть неопределённому кругу лиц⁴. В этой связи правильно замечено Т. Зверинцевой, что в законопроекте № 104489-7 речь идёт уже не о медработниках, претендующих на особый «властный» статус, а о защите граждан, которые могут и не дожидаться прибытия фельдшера в связи с тем, что он подвергся нападению. Кроме того, она отмечает, что такого рода действия приносят обществу не меньше вреда, чем распространение, например, наркотических средств или сутенёрство⁵. Пожалуй, с последним утверждением следует согласиться, если представить себе такой случай, когда участковый врач единственный на весь населённый пункт и в отношении него совершено противоправное деяние. Однако, у нас вызывает удивление тот факт, что признак потерпевшего предлагают распространить на всех медицинских работников, в чём, по нашему мнению, нет необходимости. Так, если мы обратимся к Приказу Минздрава России от 20.12.2012 г. № 1183н, то увидим, что к медицинским

¹ См.: Игнатенко В. В. Врач как субъект уголовной ответственности // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке: материалы Всерос. науч.-теоретич. конф. адъюнктов, курсантов и слушателей вузов МВД России, аспирантов и студентов образовательных организаций, посвящённой 55-летию Ростовского юрид. института МВД РФ. Ростов н/Д, 19 апреля 2016. Ростов н/Д, 2016. С. 60.

² См.: Мелихов С. Ю. Быть ли статье Уголовного кодекса РФ о нападении на медицинских работников? // Медицинское право. 2016. № 3. С. 18.

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: проект Федерального закона № 104489-7. URL:[http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=104489-7](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=104489-7) (дата обращения: 23.04.2017).

⁴ См.: Сундуров Ф. Р., Талан М. В. Уголовное право России. Особенная часть: учебник. М., 2012. С. 301.

⁵ См.: Зверинцева Т. За нападение на медиков могут ввести повышенную ответственность. URL: <http://gosvopros.ru/non-job/health/napadeniya-na-medikov/> (дата обращения: 24.04.2017).

работникам, имеющим иное немедицинское образование относятся: биолог, зоолог, инструктор-методист по лечебной физкультуре и др¹. В связи с этим возникает вопрос: посягательство на них причинит вред здоровью и нравственности населения? Полагаем, что «нет». В то же время, если взять водителя «кареды скорой помощи», то он не относится к медицинскому работнику, хотя случаи нападения на него в практике имеют место быть. Представленным же законопроектом никак не предлагается его защитить, хотя несвоевременное доставление больного в медицинское учреждение или фельдшера к пациенту, куда больше принесёт вреда, чем посягательство, например, на медработников, имеющих иное немедицинское образование. На наш взгляд, всё это лишь приведёт к нарушению принципа справедливости.

Обращаясь к санкциям предлагаемой нормы и сравнивая их с санкциями ст. 317 и ст. 318 УК РФ, мы видим, что отличие только в размере наказания за «применение насилия опасного для жизни и здоровья...». В ст. 317 УК РФ предусмотрено наказание в виде лишения свободы до 10 лет, а в проектной ч.2 ст. 237.1 УК РФ до 12 лет. Полагаем, что такой завышенный размер санкций обусловлен всплеском подобных случаев в нашей стране, большой оглаской в прессе, отсутствием иных механизмов защиты медицинских работников. Действительно, рассматриваемую категорию лиц необходимо уберечь от участившихся нападений, но при этом мы же не должны руководствоваться стихийными побуждениями, внося изменения в УК РФ, особенно при определении размера наказания. Устанавливая размер лишения свободы по ч. 2 ст. 237.1 УК РФ до 12 лет, мы тем самым принижаем общественную опасность преступлений против порядка управления, что по нашему мнению, не совсем правильно. При внесении изменений в УК РФ всегда следует соблюдать определённые условия, необходимые для криминализации деяния, учитывать правила юридической техники, что, по нашему мнению, при внесении законопроекта № 104489-7 сделано не было.

Список использованных источников.

1. Зверинцева Т. За нападение на медиков могут ввести повышенную ответственность. URL: <http://gosvopros.ru/non-job/health/napadeniya-na-medikov/> (дата обращения: 24.04.2017).
2. Игнатенко В. В. Врач как субъект уголовной ответственности // Перспективы государственно-правового развития России в XXI веке: материалы Всерос. науч. - теоретич. конф. адъюнктов, курсантов и слушателей вузов МВД России, аспирантов и студентов образовательных организаций, посвящённой 55-летию Ростовского юрид. института МВД РФ. Ростов н/Д, 19 апреля 2016. Ростов н/Д, 2016. С. 58-61.
3. Мелихов С. Ю. Быть ли статье Уголовного кодекса РФ о нападении на медицинских работников? // Медицинское право. 2016. № 3. С. 18-22.
4. Новости Следственного комитета РФ. URL: <http://sledcom.ru/news> (дата обращения: 29.04.2017).
5. Об утверждении Номенклатуры должностей медицинских работников и фармацевтических работников: Приказ Минздрава России от 20 декабря 2012 г. № 1183н (ред. от. 01.08.2014) // Российская газета. 2013. 27 марта. № 65; Российская газета. 2014. 20 августа. № 187.

¹ Об утверждении Номенклатуры должностей медицинских работников и фармацевтических работников: Приказ Минздрава России от 20 декабря 2012 г. № 1183н (ред. от. 01.08.2014) // Российская газета. 2013. 27 марта. № 65; Российская газета. 2014. 20 августа. № 187.

6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: проект Федерального закона № 104489-7. URL: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=104489-7](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=104489-7) (дата обращения: 23.04.2017).

7. «О защите жизни и здоровья медицинских работников при исполнении ими служебных обязанностей»: резолюция по итогам заседания «круглого стола». URL: <https://duma.mos.ru/ru/0/news/novosti/napadenie-na-medika-eto-ugolovnoe-prestuplenie> (дата обращения: 23.04.2017).

8. Сундуrow Ф. Р., Талан М. В. Уголовное право России. Особенная часть: учебник. М., 2012. - 943 с.

Степанов Н.А.

магистрант

Российский университет дружбы народов

Проблема назначения наказания несовершеннолетним.

Преступность среди несовершеннолетних остается актуальной проблемой современного российского общества. К всеобщему сожалению, приходится констатировать, что несовершеннолетние лица являются одной из наиболее криминально зараженной, а также и наименее социально защищенной категорией населения. В связи с высоким уровнем преступности несовершеннолетних сохраняется и высокий уровень осужденных подростков¹. Одним из способов реагирования общества на противозаконное поведение несовершеннолетних является уголовное наказание. Однако при решении проблемы уголовной ответственности несовершеннолетнего за совершенные им преступления, необходимо понимать, что даже оступившийся подросток в силу возраста - объект повышенной защиты. Большинство международно-правовых актов, которые касаются отправления правосудия в отношении данной категории населения, исходят из этого фактора. В РФ выстроена особая система обращения с несовершеннолетними лицами, нарушившими закон. В эту систему входят специфические средства воздействия на юных правонарушителей.

В уголовном праве России в той части, которая касается осуществления правосудия в отношении несовершеннолетних, начиная с первых упоминаний XVII века, наблюдается двойное отношение к несовершеннолетним: 1) довольно низкий возраст наступления уголовной ответственности во все периоды развития России; 2) проявление более мягкого подхода к несовершеннолетним правонарушителям по сравнению к совершеннолетним лицам. Данный подход также характерен почти для всех этапов развития российского уголовного законодательства в сфере уголовной ответственности несовершеннолетних лиц².

Законодатель предусмотрел существенное смягчение репрессивных мер в отношении несовершеннолетних вследствие их психологической и социальной незрелости, не сформированной системы социальных ценностей, подверженности влиянию со стороны совершеннолетних преступников. Необходимо в каждой конкретной ситуации подходить индивидуально к установлению наказания в

¹ Любавина, М. А. Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: учебное пособие / М. А. Любавина. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. С. 92.

² Волосатов А. В. Несовершеннолетний как субъект уголовной ответственности в России с XVIII века (историко-правовой аспект) // Вопросы гуманитарных наук. 2013. № 3.

отношении несовершеннолетнего. Нужно разумно сочетать воспитательные и карательные меры уголовно-правового воздействия на подростков, чтобы достичь целей наказаний.

Уголовная ответственность несовершеннолетних регулируется УК РФ, отдельной главой. Это связано с особенностями физического и нравственного развития несовершеннолетних лиц. Основные нормативные акты, регулирующие уголовно-правовую политику в сфере ответственности несовершеннолетних:

1. Конституция РФ (ст. 38);
2. Конвенция ООН о правах ребенка 1989 г.;
3. Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила), 1985 г.

Судопроизводство по делам несовершеннолетних должно основываться на полном соблюдении норм материального и процессуального закона, общепринятых принципах гуманизма и справедливости наказания. В судебном производстве где обвиняемым является лицо до 18 лет должно быть: обеспечение интересов обвиняемого, защита законных прав несовершеннолетних, назначение справедливого наказания, предупреждение совершения новых преступлений. Меры, которые связаны с изоляцией несовершеннолетних лиц, следует применять лишь в тех случаях, когда иное наказание не сможет достичь своей цели – перевоспитания лица¹.

Часть 1 статьи 88 УК РФ, исходя из целей наказания несовершеннолетних, определяет виды наказаний для них:

- а) штраф;
- б) лишение права заниматься определённой деятельностью;
- в) обязательные работы;
- г) исправительные работы;
- д) ограничение свободы;
- е) лишение свободы на определённый срок².

Следовательно, из двенадцати видов наказаний, предусмотренных в Уголовном Кодексе России для всех совершеннолетних осужденных, к несовершеннолетним преступникам применимы только шесть, которые в большей степени отвечают возрастному критерию таких лиц, их позиции и статусу в обществе и реальной возможностью перевоспитательного и исправительного воздействия.

Одной из главных особенностей наказания несовершеннолетних являются сроки наказаний, которые назначаются судом подросткам, и которые значительно ниже сроков назначаемых совершеннолетним. Это основано не только на принципе гуманизма, но и на заботе о дальнейшей судьбе осужденного подростка. Особенно это характерно при таком наказании как лишение свободы. Главная цель наказания - это исправление преступника, но по отношению к подростку оно не может быть увеличено во времени, потому как период с 14 лет характерен установлением человека, как личности, его окончательной социализацией. Именно поэтому будет неправильным долговременное приостановление данного этапа, иначе лицо, когда вернется в общество, не сможет найти место среди людей, закрепиться как полноправный гражданин своего государства³.

¹ Курганов С.И. Наказание: уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и криминологический аспекты. – «Велби», «Проспект», 2008. С. 93.

² Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 22.11.2016) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Дядькин Д.И. Правило учета несовершеннолетнего возраста подсудимого при назначении наказания. // Уголовное Право. – 2006. – № 6.

К несовершеннолетним лицам не могут применяться такие наказания, как пожизненное лишение свободы и смертная казнь. Данное положение закономерно отображает принцип справедливости и нисколько ему не противоречит, так как наказание назначает суд с учетом личности обвиняемого лица.

К сожалению, согласно судебной практике на первом месте по применению видов уголовного наказания в отношении несовершеннолетних идет лишение свободы, которое в большинстве случаев назначается судом условно и в основном не приносит нужного результата.

На мой взгляд, необходимо чаще применять другие виды наказаний, не связанные с лишением свободы, которые позволят оставить подростка в его обычной среде, но помимо этого, данные наказания, в отличие от условного осуждения, не будут порождать мысль о безнаказанности у несовершеннолетнего преступника.

Полагаю, что при применении таких наказаний как обязательные работы и исправительные работы судам необходимо учитывать следующие факторы: степень занятости несовершеннолетнего и целесообразность исполнения данного наказания, общественную полезность обязательных работ, в том числе для органов местного самоуправления. Поэтому требуется норма, регулирующая возможность переноса исполнения наказания на более полезное для общества время (весенний, летний, осенний периоды), когда требуется больше работников для выполнения работ по благоустройству территорий, уборке мусора и т.п. Кроме того, исполнение наказания в период каникул позволит не отвлекать осужденного от учебы, а ожидание исполнения наказания удержит его от совершения новых правонарушений.

Уголовная ответственность несовершеннолетних является проблемным вопросом в нашей стране. Каждое дело о преступлении несовершеннолетнего требует индивидуального подхода, на практике у судей же сложился шаблонный подход к рассмотрению дел с участием несовершеннолетних.

Как отмечают многие специалисты, судьям необходимо какое-то время, чтобы адаптироваться к нынешним условиям работы и в полном объеме распоряжаться положениями действующего Уголовного Кодекса Российской Федерации и Уголовно-Процессуального Кодекса Российской Федерации. При этом образование принципиально иной судебной практики относится к ведению Верховного Суда Российской Федерации.

Совершаемые несовершеннолетними преступные деяния – это сигнал социуму о недостатках, которые существуют в нравственном развитии юного поколения. Успех нравственного развития связан с созданием здоровой этической атмосферы, как в масштабах государства и общества, так и в отдельных группах, а, главное, в семье; с органическим сочетанием массовой и индивидуальной работы с гражданами.

Список использованных источников.

1. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 22.11.2016) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Волосатов А. В. Несовершеннолетний как субъект уголовной ответственности в России с XVIII века (историко-правовой аспект) // Вопросы гуманитарных наук. 2013. № 3.
3. Дядькин Д.И. Правило учета несовершеннолетнего возраста подсудимого при назначении наказания. // Уголовное Право. 2006. № 6.

4. Курганов С.И. Наказание: уголовно-правовой, уголовно-исполнительный и криминологический аспекты. – «Велби», «Проспект», 2008. – 253 с.

5. Любавина, М. А. Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: учебное пособие / М. А. Любавина. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. — 104 с.

Алиева Д.Т.
бакалавр

Ивановский государственный университет

Перспективы развития уголовно – правовых норм об ограниченной вменяемости.

Институт уголовной ответственности лиц с психическим расстройством, не исключаящим вменяемости, известен российскому уголовному законодательству уже два десятилетия, но до сих пор он остается предметом острых дискуссий. Актуальным является определение перспективы развития уголовно – правовых норм, составляющих содержание института ограниченной вменяемости, на базе законодательного опыта зарубежных стран, научных трудов отечественных ученых - юристов и психиатров, а также судебной практики.

Первой проблемой, которую активно обсуждают ученые, является определение правовой природы психического расстройства, указанного в ст. 22 УК РФ. Большинство авторов¹ на сегодняшний день указывают на то, что в данной статье речь идет только о расстройствах психики патологического характера, т.к. неболезненные психические состояния не способны ограничить сознательную и волевою сферу в той степени, которая требует учета при назначении наказания. Сторонников включения в медицинский критерий ограниченной вменяемости психических расстройств, не являющихся болезнью, крайне мало.

В ст. 22 УК РФ законодатель не дает перечня психических расстройств аналогично ст. 21 УК РФ. Является ли это упущением? По справедливому замечанию Б. А. Спасенникова, содержащаяся в ст. 21 УК РФ терминология не используется ни в Законе РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», ни в Международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10)². Мы согласны, что законодателю стоит ограничиться термином «психическое расстройство», обозначающим бланкетный признак субъекта преступления, и подлежащим толкованию в соответствии с разделом МКБ – 10 «Психические расстройства и расстройства поведения».

Психическое расстройство, указанное в статье 22 УК РФ, должно значительно ограничивать сознательную и волевою сферу, иначе институт

¹ См. напр.: Вилкова А.В., Спасенников Б.А. Уголовно – правовое значение психических расстройств в судебной практике // Мировой судья. 2015. № 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Долгова С.В. Особенности медицинского критерия ограниченной вменяемости // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. №9. С. 85 - 90; Кононов А.Д. Неболезненные состояния психики в контексте критериев ограниченной вменяемости // Социальная и юридическая психология. 2012. №26. С. 96-101; Хайрутдинов Р.Р. Категория «ограниченной вменяемости» и проблемы ее применения в уголовном праве РФ // Российский следователь. 2009. N 19. С. 20-23 и др.

² Спасенников Б.А. Уголовно – правовое значение психических расстройств // Медицинское право. 2015. №2. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ограниченной вменяемости будет иметь место при любых отклонениях от психической нормы и ввиду этого теряет всякий смысл.

Отсутствие в ст. 22 УК РФ указания на конкретный способ учета правоприменителем психического расстройства породило многолетние дискуссии. В настоящее время господствующим является представление о том, что состояние ограниченной вменяемости необходимо оценивать в совокупности и взаимосвязи с другими обстоятельствами по делу¹. Данный вывод согласуется и с правовой позицией, сформулированной Конституционным Судом РФ². Недопустимость безоговорочного смягчения наказания обосновывает наличие примеров из судебной практики, где психическое расстройство, не исключающее вменяемости, остается нейтральным обстоятельством³. В указанных решениях были назначены только принудительные меры медицинского характера (ПММХ). Однако назначение наказания и ПММХ – это два самостоятельных последствия совершения преступления в состоянии ограниченной вменяемости, поэтому мы считаем, что такой подход противоречит императивной норме ч. 2 ст. 22 УК РФ, запрещающей игнорировать состояние ограниченной вменяемости. Выходом из указанной ситуации представляется указание в ч. 2 ст. 22 УК РФ на возможность смягчения наказания.

Заслуживающим внимание к проблеме учета состояния ограниченной вменяемости при назначении наказания является дифференцированный подход швейцарского законодателя, указавшего в ч. 4 ст. 19 УК на недопустимость смягчения наказания лицам, которые имели возможность избежать состояния ограниченной вменяемости и предвидеть содеянное⁴. Очевидно, что в данном случае имеются в виду лица, страдающие алкоголизмом, наркоманией и токсикоманией. Снижение наказания указанным субъектам несправедливо, т.к. психические расстройства вызваны действиями самих лиц и свидетельствуют о безразличном отношении к тому, каким образом данные расстройства скажутся на поведении.

Российскому правоприменителю для учета заболевания подсудимого алкоголизмом, наркоманией и токсикоманией в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, препятствий нет. **Это** подтверждается примерами из судебной практики⁵. Более того, нами были обнаружены решения, где алкоголизм, наркомания или токсикомания оценивались судом в качестве обстоятельств, смягчающих наказание наряду с признанием состояния опьянения (на основании ч. 1.1 ст. 63 УК РФ) обстоятельством, отягчающим наказание⁶. Такой подход, по нашему мнению, противоречит здравому смыслу.

¹ См. напр.: Долгова С.В. Проблемы уголовной ответственности лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости: дис. ...канд. юрид. наук. Калининград, 2003. С. 141; Жамбалова А.Ю. Уголовная ответственность лиц с психическими аномалиями, не исключающими вменяемость: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 15; Спасенников Б.А. Проблемы теории и судебной практики, связанные с решением вопросов наказания лиц, страдающих психическим расстройством // Российский судья. 2014. № 6. С.37 и др.

² Определение Конституционного Суда РФ от 21.04.2011 N 492-О-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ См. напр.: Кассационное определение Верховного Суда РФ от 26.11.2015 по делу N 18-УД15-84. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Приговор Тейковского районного суда от 25 мая 2015 г. № 1-75/2015 // Архив Тейковского районного суда. Ивановская область.

⁴ Schweizerisches Strafgesetzbuch vom 21. Dezember 1937 (Standam 1. Januar 2017). URL: <https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/19370083/index.html> (дата обращения: 02. 01. 2017). Перевод автора.

⁵ См. напр.: Приговор Промышленного районного суда г. Курска от 13 января 2016 г. № 1-36/2016 // Архив Промышленного районного суда. г. Курск.

⁶ См. напр.: Приговор Савинского районного суда от 24 июля 2015 г. № 1-24/2015 // Архив Савинского районного суда. Ивановская область; Приговор Анадырского городского суда от 21 октября 2016 г. по делу № 1-33/2016 // Архив Анадырского городского суда. Чукотский автономный округ.

В ч. 2 ст. 22 УК РФ в качестве второго возможного последствия названы «принудительные меры медицинского характера», но в действительности ограниченно вменяемому лицу может быть назначена только одна мера – принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях (ч.2 ст. 99 УК РФ). Несколько ПММХ может быть назначено лицу с диагнозом «педофилия», в случае, если он обнаруживает также психическое расстройство, не исключающее вменяемости¹. Это обусловлено тем, что педофилия указана в качестве самостоятельного основания для назначения ПММХ.

Резюмируя изложенное, мы предлагаем следующую редакцию ст. 22 УК РФ:
«Статья 22. Уголовная ответственность лица с психическим расстройством, не исключающим вменяемости

1. Вменяемое лицо, способность которого осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими во время совершения преступления была значительно ограничена в силу психического расстройства, подлежит уголовной ответственности.

2. Психическое расстройство, не исключающее вменяемости, может быть учтено судом при назначении лицу наказания в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, а также может служить основанием для назначения этому лицу принудительной меры медицинского характера.

3. Возможность смягчения наказания исключается для случаев совершения преступления лицом, страдающим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией».

Список использованных источников.

1. SchweizerischesStrafgesetzbuchvom 21. Dezember 1937 (Standam 1. Januar 2017). URL: <https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/19370083/index.html> (дата обращения: 02. 01. 2017). Перевод автора.
2. Вилкова А.В., Спасенников Б.А. Уголовно – правовое значение психических расстройств в судебной практике // Мировой судья. 2015. № 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»;
3. Долгова С.В. Особенности медицинского критерия ограниченной вменяемости // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. №9. С. 85-90;
4. Долгова С.В. Проблемы уголовной ответственности лиц с психическими расстройствами, не исключающими вменяемости: дис. ...канд. юрид. наук. Калининград, 2003. 244 с.;
5. Жамбалова А. Ю. Уголовная ответственность лиц с психическими аномалиями, не исключающими вменяемость: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 18 с.;
6. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 26.11.2015 по делу N 18-УД15-84. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»;
7. Кононов А.Д. Неболезненные состояния психики в контексте критериев ограниченной вменяемости // Социальная и юридическая психология. 2012. №26. С. 96-101;

¹ Ткаченко А.А., Шишков С.Н. Судебно-психиатрическая экспертиза по определению расстройств сексуальных предпочтений в свете Федерального закона от 29 февраля 2012 г. N 14ФЗ: информационное письмо. М., ФГБУ «ГНЦССП им. В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России. 2012. URL: http://serbsky.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=120&Itemid=91 (Дата обращения: 16.04.2016).

8. Определение Конституционного Суда РФ от 21.04.2011 N 492-О-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»;
9. Приговор Анадырского городского суда от 21 октября 2016 г. по делу № 1-33/2016 // Архив Анадырского городского суда. Чукотский автономный округ;
10. Приговор Промышленного районного суда г. Курска от 13 января 2016 г. № 1-36/2016 // Архив Промышленного районного суда. г. Курск;
11. Приговор Савинского районного суда от 24 июля 2015 г. № 1-24/2015 // Архив Савинского районного суда. Ивановская область;
12. Приговор Тейковского районного суда от 25 мая 2015 г. № 1-75/2015 // Архив Тейковского районного суда;
13. Спасенников Б.А. Проблемы теории и судебной практики, связанные с решением вопросов наказания лиц, страдающих психическим расстройством // Российский судья. 2014. № 6. С.36 – 39.
14. Спасенников Б.А. Уголовно – правовое значение психических расстройств // Медицинское право. 2015. №2. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»;
15. Ткаченко А.А., Шишков С.Н. Судебно-психиатрическая экспертиза по определению расстройств сексуальных предпочтений в свете Федерального закона от 29 февраля 2012 г. N 14ФЗ: информационное письмо. М.: ФГБУ «ГНЦССП им. В.П. Сербского» Минздрава России. 2012. URL: http://serbsky.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=120&Itemid=91 (Дата обращения: 16.04.2016);
16. Хайрутдинов Р.Р. Категория «ограниченной вменяемости» и проблемы ее применения в уголовном праве РФ // Российский следователь. 2009. № 19. С. 20-23.

Белова Е.В.

бакалавр

Марийский Государственный университет
Научный руководитель: Яковлева С.А.,

к.ю.н., доцент

кафедры уголовного права и процесса МарГУ.

**Концепция межотраслевого регулирования уголовно-правового
воздействия к лицам, совершившим общественно опасное деяние
в состоянии невменяемости**

Актуальность выбранной темы обусловлена проблемами уголовно-правового и уголовно-процессуального регулирования применения принудительных мер медицинского характера к лицам, совершившим общественно опасное деяние в состоянии невменяемости.

Анализ и сопоставление нормы ст. 21 УК РФ, норм глав 15 УК РФ и 51 УПК РФ выявляет пробелы регулирования уголовно-правового отношения, возникающего между государством и лицом, совершившим общественно опасное деяние в состоянии невменяемости.

Если основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все необходимые признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ, то в случае совершения общественно опасного деяния невменяемым лицом предполагается, что такое лицо не совершает преступления. Субъект в данном случае не обладает признаком вменяемости и не может осознавать фактического характера и общественной опасности своих действий

(бездействия) либо руководить ими вследствие психического расстройства.

Таким образом, исключается возможность реализации уголовной ответственности к лицу, совершившему общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, так как состав преступления «не полон»¹.

Эти положения нашли отражение в гипотезе нормы ч. 1 ст. 21 УК РФ, закрепившей исключение уголовной ответственности в отношении «лица, находившегося во время совершения общественно опасного деяния в состоянии невменяемости».

Между тем уголовная ответственность не является единственной формой реализации правового запрета. Лицу, совершившему общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, могут быть назначены принудительные меры медицинского характера, которые относятся к иным мерам уголовно-правового характера и закреплены в главе 15 раздела VI УК РФ. Однако некоторые ученые (М. Н. Белов, Г.Г. Криволапов) относят принудительные меры медицинского характера к формам реализации уголовной ответственности².

Понятия уголовной ответственности и уголовно-правового воздействия отличаются.

Так, уголовная ответственность представляет собой социально-правовое последствие преступления, основанное на обязанности лица, обусловленной виновностью совершенного деяния, подвергнуться государственному принуждению, а уголовно-правовое воздействие – это уголовно-правовое выражение государственного принуждения в ответ на общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом, в целях их специального предупреждения³.

Однако невменяемое лицо в момент совершения общественно опасного деяния повреждает охраняемое уголовным законом общественное отношение, и возможно наступление общественно опасных последствий, что вызывает необходимость законодательного закрепления применения к такому лицу уголовно-правового воздействия в виде принудительных мер медицинского характера.

Выходит, что уголовная ответственность в отношении невменяемого лица невозможна. Отсюда для восстановления объекта, как охраняемого уголовным законом общественного отношения, к указанному лицу применимо уголовно-правовое воздействие в виде принудительных мер медицинского характера.

Сложившийся в уголовно-правовой практике подход к определению задач и принципов уголовного права на основе личной ответственности неверен. В данном случае имеет смысл говорить об объективных признаках деяния. Следовательно, обоснованно под основанием уголовно-правового воздействия понимать общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом⁴.

Предлагаю под общественно опасным деянием, совершенным невменяемым лицом, к которому необходимо применить принудительные меры медицинского характера, понимать противоправное (противозаконное) общественно опасное действие (бездействие), причиняющее вред или создающее

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) (2-е издание, исправленное, дополненное и переработанное) (под редакцией доктора юридических наук, профессора Чучаева А.И.). - Юридическая фирма "КОНТРАКТ": "ИНФРА-М", 2010. С. 25.

² Белов М.Н. Уголовное право России. Часть Общая / под ред. Л.Л. Кругликова. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 113; Криволапов Г.Г. Уголовное право. Общая и Особенная части. Учебник / под ред. Н.Г. Кадникова. М.: Юриспруденция, 2013. С. 67.

³ Чучаев А.И., Фирсова А.П. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация: монография. - М.: "Проспект", 2010. С. 27.

⁴ Чучаев А.И., Фирсова А.П. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация: монография. - М.: "Проспект", 2010. С. 26.

угрозу причинения вреда общественным отношениям, охраняемым уголовным законом.

Кроме того, необходимо конкретизировать задачи уголовного законодательства применительно к невменяемым лицам, совершившим общественно опасные деяния, добавив в часть 1 ст. 2 УК РФ после слов «предупреждение преступлений» слова «и общественно опасных деяний».

Имеет смысл имплементировать в российское уголовное законодательство понятие «принудительные меры медицинского характера как меры безопасности», закрепленные уголовным законодательством Польши¹, Республики Беларусь², дополнив ст. 7 УК РФ частью 1.1 следующего содержания:

«1.1. Принудительные меры медицинского характера, применяемые к лицам, указанным в пунктах «а», «б», «в», «д» части 1 ст. 97 УК РФ, являются мерами безопасности государства, общества и граждан».

Поскольку обосновано применение мер уголовно-правового воздействия к лицу, совершившему общественно опасное деяние, то в целях обеспечения защиты общественных отношений целесообразнее было бы установить освобождение таких лиц от уголовной ответственности, а не исключение таковой. Освобождение от уголовной ответственности в связи с совершением общественно опасного деяния в состоянии невменяемости установить в статье 76.3 УК РФ.

Кроме того, решение задачи восстановления поврежденного объекта преступления, обеспечения безопасности государства, общества и гражданина и предупреждения совершения невменяемым лицом новых общественно опасных деяний потребует исключения части 2 из статьи 97 УК РФ и законодательного *установления обязанности* применить принудительные меры медицинского характера к невменяемым лицам, совершившим общественно опасные деяния.

Применение в ч. 1 ст. 443 УПК РФ выражения «суд выносит постановление в соответствии со статьями 21 и 63 Уголовного кодекса Российской Федерации об освобождении этого лица от уголовной ответственности» противоречит положениям ст. 21 УК РФ, содержащей утвердительную формулировку «не подлежит уголовной ответственности».

Таким образом, представляется правильным, что институт освобождения от уголовной ответственности необходимо расширить, добавив еще один вид, связанный с совершением лица общественно опасного деяния в состоянии невменяемости.

Гармония уголовно-правового и уголовно-процессуального регулирования применения уголовно-правового воздействия к лицам, совершившим общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, приобретает концептуальное значение.

Для защиты потерпевших от общественно опасных деяний невменяемых лиц и охраняемых уголовным законом объектов, а также предупреждения совершения указанными лицами новых общественно опасных деяний целесообразно исключить из ст. 97 УК РФ часть 2 и из ст. 443 УПК РФ часть 2.

Установление предписания суду обязательного применения принудительных мер медицинского характера к лицам, совершившим общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, позволит создать условия обеспечения надлежащей охраны объекта, охраняемого уголовным законом.

¹ Уголовный кодекс Польши, 1997, ст. 93. URL: <http://www.law.edu.ru> (дата обращения: 20.03.2017).

² Уголовный кодекс Республики Беларусь, ст. 28. URL: <http://www.law.edu.ru> (дата обращения: 20.03.2017).

Список использованных источников:

1. Белов М.Н. Уголовное право России. Часть Общая / под ред. Л.Л. Кругликова. М.: Волтерс Клувер, 2005.
2. Криволапов Г.Г. Уголовное право. Общая и Особенная части. Учебник / под ред. Н.Г. Кадникова. М.: Юриспруденция, 2013.
3. Уголовный кодекс Польши, 1997, ст. 93. URL: <http://www.law.edu.ru> (дата обращения: 20.03.2017).
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь, ст. 28. URL: <http://www.law.edu.ru> (дата обращения: 20.03.2017).
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) (2-е издание, исправленное, дополненное и переработанное) (под редакцией доктора юридических наук, профессора Чучаева А.И.). - Юридическая фирма "КОНТРАКТ": "ИНФРА-М", 2010.
6. Чучаев А.И., Фирсова А.П. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация: монография. - М.: "Проспект", 2010.

Квашнина Е.П.

студентка
Московский государственный
юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Склонение к самоубийству и доведение до самоубийства: история и современность.

Депутатом Государственной Думы Яровой И.А. внесен проект федерального закона, который предусматривает большое количество поправок в действующий Уголовный кодекс РФ, в частности, предлагается дополнение статьи 110 УК квалифицированными составами доведения до самоубийства, а также дополнить кодекс статьей 110¹ «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства»¹. В связи с изложенным возникает вопрос, почему именно в настоящий момент возникла инициатива, связанная криминализацией склонения к самоубийству.

Для того, чтобы ответить на данный вопрос, следует изучить –

Историческое развитие уголовной ответственности за доведение до самоубийства и склонения к самоубийству, а также рассмотреть социальные предпосылки криминализации склонения к самоубийству.

Впервые понятия склонение до самоубийства и доведение до самоубийства появляется в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» в 1845 году. Эпоха романтизма возвела самоубийство в разряд «болезни века». В то же время, эпоха великих реформ и развитие науки открыло доступ людям к самому явлению, как самоубийство. Также, если верить статистике того времени, с каждым годом количество самоубийств прогрессировало. Уровень самоубийств (на 100 тысяч жителей) составлял в 1803 году - 1,7; 1829 - 2,6; 1838 - 2,9². Эти и многие другие факторы, показывающие бурное развитие общества XIX века во

¹ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению». // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=157049#0>

² Веселовский К.С. Опыт нравственной статистики в России. СПб., 1847, с. 13-16

всех направлениях, в том числе и в заинтересованности самоубийством, заставляют законодателя того времени криминализовать склонение и доведение до самоубийства. Статьи о склонении к самоубийству и доведении до него содержались в 10 разделе Уложения, «О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц», главе второй «О самоубийстве». В ней, помимо ответственности за самоубийство, склонение выделялось, как отдельное преступление: *«Кто склонит другаго къ самоубійству, или же чрезъ доставленіе средствъ къ тому, или инымъ какимъ-либо образомъ будетъ участвовать въ совершеніи имъ сего преступленія..»*¹. Данное преступление приравнивалось к пособничеству в убийстве и наказывалось также. Отдельно выделялось отдельно доведение до самоубийства лица, находившегося в материальной или иной зависимости от преступника. Конечно, нельзя не обратить внимание на то, что практически все санкции за данные деяния включали в себя кару с религиозной стороны. Н.С. Таганцев отзывался об этом так: «С 1845 года наше право смотрит на него [самоубийство] преимущественно с религиозной точки зрения, хотя и проводит свой взгляд далеко не последовательно»². Уложением 1903 г. была отменена ответственность за самоубийство, введена ответственность за содействие самоубийству путем доставления средства и за подговор к нему.

Интересным представляется развитие уголовного законодательства, в частности ответственности за склонение к самоубийству и доведение до самоубийства в период СССР. Поскольку после октябрьского переворота было отменено царское законодательство и, вместе с тем, начались коренные изменения в стране, включавшие в себя антирелигиозную пропаганду, началась изменения и в законодательстве, на которое больше церковь не оказывала никакого давления. Так, в УК РСФСР 1922 года в главе 5 «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» в разделе 1 «Убийство» появилась статья 148, в которой говорилось, что *«содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего или лица, заведомо не способного понимать свойства или значение им совершаемого или руководить своими поступками, если самоубийство или покушение на него последовали»*³. Здесь особо выделяют признаки потерпевшего – несовершеннолетний или лицо, находящееся в беспомощном состоянии. В УК РСФСР 1926 г. склонение к самоубийству несовершеннолетнего или беспомощного сохранялась, вводилась также ч. 1. ст. 141 уголовной ответственности за доведение до самоубийства *«лица, находящегося в материальной или иной зависимости от другого лица, жестоким обращением последнего или иным подобным путем до самоубийства или покушения на него»*⁴. В это время образовывается как подразделение Центрального статистического управления отдел моральной статистики, учитывающий также и самоубийства. В период до Великой Отечественной войны 1941-45, уровень самоубийств был невысоким, хоть и прогрессировал. Например, в 1923 году общий уровень на 100 тысяч человек составлял 4.4, а в 1926 году – уже 6.4⁵. Возможно, этот факт и послужил поводом для включения доведения до самоубийства в список преступлений в УК РСФСР 1926 года.

В последний уголовный кодекс, принятый в советский период (УК РСФСР 1960 г.), были внесены многочисленные изменения, которые касались

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845. // <http://dlib.rsl.ru/viewer/01002889696#?page=1>

² Паперно И. Самоубийство как культурный институт. М., 1999.

³ Уголовный кодекс РСФСР. <http://www.library.ru/help/docs/n10349/yk1922.txt>

⁴ УК РСФСР 1926 г. // <http://docs.cntd.ru/document/901757374>

⁵ Гернет М.Н. Самоубийства в СССР: 1922-1925. М., 1927

преступлений против жизни. В частности, в нем более не было склонения до самоубийства, осталось только доведение (ст.107 УК РСФСР 1960 г.), определение которого похоже на то, которое дано в настоящем уголовном законодательстве. Но различия, все же, существенны. Так, было определено, что наказание следует за доведение до самоубийства *«лица, находившегося в материальной или иной зависимости от виновного»*.

Действующий УК РФ предусматривает в статье 110 ответственность за доведение до самоубийства или покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего¹. 9 марта 2017 года депутатом государственной думы Яровой И.А. был внесён законопроект по поводу изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению². Такая же инициатива исходила и от члена Совета Федерации Белякова А.В.³. Они предлагают внести изменения в статью 110 УК, дополнить уголовный кодекс статьей 110.1 УК, которая бы криминализовала склонение к самоубийству⁴. В пояснительной записке к проекту федерального закона, внесенного И.А. Яровой, говорится о том, что это обусловлено сложившейся общественной ситуацией. В частности, упоминается, что новые виды склонения к совершению самоубийства или содействия совершению самоубийства не прогнозировались ранее наукой и по факту приняли широкий масштаб, оказавшись вне уголовно-правовой оценки, а, значит, и вне мероприятий правоохранительных органов по выявлению организаторов такой деструктивной деятельности, а также защите потерпевших, особенно опасным видится тенденция развития популярности самоубийств среди подростков. Высказанные аргументы оправданы, поскольку в настоящий момент среди подростков огромным интересом пользуются такие явления, как «группы смерти», своеобразные игры, направленные на нарушение, в частности, правил дорожного движения с целью «пощекотать нервы». Мнения о том, что склонение к самоубийству, в особенности, несовершеннолетних, нужно криминализовать, поддерживается со стороны научного сообщества, например, Т.Г. Понятовская считает, что на количество самоубийств в подростковом возрасте влияет доступность информации в поисковых системах и социальных сетях о видах и способах суицида, существует много сайтов, где пытавшиеся покончить с собой делятся опытом. В связи с этим и необходимо криминализовать склонение несовершеннолетнего к самоубийству без признаков жестокого обращения, угроз или систематического унижения человеческого достоинства⁵. За 2015 год по данным Росстата самоубийство стало причиной смерти 24982 человек, из которых 460 – это дети. И с каждым годом количество детских суицидов растёт, поскольку постоянно растёт нагрузка на несовершеннолетних в связи с появлением новых учебных материалов и увеличением количества часов обучения, многие школьники просто не выдерживают такой программы и страдают от психических заболеваний. По данным исследований, в школах нового типа (лицеи, гимназии)

¹ "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 N 63-ФЗ. // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699

² «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части...». // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=157049#0>

³ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации». // http://d-russia.ru/wp-content/uploads/2017/01/suitsid_proek_jan2017.pdf

⁵ Т.Г. Понятовская «Доведение до самоубийства в уголовно-политическом контексте». М., 2017

здоровых учащихся осталось всего 2%, а в обычных школах – 10,1%¹. Дети пытаются отвлечься от обучения и выплеснуть свои эмоции с помощью адреналина, например, играя в игры по типу «беги или умри», которые активно обсуждаются в интернете.

Подводя итог вышесказанному следует отметить, что, обсуждаемая законодательная инициатива имеет место быть, поскольку с каждым годом подростки все активнее пользуются социальными сетями, через которые возможно воздействие на их подсознание. Но, как и любое новое явление, склонение к самоубийству еще не до конца изучено учеными-юристами, а также психотерапевтами и врачами-суицидологами, следует сначала подойти к проблеме с точки зрения науки, а потом уже решать вопрос о криминализации данного деяния.

Список использованных источников.

1. Веселовский К.С. Опыты нравственной статистики в России. СПб., 1847
2. Паперно И. Самоубийство как культурный институт. М., 1999
3. Гернет М.Н. Самоубийства в СССР: 1922-1925. М., 1927
4. Т.Г. Понятовская «Доведение до самоубийства в уголовно-политическом контексте». М., 2017
5. Инесса Смык. По материалам журнала «Домашний очаг».
6. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб., 1845.
7. Проект ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению»
8. УК РСФСР РСФСР 1922 г.
9. УК РСФСР 1926 г.
10. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 № 63-ФЗ.
11. Проект ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»

Шабазов У.А.

студент
Московский государственный
юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Проблема квалификации медицинских ошибок как уголовно-наказуемых деяний

Согласно Конституции Российской Федерации, человек, его права и свободы являются высшей ценностью, в свою очередь государство обязано соблюдать и защищать их. Среди всего перечня прав и свобод нас в данном исследовании наиболее интересуют право на жизнь и право на охрану здоровья и медицинскую помощь, закрепленные, соответственно, в 20 и 41 статьях Конституции.

¹ Инесса Смык. По материалам журнала «Домашний очаг». // <http://medportal.ru/enc/parentschildren/school/16/>

Современная медицина и система здравоохранения стремительными темпами развиваются, открывая все большее количество различных манипуляций и техник от лечения стволовыми клетками до возможной трансплантации головы. Однако расширение возможностей медицины также влияет на повышение риска для жизни и здоровья пациентов. Для решения этой проблемы были созданы правила и стандарты оказания медицинской помощи, устанавливаемые Министерством Здравоохранения, которые должны соблюдаться медицинскими работниками при осуществлении своей деятельности. Несмотря на то, что оказание несоответствующих данным правилам медицинских услуг, в частности, когда это становится причиной общественно опасных последствий, вызывает негативную реакцию со стороны общества, например, две трети россиян (65%) оценивают качество медицинских услуг, предоставляемых в государственных больницах и поликлиниках, в целом как низкое¹; не каждый случай получает квалифицированную правовую оценку. Стоит отметить, что в Российской Федерации отсутствует статистический учет преступлений, совершаемых в медицинской сфере.

Все действия врачей, оказавших некачественные медицинские услуги, которые вызвали неблагоприятные последствия для пациента принято делить на три группы: несчастные случаи, медицинские ошибки и профессиональные преступления. Наиболее неразработанной категорией, на мой взгляд, является именно медицинская ошибка.

Что следует понимать под медицинской (врачебной) ошибкой?

На данный момент в литературе нет единого подхода к определению врачебной ошибки, можно даже сказать, что в него закладывается неоднозначный смысл. А.А. Мохов и И. Н. Мохова считают, что «врачебная ошибка – это невиновное причинение вреда здоровью или жизни лица в связи с проведением диагностических, лечебных, профилактических мероприятий лицом (лицами), призванными оказывать такого рода помощь в соответствии с законом, договором, специальным правилом или сложившейся практикой»². Принципиально иное определение дает А.В. Кудakov, говоря, что «врачебная ошибка – это избрание медицинским работником опасных для жизни или здоровья пациента методов и средств диагностики и лечения, вызванное незнанием или самонадеянным игнорированием специальных юридически значимых требований, предъявляемых к профессиональному поведению в сложившейся ситуации»³.

Несомненно, отсутствие законодательного определения понятия медицинской (врачебной) ошибки создает трудности на практике при квалификации преступлений.

Сложности возникают при анализе субъективной стороны содеянного и при установлении вины медицинского работника, совершившего медицинскую ошибку. По моему мнению, любое деяние, совершаемое медицинским работником должно характеризоваться выраженным интеллектуальным элементом в виде осознания общественной опасности содеянного, следовательно, тут возможны как все виды умысла, так и неосторожность в виде легкомыслия. Исключение из этого круга преступной небрежности связано с тем, что виновный не предвидит возможность наступления общественно опасных последствий, хотя должен был и мог их

¹ URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115370>

² Мохов А.А., Мохова И. Н. Врачебная ошибка (социально-правовой аспект).- Волгоград: Волгоград. гос. ун-т, 2004 – с.57

³ См.: Кудakov А.В. Врачебная ошибка и ее уголовно-правовая оценка: Автреф.дис. ...канд. юрид. наук – Саратов, 2011- С.7

предвидеть, однако врач, получивший соответствующее образование и прошедший аккредитацию, будучи профессионалом в своем деле не может не ожидать наступления общественно опасных последствий, вероятнее он самонадеянно рассчитывает на их предотвращение.

Рассматривая объективную сторону стоит упомянуть о важности причинно-следственной связи между оказанием медицинской услуги или же бездействием и общественно-опасным последствием. В науке существует мнение¹, что в случае с бездействием или медицинской ошибкой причинность имеет место быть только, когда субъект преступления мог предотвратить общественно опасные последствия. Однако в судебной практике не всегда удается точно определить вероятность достижения полезного результата. Так, врач-терапевт Б. была осуждена по ч.2 ст. 109 УК РФ, так как не проводила пациентке лечения от язвенной болезни. Суд признал Б виновной, так как «при своевременном лечении язвенной болезни желудка, не исключено, что неблагоприятный исход заболевания у Т. можно было предотвратить. Однако, учитывая сопутствующие заболевания и возраст больной, категорично утверждать это не представляется возможным»².

Освятив некоторые общие проблемы, связанные с уголовно-правовой оценкой медицинских ошибок можно прийти к выводу, что Уголовный кодекс Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ), а именно пробельность и несовершенство порождают проблемы квалификации в том числе и тех деяний, которые мы называем врачебной ошибкой. Отсутствие специального состава преступления вынуждает оценивать соответствующие деяния медицинских работников в зависимости от наступивших последствий - причинение смерти или тяжкого вреда здоровью по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей – ч.2 ст. 109, ч.2 ст. 118.

Наибольшие трудности связаны с квалификацией по статье 124 (Неоказание помощи больному) УК РФ, так как здесь следует отличать неоказание помощи больному вообще и отказ от оказания помощи в связи с неправильным диагнозом. Медицинская ошибка имеет место, если врачом была проведена неверная диагностика, которая стала поводом отказа от оказания медицинских услуг больному.

Отказывая в помощи врач в любом случае рискует стать объектом уголовного преследования по ст. 124 УК, даже в случае, если он провел диагностику пациента и пришел к выводу, что его жизни ничего не угрожает. Создается впечатление, что при малейших сомнениях медицинский работник обязан провести полное обследование, однако низкое финансирование здравоохранения не позволяет оказывать должный уход за каждым из пациентов. К примеру суд установил, что невролог П, к которому в приемное отделение скорой помощью была доставлена К с жалобами на головную боль, озноб, общую слабость, неправильно диагностировал у нее медикаментозный сон, не выявил имевшие место признаки повышения внутричерепного давления, не назначил медикаментозные средства, отказал в госпитализации и полном обследовании, отправив К домой, где она и скончалась³.

¹ См. Ившин И.В., Чертов А.М. Уголовно-правовые аспекты неоказания помощи больному // Научные труды II Всероссийского съезда по медицинскому праву. Москва, 13-15 апреля 2005 г. / Под ред. Ю.Д. Сергеева – М: НАМП, 2005 – С. 442

² См. Нагорная И.И. Уголовно-правовая охрана жизни и здоровья человека при оказании медицинских услуг / Монография. Москва 2014 – С.159

³ URL: <https://rospravosudie.com/court-promyshlennyj-rajonnyj-sud-g-smolenska-smolenskaya-oblast-s/act-103193646/>

Медицинские работники могут быть привлечены к ответственности, в частности, по ст. 235 (Незаконное осуществление медицинской деятельности или фармацевтической деятельности) УК РФ за осуществление медицинской или фармацевтической деятельности без лицензии при условии, что такая лицензия обязательна, если это повлекло по неосторожности причинение вреда здоровью человека. На мой взгляд, данное деяние не стоит считать медицинской ошибкой, так как лицо оказывает медицинские услуги, осознавая, что у него нет формального права заниматься подобной деятельностью, однако субъектами таких преступлений зачастую являются лица, получившие профессиональное медицинское образование или работающие в медицинских учреждениях.

Стоит отметить, что медицинских работников могут привлекать к уголовной ответственности по статье 238 УК (Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности).

Таким образом, по данной статье квалифицируются действия медицинских работников, заключивших договор на оказание медицинских услуг, в котором установлены характер работ и условия их выполнения. Ответственность же наступает в случае, если будет доказан не только сам факт выполнения работ или оказания услуг, но и опасности этих действий для жизни и здоровья, а также, что важно, осознание лицом характера своих действий и их несоответствия требованиям безопасности.

В отличие от предыдущих рассмотренных преступлений медицинских работников, состав преступления по ч.1 ст.238 УК является формальным, а деяние признается оконченным с момента выполнения любого действия, противоречащего требованиям безопасности. По-моему, эта формулировка является излишне репрессивной.

Интересен приговор по делу акушера-гинеколога М, которая оказывала медицинские услуги по «ведению родов»: суд установил, что М не выполнила исследования, направленные на определение внутриутробного состояния плода, неверно оценила акушерскую ситуацию и несвоевременно выполнила операцию кесарева сечения, в результате у беременной родился живой, доношенный ребенок, состояние которого было тяжелым, обусловленным пневмонией смешанного генеза; наступила инвалидизация ребенка¹.

Разумеется, действия М можно считать медицинской ошибкой, однако ее действия не были бы уголовно наказуемы, если бы она совершила их, работая в государственной больнице. Мне кажется абсолютно неправильным разграничение субъектов преступления по наличию заключенного договора об оказании медицинской помощи.

На взгляд автора, решить проблемы квалификации медицинской ошибки можно, добавив новую норму в главу 16 (Преступления против жизни и здоровья) УК РФ:

Статья X Медицинская ошибка

1. Медицинская ошибка, то есть нарушение медицинским работником специальных правил на любой стадии оказания медицинской помощи, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека

2. То же деяние, повлекшее причинение смерти по неосторожности

¹ cURL : <https://rospravosudie.com/court-leningradskij-oblastnoj-sud-leningradskaya-oblast-s/act-522170024/>

Список используемых источников.

1. Мохов А.А., Мохова И. Н. Врачебная ошибка (социально-правовой аспект).- Волгоград: Волгоград. гос. ун-т, 2004 – с.57
2. Кудakov А.В. Врачебная ошибка и ее уголовно-правовая оценка: Автореф.дис. ...канд. юрид. наук – Саратов, 2011- С.22
3. Нагорная И.И. Уголовно-правовая охрана жизни и здоровья человека при оказании медицинских услуг / Монография. Москва 2014 – С.215
4. Ившин И.В., Чертов А.М. Уголовно-правовые аспекты неоказания помощи больному //Научные труды II Всероссийского съезда по медицинскому праву. Москва, 13-15 апреля 2005 г. / Под ред. Ю.Д. Сергеева – М: НАМП, 2005 – С.509
- 5.Пресс выпуск ВЦИОМ № 2919/<https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115370>
6. Приговор Промышленного районного суда г. Смоленска от 24 декабря 2010г. по делу № 1-296/10<https://rospravosudie.com/>
7. Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Ленинградского областного суда от 24 февраля 2011 г. по делу 22-306/2011

Якушев Д.В.

студент
Московский государственный
юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Мошенничество в сфере компьютерной информации: юридическая природа и соотношение со смежными составами преступлений

В условиях развивающихся компьютерных технологии проблема криминализации деяний в этой сфере стала особенно актуальной. Спорить, о целесообразности введения нового состава преступления уже поздно, куда актуальнее обратить внимание на соответствие норм уголовного закона реальной действительности, ведь отставание закона от быстро развивающихся общественных отношений в той или иной сфере порождает много вопросов и проблем, особенно у правоприменителей.

Федеральным законом от 29 ноября 2012 г. N 207-ФЗ¹ Уголовный кодекс Российской Федерации (далее по тексту – «УК РФ») дополнен статьей 159⁶, предусматривающей уголовную ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации. Диспозиция исследуемой нормы изложена следующим образом «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации, или информационно-телекоммуникационных сетей». Как верно отметила О.В. Ермакова, законодатель упомянул в диспозиции статьи только объективные признаки, как мы видим их законодатель не расшифровывает, поэтому многие правоприменители исходят из буквального толкования². В свою очередь

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ// Российская газета 8 июня 2010 г.

² Ермакова, О.В. Квалификация специальных видов мошенничества (ст. 159.1-159.6 УК РФ): учебное пособие / О.В. Ермакова. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2016. С. 60.

А.Ю. Чупрова под вводом информации при буквальном толковании понимает принесение новых электрических импульсов в систему хранения информации с помощью различных средств: клавиатуры, мыши, сенсорного экрана, камеры телефонов и планшетов, но, лазеры считаются графической информации. Стоит отметить что данные способы могут использоваться совокупно, и на практике, чаще происходит именно так¹.

Уголовный кодекс РФ в примечании к статье 272 закрепил понятие компьютерной информации, под которой понимаются сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи. Отмечается, что приведённое выше определение значительно устарело, в частности П.С. Яни пишет, что определение, данное в примечание к статье 272 УК себя изжило в силу внедрения и использования новых технологий, не подпадающих под него². Здесь же стоит упомянуть о информационно-телекоммуникационных сетях под которыми в соответствии со статьей 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ³ понимается система, осуществляющая передачу по каналам связи информацию, доступ к которой возможен через средства компьютерной техники. Таким образом стоит сформулировать определение компьютерной информации в условиях современных технологий, а именно компьютерная информация – это любая информация находящиеся в памяти компьютера или других фотонных устройства (сюда относятся новейшие технические разработки: портативные компьютеры высокочастотные телефоны) в формах допустимых для или передающиеся по каналам связи.

Существует позиция, согласно которой этот состав преступления не является мошенническим, так как законодатель под мошенничеством, понимает хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Например, Н.А. Лопашенко считает, что совершение преступления, когда отсутствует сам собственник является по сути кражей, и может быть включен в квалифицирующие составы, например, (для присвоения и растраты)⁴, а другие ученые все-таки признают это преступление разновидностью мошенничества (Медведев С. С., Зыков Д. А.)⁵. Исследуемая норма не совпадает со стандартным определением мошенничества, которое дается в диспозиции статьи 159 УК, поскольку мошенничество совершается посредством обмана или злоупотребления доверием, а в случае со статьей 159⁶ УК способы совершения этого преступления не являются по своей природе ни обманом, ни злоупотреблением доверием. И то преступление, которое законодатель назвал «мошенничество в сфере компьютерной информации» имеет свой собственный способ, поскольку лицо получает доступ к имуществу или к праву на имущество путем взаимодействия с компьютерной информацией. Следовательно, можно вести речь о специфическом «компьютерном» способе,

¹ Чупрова А. Ю. Проблемы квалификации мошенничества с использованием информационных технологий. // УГОЛОВНОЕ ПРАВО Издательство: Автономная некоммерческая организация "Юридические программы" (Москва) №5 2015г. С. 4.

² Яни П.С. Специальные виды мошенничества/Журнал "Законность", N 8, август 2015 г. С. 5-6.

³ Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ// Российская газета 2006г.

⁴ Лопашенко Н.А. Законодательная реформа мошенничества: вынужденные вопросы и вынужденные ответы// Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2015 С. 507

⁵ Степанов М.В. Критический анализ нормы о мошенничестве в сфере компьютерной информации //Нижегородская академия МВД России С.174

который будет присущ отдельной форме хищения в сфере компьютерной информации.

В пункте 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» Пленум Верховного Суда делает попытку разграничить компьютерное мошенничество и преступления в сфере компьютерной информации, отмечая, что когда указанные деяния сопряжены с неправомерным внедрением в чужую информационную систему или с иным неправомерным доступом к охраняемой законом компьютерной информации кредитных учреждений содеянное подлежит квалификации по статье 159⁶ УК РФ, а также, в зависимости от обстоятельств дела, по статьям 272 или 273 УК РФ, если в результате неправомерного доступа к компьютерной информации произошло уничтожение, блокирование, модификация либо копирование информации, нарушение работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети¹. Согласно такой позиции, указанные нормы не конкурируют друг с другом, а могут выступать в совокупности.

Однако, с появлением статьи 159⁶ в УК проблема квалификации ее по совокупности с преступлениями в сфере компьютерной информации получила новое развитие. Существует позиция, согласно которой нужно применять данные статьи в совокупности при наличии на то определенных оснований, в частности М.И. Третьяк пишет, что мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное способами ст. ст. 272 и 273 не охватывает данные составы преступления. Поэтому практика оценивает данный вид по совокупности, в частности, когда объективная сторона ст. 159⁶ связана с объективной стороной ст. ст. 272, 273, а также при сочетании действия ст. 159⁶ с последствиями ст. ст. 272, 273. Однако хранение, передача обработка и т.д. квалифицируется только по ст. 159⁶.²

Следовательно, такие способы из ст. 159⁶ УК как «удаление», «блокирование», «модификация» для ст. 272 УК выступают в качестве последствий, а также ввод и иное вмешательство являются видами неправомерного доступа по своей природе. Исходя из вышесказанного я считаю, что данные составы не могут квалифицироваться по совокупности, так как совершение мошенничества посредством удаления, блокирования и модификации информации неизбежно приводит к тем же последствиям, указанным в статье 272 УК, следовательно, статья 272 УК является частью ст. 159⁶ УК, а при конкуренции части и целого необходимо выбирать целое, то есть ст. 159⁶ УК. О конкуренции части и целого говорит ч. ч. 2, 3 ст. 34 УК, суть заключается в ролевом наборе, то есть когда преступление совершается одним лицом, по факту, он и исполнитель, и организатор и подстрекатель, и пособник, но по части 3 данной статьи, квалифицируется без ссылки на статью 34, только по статье Особенной части УК РФ. Как верно отмечает Л.В. Иногамова-Хегай, чаще всего конкуренция части и целого возникает при квалификации преступлений по совокупности, что вполне относится к нашему случаю, смысл заключается в том, что одна норма(целое) имеет признаки другой нормы(части) а также иные дополнительные признаки, которые не указаны в части³

Так, П. была осуждена по восьми преступлениям, предусмотренным ст.272 ч.3 УК РФ за неправомерный доступ к компьютерной информации, с

¹ Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 2, февраль, 2008.

² Третьяк М. И. Правила квалификации компьютерного мошенничества и преступлений, предусмотренных гл. 28 УК РФ// Уголовное право. 2014. N 4 С. 3-4

³ Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм// Монография.ИНФРА-М.2015. С. 33-34.

использованием своего служебного положения. И по восьми преступлениям по ст.159⁶ ч.3 УК РФ за совершение мошенничества в сфере компьютерной информации, с использованием служебного положения. П., используя свое служебное положение, осуществляла доступ в компьютерную программу, где противоправно, без заявления клиента, заменяла сим-карты на новые, находящиеся в офисе продаж. Воспользовавшись этим, П., выходила в сеть «Интернет», где незаконно производила перевод денежных средств на расчетные счета банковских карт, причинив тем самым ущерб на разные суммы¹.

Список использованных источников.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ// Российская газета 8 июня 2010 г. Ермакова, О.В. Квалификация специальных видов мошенничества (ст. 159.1-159.6 УК РФ): учебное пособие / О.В. Ермакова. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2016. С. 60.

2. Чупрова А. Ю. Проблемы квалификации мошенничества с использованием информационных технологии. // УГОЛОВНОЕ ПРАВО Издательство: Автономная некоммерческая организация "Юридические программы" (Москва)№5 2015г. С. 4.

3. Яни П.С. Специальные виды мошенничества/Журнал "Законность", N 8, август 2015 г. С. 5-6.

Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ// Российская газета 2006г.

4. Лопашенко Н.А. Законодательная реформа мошенничества: вынужденные вопросы и вынужденные ответы// Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2015 С. 507

5. Степанов М.В. Критический анализ нормы о мошенничестве в сфере компьютерной информации //Нижегородская академия МВД России С.174

Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2007 № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 2, февраль, 2008.

6. Третьяк М. И. Правила квалификации компьютерного мошенничества и преступлений, предусмотренных гл. 28 УК РФ// Уголовное право. 2014. N 4 С. 3-4

7. Справка-обобщение изучения судебной практики рассмотрения судами Самарской области уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 159.1 – 159.6 УК РФ, отграничение от смежных составов //http://kuibyshevsky.sam.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=1387 Дата обращения 19.04.2017 г.

¹ Справка-обобщение изучения судебной практики рассмотрения судами Самарской области уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 159.1 – 159.6 УК РФ, отграничение от смежных составов //http://kuibyshevsky.sam.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=1387 Дата обращения 19.04.2017 г.

Научное издание

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Издание подготовлено в авторской редакции

Технический редактор *Е.Н. Собанина*
Дизайн обложки *Ю.Н. Ефремова*

Подписано в печать 25.12.2017. Формат 60x84/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11,5. Тираж 150 экз. Заказ 1834

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3, тел. (495) 952-04-41